

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

На правах рукописи

Четверикова Виктория Николаевна

**ГРАММАТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОЙ СПЕЦИФИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ДЖ. К. РОУЛИНГ О ГАРРИ ПОТТЕРЕ)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Ашот Арамович Григорян

Иваново 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ЯЗЫК И ГЕНДЕР: ОНТОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА	15
1.1. Антропоцентризм и междисциплинарность современной науки о языке: лингвогендерологический аспект	15
1.2. Развитие гендерных исследований. Гендерная специфика: основные вопросы	21
1.2.1. Термин «гендер» в лингвистике	25
1.2.2. Особенности гендерных стереотипов	31
1.2.3. Гендерные особенности речевого поведения детей	38
1.2.4. Современные подходы к изучению языка и гендера	44
1.3. Отражение гендера на разных уровнях языковой системы	49
1.3.1. Проявления гендера на фонетическом уровне	49
1.3.2. Проявления гендера на лексическом уровне	53
1.3.3. О проявлениях гендера на грамматическом уровне	59
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	74
ГЛАВА II. ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРА В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ КАТЕГОРИЙ МОДАЛЬНОСТИ, ЗАЛОГА, НАКЛОНЕНИЯ И ТРАНЗИТИВНОСТИ)	76
1. Введение	76
1.1. Проявление гендерно-маркированного употребления модальных глаголов	77
1.2. Специфика гендерного аспекта в грамматической категории наклонения	88
1.3. Особенности проявления гендерного компонента при взаимодействии с глагольной категорией транзитивности	105
1.4. Специфика взаимодействия грамматической категории «залог» и ген-	

дера	114
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	121
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	123
Библиографический список	127

ВВЕДЕНИЕ

Современной лингвистической литературы, которая посвящена изучению взаимоотношений и взаимовлияний гендера и языка, становится всё больше, и это вызвано, как минимум, двумя причинами. Во-первых, в нашей стране до середины 1990-х гг. соответствующего направления исследований в целом не существовало. В связи с этим представляется естественной попытка отечественных ученых восполнить данный пробел. Во-вторых, закономерным является их стремление ввести в научный оборот и адаптировать обширную западную, прежде всего англоязычную, традицию гендерно-ориентированных исследований. Следует также упомянуть, что гендер относится к факторам, всегда в той или иной мере присутствующим в коммуникации: в некоторых контекстах он ощутим явно, в других – как имеющий значение фон.

Возникший во второй половине XX века в гуманитарных науках антропо-ориентированный подход обозначил повышенный интерес к различным параметрам человеческой личности, в том числе к человеку как социально обусловленному мыслительному конструкту. Анализ языка не как системы, но как результата речевой деятельности человека способствует глубокому проникновению в пространство культуры; при этом повышается значение изучения языковой личности.

Представляется, что взаимодействие языка и культуры (включая гендерный фактор) универсально в том смысле, что проявляется во всех языках и культурах. С другой стороны, оно, по-видимому, обладает национальной спецификой в силу различий прежде всего – структур языка, отражающих своеобразие конкретной культуры. При этом разные стороны этого взаимодействия подвергаются изучению и анализу в разной степени. С нашей точки зрения, материалов и работ, посвященных взаимодействию грамматических явлений и гендера, довольно мало, особенно если учесть параметр возраста: поведение мальчиков и девочек, детей младшего школьного возраста.

В последнее время наблюдается возрастание интереса к англоязычной детской художественной литературе (Е. А. Вансяцкая, Е. В. Белоглазова, В. В. Вои-

нова, Т. С. Бобарыкина и др.), но гендерный аспект на данном материале недостаточно изучен, а грамматический аспект в рамках гендерологических исследований не затрагивается вовсе.

Таким образом, **актуальность** работы обусловлена рядом факторов: во-первых, онтолингвистика, в рамках которой осуществляется данное исследование, представляет собой одно из наиболее актуальных направлений в современной лингвистике, что обусловлено в первую очередь интересом к особенностям и закономерностям становления детской речи не только в русском, но и в других языках; во-вторых, языковая специфика, выявленная на основе гендерных характеристик, в настоящее время приобретает большую значимость не только в лингвистике, но и в психолингвистике, а также онтолингвистике, что обусловлено всевозрастающим интересом к поиску методов «правильного» формирования личности, ее становления в рамках общепринятых канонов воспитания. В-третьих, материал, на основе которого проводится данное исследование, а именно книги Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере, является показательным с точки зрения особенностей репрезентации языковой личности ребёнка.

Степень изученности проблемы. В современной лингвистике изучение гендерной проблематики ведется в различных направлениях: конструирование гендера в языковом сознании (Е. И. Горошко, Т. Б. Рябова, И. И. Халеева), в лексике и фразеологии (А. В. Артёмова, А. А. Григорян, И. В. Зыкова, В. Н. Телия), в художественной литературе (Т. В. Гречушникова, И. Л. Савкина, М. Ю. Тимофеев, Н. А. Фатеева), в речи (М. Д. Городникова, Е. И. Горошко, J. Coats, J. Holmes, D. Tannen, D. Zimmerman), во взаимодействии с невербальной коммуникацией (Г. Е. Крейдлин, Ф. И. Карташкова, В. В. Ганина, Е. А. Вансяцкая). Многие ученые рассматривают функционирование гендерных стереотипов в языке (Л. И. Гришаева, В. А. Ефремов, А. В. Кирилина, В. В. Красных, Т. Б. Рябова, Е. А. Каркищенко); проводится изучение гендера как когнитивного феномена (Л. В. Адонина, Н. Ф. Алефиренко, С. А. Аскольдов, А. П. Бабушкин, К. С. Волошина, Т. А. Денисова и др.).

Объектом исследования является язык современной детской художественной литературы.

В качестве **предмета** исследования выступают лингвогендерологические особенности детской речи (на материале английского языка).

Гипотеза исследования заключается в том, что такие элементы грамматической системы языка, как модальность, наклонение, транзитивность и залог, обладают гендерной спецификой.

Цель данного диссертационного исследования состоит в изучении манифестации гендера в речевом поведении детей, в таких компонентах грамматической системы языка, как модальность, наклонение, транзитивность, залог (на материале английского языка).

Поставленная цель предусматривает решение следующих задач:

1) обобщить имеющиеся в лингвистических работах отечественных и зарубежных авторов концепции гендера;

2) специфицировать суть основных понятий исследования (*гендер, гендерный концепт, гендерный стереотип, маскулинность / феминность, детская речь, речевое поведение, детская художественная литература*);

3) выявить общие закономерности и конкретные языковые механизмы конструирования маскулинности и феминности в англоязычной детской художественной литературе;

4) исследовать взаимосвязь некоторых грамматических категорий с гендерными особенностями речевого поведения детей:

- особенности грамматической категории наклонения и гендера;
- проявление категории модальности и гендера;
- взаимодействие глагольной транзитивности и гендера;
- специфику взаимодействия грамматической категории залога и гендера.

Материалом исследования послужили произведения Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» (англ. «Harry Potter and the Philosopher's Stone» или «Harry Potter and the Sorcerer's Stone») и «Гарри Поттер и тайная комната» (англ. «Harry Potter and the Chamber of Secrets»).

Выбор именно этих книг не случаен. Максимальный возраст главных героев в анализируемом материале не превышает 11-12 лет. При определении принадлежности той или иной возрастной категории действующих лиц к детской мы опираемся на работы швейцарского психолога и философа Ж. Пиаже и советского учёного Б.В. Петровского. Согласно исследованиям Ж.Пиаже, выделяются четыре стадии когнитивного развития ребёнка; к четвёртому этапу относится период с 10 до 12 лет. Ученый характеризует его как детский (Пиаже 1994). В «Большой медицинской энциклопедии» Б.В. Петровского также чётко описываются возрастные периоды развития детей. Период 7 – 12 – 13 лет (4 этап) – это младший школьный возраст, а подростковый период (5 этап) начинается с 12 лет у девочек и с 13 у мальчиков [Петровский 1976, с. 381]. Кроме того, как указывает профессор А.А. Крылов, согласно принятой еще в 1965 году на симпозиуме Академии педагогических наук СССР возрастной периодизации возраст от 8 до 12 (для мальчиков) квалифицируется как второй период детства. Подростковый возраст начинается у них с 13 лет и длится до 16 лет [Крылов 2005].

Серия книг о Гарри Поттере быстро завоевала сердца читателей всех возрастов в разных странах мира, хотя изначально произведение было адресовано детям и подросткам. Первая книга этой серии вышла еще в 1997 году и сразу вызвала большой интерес у читателей и критиков. Интерес вскоре сменился всеобщим признанием, что наглядно прослеживается по наличию престижных литературных премий (Whitaker Platinum Book Awards (2001), Nestlé Smarties Book Prizes (1997–1999) , Scottish Arts Council Book Awards (1999 и 2001), Whitbread Book Award (1999), WHSmith book of the year (2006), Hugo Award (2000) и множество других). Книги о мальчике-волшебнике переведены с английского на 67 языков мира. В некоторых школах Великобритании эти книги являются частью школьной программы по литературе.

Цикл романов о Гарри Поттере привлекает внимание лингвистов и литературоведов своей неординарностью во многих аспектах, дает исследователям обширный и интересный материал для работы.

Лингвистический анализ текстов Дж. К. Роулинг в основном представлен в работах, посвященных довольно узкой тематике. Чаще всего затрагиваются проблемы перевода отдельных групп имен, созданных писательницей, или сравниваются тексты Дж. К. Роулинг с текстами произведений для детей других англоязычных авторов с целью выявления особенностей манеры письма каждого из них [Левко 2010]. Вместе с тем отсутствуют работы, в которых бы изучались лингвогендерологические особенности речи персонажей, созданных Джоан Роулинг (на материале детской художественной литературы).

Методологическую основу исследования составляют антропоцентрическое языкознание (Ю. Н. Караулов, Е.С. Кубрякова), лингвистическая теория гендера как социокультурного конструкта (Д. Камерон, А. В. Кирилина и др.), теория дискурсивного анализа (М. Фуко, В. И. Карасик, Н. Д. Арутюнова и др.), теория социального стереотипа (У. Липман), речевые аспекты поведения детей (С. Н. Цейтлин, Е. С. Кубрякова, Е. И. Исенина и др.).

Теоретическую базу исследования составили работы в области:

1) гендерологии и гендерной лингвистики (А. В. Кирилина, А. А. Григорян, Е. И. Горошко, Т. Б. Рябова, Е. С. Гриценко, Н. Л. Пушкарёва, Р. Лакофф, Д. Камерон и др.);

2) психолингвистики (А. Г. Фомин, И. В. Журавлёв и др.);

3) когнитивной лингвистики (А. Вежбицкая, Е. С. Кубрякова, В. В. Красных, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. И. Карасик, В. А. Маслова и др.);

4) лингвокультурологии (В. Н. Телия, Ю. С. Степанов, В. А. Маслова и др.);

5) теории дискурса (И. А. Стернин, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, Е. С. Гриценко и др.);

6) онтолингвистики (С. Н. Цейтлин, Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Е. И. Исенина, Г. Н. Чиршева, Е. Ю. Протасова, Н. И. Лепская, И. Н. Горелов и др.

В ходе исследования применялись следующие **методы**:

1) метод теоретического анализа и синтеза материала для обобщения результатов зарубежных и отечественных гендерных исследований;

2) метод сплошной выборки, позволяющий отобрать гендерно релевантные высказывания, иллюстрирующие языковые проявления гендера в детском речевом поведении;

3) описательно-аналитический метод, подразумевающий наблюдение, анализ, качественное описание и классификацию языковых явлений, а также сравнение полученных результатов с целью выявления общих и специфических языковых аспектов детской речи;

4) метод словарных дефиниций;

5) гипотетико-дедуктивный метод;

6) прием количественного подсчета с целью определения частотности проявления лингвогендерологических аспектов детской речи.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

1) в работе впервые проведен анализ взаимодействия значимых явлений (модальность, наклонение, переходность / непереходность глаголов, залог) грамматического строя английского языка и гендера;

2) установлен языковой механизм создания и конструирования маскулинности и феминности на лексико-грамматическом уровне языка;

3) сформулировано понятие маскулинности и феминности применительно к грамматическому аспекту детской речи.

Новизна исследования заключается в первую очередь в установлении взаимосвязи функционирования определенных грамматических категорий (наклонения, залога, переходности, модальности) и гендерных особенностей речевого поведения детей. В настоящее время в большей степени изучены вопросы гендерной специфики на уровне лексики и семантики, а именно: для женского пола установлена высокая частотность употребления в речи уменьшительно-ласкательных выражений (чаще всего в общении с детьми и при обращении к животным), употребление приблизительных обозначений, прослеживается тенденция к чрезмерной экспрессии, речь насыщена эмоционально-оценочными языковыми единица-

ми. Речь мужчины более жесткая и суровая с лексической точки зрения. Прослеживается активная частотность употребления терминологии (использование профессиональных знаний вне зависимости от сферы общения) и стилистически нейтральной оценочной лексики. На уровне словарного состава, семантических полей и ассоциативных рядов также выявлены особенности женской и мужской речи. В гораздо меньшей степени изучены фонетический и грамматический аспекты. В рамках последнего наиболее распространенным мнением считается преобладание в речи женщин конструкций с инверсией, а также вопросительных и восклицательных предложений. Однако данные исследования проводились в большей степени на материале речи взрослых. Наше исследование посвящено изучению грамматического аспекта гендерной лингвистики на материале анализа детской речи, отраженного в текстах художественной литературы.

Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в том, что оно вносит вклад в решение задач гендерной лингвистики. Результаты работы уточняют сферы соприкосновения гендерных аспектов детской речи в области грамматических категорий (модальность, наклонение, переходность / непереходность глаголов, залог). Исследование может представлять интерес для специалистов в области гендерной лингвистики, лингвокультурологии и онтолингвистики. Настоящее диссертационное исследование вносит определенный вклад в развитие лингвокультурологии, социолингвистики, теории коммуникации, дискурсологии, психолингвистики и онтолингвистики, что расширяет горизонты междисциплинарного взаимодействия в рамках перечисленных направлений исследования.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что они могут быть использованы в теоретических курсах по общему языкознанию, лингвокультурологии, социолингвистике, онтолингвистике, в спецкурсах по гендерной лингвистике, а также при лингвистической интерпретации англоязычных художественных текстов детской литературы. Результаты исследования можно использовать при осуществлении адекватного перевода детской и подростковой литературы с учетом культурологической специфики переводимых реалий и гендерных различий.

Основные положения, выносимые на защиту:

Анализ исследуемого материала показал, что гендерная специфика проявляется в следующих грамматических категориях:

1. Употребление переходных глаголов является более характерным в речи мальчиков, которые чаще выступают в роли агента.

2. Использование модальных глаголов в речи мальчиков и девочек имеет свою специфику. Глаголы *must, have to, can* передают в речи мальчиков модальность уверенности; девочки склонны выражать модальность возможности с помощью модальных глаголов *may, might, would, could*.

3. Употребление в речи изъявительного и сослагательного наклонения не гендероспецифично. При употреблении повелительного наклонения наблюдается гендерный «перевес» в отношении речи мальчиков. Речевые акты просьбы и приказа отражают их стремление к доминированию.

4. Употребление активного залога не является гендероспецифичным. Преобладание пассивных конструкций в речи девочек манифестирует их менее активную позицию по сравнению с мальчиками.

Соответствие паспорту специальности. Отражённые в диссертации научные положения соответствуют паспорту специальности 10.02.19 – «Теория языка», в частности, следующим областям исследования:

- п.1. Теоретическая лингвистика. Грамматические категории. Современное состояние лингвистики.
- п.4. Понятие модальности и категория наклонения; синтаксический аспект наклонения. Грамматическая типология; проблема сопоставимости грамматических категорий разных языков.
- п.6. Семантика. Семантика, как лингвистическая единица.
- п.7. Дискурс. Реплики и группы реплик в диалоге. Грамматика дискурса.
- п.11. Психолингвистика. Психолингвистика как междисциплинарная наука.
- п.12. Социолингвистика. Социолингвистический подход к предмету линг-

вистики. Вариативность языка и ее связь с социальной вариативностью.

Структура работы. Данная работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка.

Во **введении** обосновывается выбор темы; актуальность и научная новизна работы, определяется объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи работы, методы исследования и основные положения, выносимые на защиту, указываются теоретическая и практическая значимость полученных результатов; сообщаются сведения о структуре и апробации работы.

В **первой главе** диссертации «Язык и гендер: онтолингвистическая перспектива» обобщаются достижения в сфере гендерной лингвистики как одной из концептуальных основ изучения гендерных категорий. Проанализировано влияние антропоцентрического подхода на формирование гендерной теории социокультурного пола, на становление теории дискурса. Рассмотрены современные подходы к изучению языка и гендера. Приведены особенности гендерных стереотипов. В фокусе внимания ученых – наряду с другими проблемами гендерной лингвистики – оказывается взаимосвязь гендера и явлений грамматического строя английского языка. Отмечается, что современное изучение гендера требует применения междисциплинарного подхода, включающего методы психо- и социолингвистики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Во **второй главе** «Отражение гендера в грамматической системе языка (на материале категорий модальности, залога, наклонения и транзитивности)» анализируется набор языковых средств, используемых в процессе конструирования маскулинности и феминности в речевом дискурсе англоязычных детей.

Проведен анализ взаимосвязи гендера и грамматических категорий модальности, наклонения, залога и грамматического значения глагольной транзитивности и гендера в детской речи (на материале англоязычной детской художественной литературы).

Каждая глава завершается выводами.

В **заключении** обобщаются результаты сопоставительного анализа языковых средств при взаимодействии некоторых явлений (модальность, наклонение, переходность / непереходность глаголов, залог) грамматического строя английского языка и гендера, подводятся итоги проведенного исследования.

В конце работы приводится список использованной литературы, который содержит 272 наименования работ отечественных (208) и зарубежных (64) ученых.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации и полученные результаты обсуждались на заседаниях кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет». Работа прошла обсуждение на ежегодных научных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых в ИвГУ (2012, 2013, 2015, 2016, 2017, 2018 г.), на семинарах научно-образовательного центра «Лаборатория коммуникативного поведения человека» при ИвГУ (2012–2018 г.), на международной научной конференции «Чтения Ушинского» ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (2015 г.), на II Международном научном симпозиуме «Перевод в меняющемся мире» в ИвГУ (2016 г.), на VIII Международной конференции «Англистика XXI века» в СПбГУ (2016 г.), на Всероссийской научной конференции «Лингвистические вызовы XXI века» в ИвГУ (2017 г.), на II Международной научно-практической конференции «Магия ИИ-НО: новое в исследовании языка и методике его преподавания» в МГИМО (2017 г.), на методологическом семинаре Института филологии в рамках деятельности диссертационного совета Д 212.307.05. Содержание работы отражено в 8 публикациях, из них 3 работы в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

1. Четверикова, В. Н. Гендерные особенности грамматической категории наклонение в романе Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» [Текст] / В. Н. Четверикова // Успехи современной науки и образования. – 2017. – №2. – С. 184–185.

2. Четверикова, В. Н. Гендерный аспект глагольной транзитивности в романе Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» [Текст] / В. Н. Четверикова // Известия вузов. Гуманитарные науки. – 2017. – №4. – С. 335–337.

3. Четверикова, В. Н. Специфика взаимодействия грамматической категории «зalog» и гeндера (на материале книг о Гарри Поттере) [Текст] / В. Н. Четверикова // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – №6 [73]. – С. 617–618.

ГЛАВА I. ЯЗЫК И ГЕНДЕР: ОНТОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

1.1. Антропоцентризм и междисциплинарность современной науки о языке: лингвогендерологический аспект

Лингвистика конца XX – начала XXI в. развивается по направлению от «имманентной» системно-структурной лингвистики к открытой для внешних влияний, свободно интегрирующейся с другими науками лингвистике антропологической.

Появление новых лингвистических направлений знаменует смену научных парадигм. Понятие *парадигма* (от греч. *παράδειγμα* (*paradeigma*) – пример, образец, тип, модель) существовало в античной и средневековой философии для характеристики вечных идей как образца. Этот процесс можно назвать революцией, связанной со стремлением объяснить язык как глобальное средство коммуникации с целью его всестороннего описания во всех направлениях.

Одна из главных черт современной лингвистики – антропоориентированность. Прослеживается влияние «человеческого фактора» в языке, происходит смещение акцентов языковых исследований с объекта на субъект. Выдающийся французский лингвист Э. Бенвенист посвящает данному вопросу целый раздел своей книги, «человек в языке и язык в человеке» [Бенвенист 1974, с. 437–438]. Е. С. Кубрякова считает общей тенденцией сегодняшнего языкознания «не только расширение всей сферы лингвистических исследований, но и новое понимание языка и его роли для человека и для человеческого общества, а следовательно, и постановку новых задач, касающихся многочисленных связей языка с другими феноменами человеческого сознания и человеческой деятельности» [Кубрякова 2004, с. 505].

Современному языкознанию присущи различные отличительные черты. Хорошо известны сформулированные Е. С. Кубряковой четыре базовых принципа, обуславливающие междисциплинарный и сопоставительный характер совре-

менного языкознания: экспансионизм, антропоцентризм, неофункционализм, экспланаторность [Кубрякова 1994, с. 3].

Суть *лингвистического экспансионизма* во «вторжении» лингвистики в новые области науки, а также активное использование сведений других наук.

Вторая черта современной лингвистической науки – *антропоцентризм*, главным образом акцентирует внимание на происходящих явлениях языка как процессах человеческой деятельности.

Неофункционализм подразумевает исследование языка в процессе, в деятельностном аспекте.

Экспланаторность – тенденция к экспликации, стремление найти точное объяснение внутренней организации языка.

Все вышеперечисленные особенности современной науки неразрывно связаны друг с другом, и любое направление современного языкознания обладает данными отличительными чертами.

Развитие современного языкознания происходит в соответствии с данными принципами и находит свое отражение в лингвокогнитивном, психолингвистическом, социолингвистическом, лингвокультурологическом направлениях. В связи с этим расширяется и общий понятийно-смысловой аппарат – за счет таких фундаментальных терминов, как *картина мира*, *коллективное / индивидуальное языковое сознание*, *языковая личность* и т. д.

Понятие картины мира можно отнести к числу фундаментальных, которое передаёт особенности человеческого существования, основывается на совокупности мироощущения, миропонимания и мировоззрения, а также на познавательных и творческих особенностях человеческой личности, необходимых для его существования в мире. Картина мира (КМ) способствует тесной связи, единству знания и поведения людей в обществе, является универсальным посредником между разными сферами человеческой культуры и выступает средством интеграции людей в обществе [Чепелова 2009, с. 119].

Термин *картина мира* был впервые употреблен Г. Герцем для определения физической картины мира. Этим понятием широко пользовался также М. Планк,

трактуя данное понятие как «образ мира», формируемый физической наукой и отражающий реальные закономерности природы. М. Планк различал практическую (обиходную, наивную) и научную картины мира. С практической он связывал представление человека об окружающем мире, которое вырабатывается им постепенно на основании своих переживаний, собственного опыта или опыта окружающих [Бурич 2007, с. 97]. Особенность данной картины мира – это её стабильность, она практически не подвергается изменениям. Научной картине мира, напротив, предписывается независимость от знаний, опыта и восприятия окружающей действительности человека. Эта картина мира является нестабильной, отмечается частая и резкая склонность к изменениям под влиянием новых открытий.

Что касается лингвистики, то первые попытки осмыслить активную формирующую роль системы языка по отношению к системе мышления принадлежат И. Гердеру и В. Гумбольдту. И. Гердер описывает язык как «зеркало народа», а В. Гумбольдт считает его «духом народа». «Особенность духа и строение языка какого-либо народа так между собой внутренне связаны, что, если бы одно из них было дано, второе должно быть из него выведено. Язык является также внешним проявлением духа народов. Язык – это их дух, а их дух – это их язык. Никогда не удастся в достаточной степени выразить их идентичность» [Гумбольдт 1984, с. 147]. Он считает, что мышление народа формируется под воздействием силы языка. Главенствующая роль отводится языку, который самостоятельно создает картину мира, а многообразие и различие языков становится причиной различия во взглядах на мир.

Современные представления о языковой картине мира освещаются в работах Ю. Д. Апресяна. Учёный полагает, что «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. С другой стороны, языковая картина мира является “наивной” в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от “научной” картины. При

этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир» [Апресян 1995, с. 348].

В.И. Карасик полагает, что «языковая картина мира – это сложившаяся давно и сохранившаяся донине национальная картина мира, дополненная ассимилированными знаниями, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языковых формах, ограниченная рамками консервативной национальной культуры народа» [Карасик 2005, с. 17].

Е.С. Кубрякова сравнила картину мира и языковую картину мира, при этом подметила: «Картина мира – то, каким себе рисует мир человек в своем воображении, – феномен более сложный, чем языковая картина мира, т. е. та часть концептуального мира человека, которая имеет “привязку” к языку и преломлена через языковые формы» [Кубрякова 1994, с. 120].

Вслед за Е. С. Кубряковой В. А. Маслова сравнивает языковую картину мира с метафорой. Она считает, что понятие *языковая картина мира* – «не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую “окраску” этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [Маслова 2001, с. 64].

Так, можно заметить, что с 1980-х гг. когнитивная лингвистика и культурология рассматривают метафору как путь к исследованию национальных языковых картин. В активный обиход входит понятие *когнитивный*, имеющий английское – изначально, конечно, латинское – происхождение (*cognitive*) и относящийся тем или иным образом к познанию, мышлению, сознанию и функциям мозга,

обеспечивающим получение вводных знаний и информации, формирование понятий и оперирование ими.

По мнению В. А. Масловой, язык отражает наивную картину мира, которая складывается, прежде всего, как ответ «на практические потребности человека, как необходимая когнитивная основа его адаптации к миру. Прагматический эгоцентризм структурирует деятельность таким образом, чтобы она оптимально выстраивалась в когнитивном поле человека, была максимально удобной. Необразимые пространства, трудовую и интеллектуальную деятельность, бурю своих чувств человек измеряет через себя самого (“насколько хватает глаз”, “каша в голове”, “не покладая рук”, “сердце переполняется” и т.д.), принимая все в себя и распространяя себя на окружающий мир. Языковая картина мира сохраняет модель такого антропоцентризма и во времена, когда человек обесценивается или избирает другие ценностные приоритеты» [Маслова 2001, с. 68–69].

С развитием когнитивной психологии было пересмотрено понятие категории, восходящее к Аристотелю. «Е. С. Кубрякова отмечает, что на современном этапе наука подошла к пересмотру самого процесса классификации явлений действительности в том виде, в котором он происходит в повседневной человеческой жизни. Другими словами, когнитивная наука поставила вопрос о категоризации как вопрос о когнитивной деятельности человека. Кроме того, представляется важным, на основании чего классифицирует вещи обычный человек и как он сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм ее движения в определенные рубрики» [цит. по: Чернышова 2013, с. 19].

Профессор Дж. Лакофф трактует этот термин таким образом: «Человеческая категоризация есть в своей сущности продукт человеческого опыта и воображения – восприятия, двигательной активности и культуры, с одной стороны, и метафоры, метонимии и ментальной образности в целом, с другой» [Лакофф 2004, с. 23].

О. О. Борискина рассматривает язык в качестве языкового источника знаний о мире, которое отличается от энциклопедического, основанного на призна-

нии активной творческой роли языка в процессах категоризации мира. Поскольку категоризация совершенствуется в процессе усвоения языка, учёная причисляет категоризацию к лингвистическим явлениям [Борискина 2004, с. 115].

Так, подтверждается мнение Е. С. Кубряковой о том, что категоризация – это лингвистическое явление и о нем следует говорить как о лингвистической категоризации, результаты которой находят отражение в полнозначной лексике. Каждое полнозначное слово можно рассматривать как единицу, отражающую отдельно взятую категорию со стоящими за ней многочисленными ее представителями [цит. по: Захарова 2018, с. 19].

В целом когнитивная лингвистика рассматривает язык как основной инструмент речемыслительной деятельности.

В современном языкознании также интересным и многозначным представляется понятие концепт, который вошёл в понятийный аппарат множества наук (семантики, когнитивистики, лингвокультурологии) [Карасик 2004, с. 75]. В современной лингвистике нет чёткого определения данному термину, так как он носит междисциплинарный характер, что затрудняет выделение его чётких семантических границ. Терминологическая трактовка «концепта» зависит от семантических, когнитивных и социокультурных критериев. В. И. Карасик определяет концепт как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик 2004, с. 59], а также как «фрагмент жизненного опыта человека» [Карасик 2004, с. 3].

Н. Д. Арутюнова трактует концепт как понятие обыденной философии, являющейся результатом взаимодействия ряда факторов, таких как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [Арутюнова 1987, с. 3].

Ю.С. Степанов определяет концепт как факт культуры, выделяя в нём три компонента (основной, дополнительный, внутренний) [Степанов 1997, с. 46–54].

В нашей работе мы придерживаемся концепции Ю. Д. Апресяна, который утверждает, что «свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально-специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [Апресян 1995, с. 352].

Таким образом, можно сказать, что языковые картины мира разных народов обладают собственной национально-культурной спецификой. Учёные по-разному подходят к рассмотрению вопроса специфики картины мира с точки зрения национально-культурных особенностей. Единство мнений существует в основном вопросе – и языковая, и культурная картины мира отвечают на важнейший мировоззренческий вопрос о сущности человека и его месте в мире.

1.2. Развитие гендерных исследований.

Гендерная специфика: основные вопросы

Гендерные исследования сегодня – это динамично развивающаяся отрасль гуманитарного знания. Как известно, гендер рассматривает взаимосвязь между социально-значимыми аспектами общественной морали и реальными факторами поведения, которые действительно формируют современное общество. Одним из активно развивающихся направлений языкознания является гендерная лингвистика (лингвистическая гендерология), переживающая в последнее время, по утверждению А. А. Григоряна, настоящий бум [Григорян 2005, с. 3]. Изучающая стереотипы, приписываемые тому или иному полу, она тесно связана с культурными и социальными факторами, которые, в свою очередь, определяют поведение мужчин и женщин, отношение общества к ним.

Как отмечает А. В. Кирилина, впервые фактор пола в языке возник еще в античности при осмыслении категории грамматического рода [Кирилина 1999, с. 32]. Гендерная проблематика стала привлекать внимание современных ученых в конце 60-х – начале 70-х годов XX века. Именно тогда гендерная лингвистика начала развиваться как особое направление языкознания.

Изначально термин «гендер» использовался только в рамках определения лексико-грамматической категории, для обозначения мужского, женского и среднего рода. Американский психолог и сексолог Джон Уильям Мани впервые в научной сфере использовал этот термин при исследовании вопросов интерсексуальности.

Понятие *гендер* вошло в лингвистику необычным образом: из лингвистического контекста был изъят английский термин *gender*, который впоследствии был перенесен в исследовательскую сферу философии, социологии, психологии, истории и др. Основной целью данного процесса был отход от термина *sexus*, который обозначал биологический пол. Сегодня гендер трактуется как социокультурная причина межполовых различий, а не природная.

Впервые понятие *гендер* появилось в 60-х годах, но свое распространение оно получило гораздо позже. Термин *gender* в новом значении был использован американским психологом и сексологом Д. Мани в 1955 году для отграничения общеполовых свойств, то есть пола как фенотипа, от сексуально-эротических характеристик: “The term gender role is used to signify all those things that a person says or does to disclose himself or herself as having the status of boy or man, girl or woman, respectively. It includes, but is not restricted to, sexuality in the sense of eroticism” («Термин “гендерная роль” используется для обозначения всех тех вещей, которые человек говорит или делает, чтобы раскрыть себя как имеющего статус мальчика или мужчины, девочки или женщины, соответственно. Он включает сексуальность в значении эротизма, но не ограничивается ею» [Money 1955, p. 253–264]).

Несмотря на то, что исследования гендера вызывают интерес у множества ученых, до сих пор не существует единой точки зрения о его природе. Многие рассматривают этот термин, разбирая научные проблемы, связанные с вопросами биологического пола. Одни воспринимают и используют данное понятие для описания научных проблем, связанных с вопросами биологического пола, другие воспринимают гендер как социально-культурный феномен.

Изначально термин «гендер» нашёл широкое применение в исторических, психологических и социологических исследованиях. К 1960-м гг. это понятие проникло в лингвистику при антропоориентированном описании лингвистических проблем [Кирилина 1999, с. 189].

«Вопросы гендерной лингвистики сегодня находятся в исследовательском фокусе большого количества ученых, работающих в самых различных областях знания: гендерные исследования имеют ярко выраженный междисциплинарный характер. Об этом красноречиво свидетельствует огромное количество публикаций и конференций, посвященных соответствующей проблематике» [Григорян 2005, с. 260].

Возникновение интереса и активное развитие гендерных исследований связано с появлением Женского движения, пик активности которого в США и Германии пришелся на конец 60-х – начало 70-х годов XX в. Это новое движение обратило внимание общества на андроцентричность окружающей его реальности, выдвинув на первый план проблему неравенства мужчин и женщин в обществе. Причиной неравенства могут являться не биологические различия, а разный социальный статус мужчин и женщин.

Гендер может быть проинтерпретирован как социокультурный конструкт, который общество «надстроило» над физиологической реальностью и определило как «вид социальных отношений», посредством которых создается, подтверждается и воспринимается информация о «мужском» и «женском» как о базовых категориях общественного порядка [Тарасова 2006, с. 26].

Гендерные исследования сегодня можно причислить к междисциплинарной области научного знания. Важно определить смысловую составляющую и видеть чёткую разницу между понятиями *гендер* и *пол* [Пушкарева 1999; Уэст, Зиммерман 1997]. Гендер – это социокультурный конструкт, включающий совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. С точки зрения социологии гендер является социальным конструктом, который выступает как порождение различных социальных институтов. Пол – это совокупность

генетических признаков, структурная и функциональная характеристика организма, отражающая его особые репродуктивные свойства; биологическое различие между женщинами и мужчинами [Юдина, Степанова, Денисова 2006, с. 68].

Категория «гендер» также появляется в системе философского знания. Гендерные идеи в данном направлении, прежде всего, связаны с вопросом предназначения мужчины и женщины, которые выражены при помощи присущего только философии понятийного аппарата [Гурко 1998]. Активно рассматриваются такие категории описания человека, как «мужественность» и «женственность».

Большое внимание зарубежных и отечественных исследователей (R. Lakoff, А. В. Кирилина, О. Л. Каменская, М. Д. Городникова и др.) привлекает вопрос рассмотрения гендера с точки зрения различных языковых структур, которые в полной мере помогают раскрыть содержание термина «гендер». Так, можно сказать, что данное понятие создается обществом, в частности, посредством языка.

А.В. Кирилина полагает, что главным вопросом является выявление и определение средств, содержащихся в языке для его выражения, определение экстра- и интралингвистических факторов, влияющих на процесс конструирования гендера, которые проявляются при анализе прагматического и коммуникативного контекста [Кирилина 1999, с. 62].

Исследование проблем, связанных с гендером, в настоящее время представляется весьма актуальным. Рассмотрение любого феномена языка в гендерном аспекте, как справедливо отмечают исследователи, приводит к приращению нового знания, вследствие чего различные явления языка и речи могут быть описаны в новом ракурсе [Тарасова 2006, с. 2].

Получив широкое применение в различных гуманитарных науках, термин *гендер* несколько позже вернулся в языкознание в новом значении социально-культурного пола. Однако стоит заметить, что при этом в англоязычных работах по лингвистике слово «gender» используется и в своем старом значении – грамма-

тической категории рода. Не стоит также забывать, что нередко наряду с использованием термина *gender* в западных гендерных исследованиях присутствует и термин *sexus*, хотя можно отчетливо проследить тенденцию использования слова «gender» в значении «пол» в целях политической корректности даже вне научного дискурса [Полевая 2014, с. 16–17].

1.2.1. Термин «гендер» в лингвистике

Становление и интенсивное развитие изучения гендера в лингвистике происходит в конце XX века. Основная причина этого процесса связана с влиянием постмодернистской философии в гуманитарных науках, в связи с чем происходит смена модели научного исследования. Наблюдается интерес к частной жизни человека, к субъективному. Появляются новые теории личности, одна из основных – теория социального конструктивизма, в рамках которой рассматривается социопсихологическое строение социальной реальности человеческой активности, процесс формирования людьми социальных явлений. Особое внимание отводится научному изучению таких биологически детерминированных категорий, как возраст, пол и этничность. Новый подход потребовал и применения новой терминологии, более точно соответствующей методологическим установкам исследователей, что и стало причиной введения в научное описание термина *гендер*, призванного подчеркнуть общественно конструируемый характер пола, его конвенциональность, институциональность и ритуализованность. Этот подход естественным образом подтолкнул учёных к исследованию проявления лингвистических явлений в языке и коммуникации [Смит 1997, с. 154–161].

На протяжении долгого времени систематических исследований в сфере взаимодействия области гендера и лингвистики не проводилось. Лишь в начале XX века благодаря интересу к теме языка и пола, проявленному всемирно известными учеными (О. Есперсен, Э. Сепир, Ф. Маутнер), эта проблема стала выходить на первый план. Однако их соображения и рассуждения в данной области были подвержены влиянию стереотипов и предубеждений своего времени. Так, в одном

из основных трудов датского учёного О. Есперсена «Язык. Его природа, развитие и происхождение» глава «Женщина» включена в часть «Индивид и мир» в одном ряду с главами «Пиджин» и «Иностранец». Можно подумать, что автор воспринимает «женский» язык как отклонение от нормы. В то же время учёный рассуждает об отличительных особенностях речи женщин и мужчин. По его мнению, женщины избегают употребления грубых слов и выражений на инстинктивном уровне; утверждается, что у женского пола ограниченный словарный запас, который ещё и не всегда правильно употребляется. Мужчинам приписывается творческое начало в языке в силу их более высоких интеллектуальных способностей [Jespersen 1998, p. 225]. Речь, в частности, идет «о ставшем частью коллоквиальной нормы современного английского языка употреблении наречий-интенсификаторов – awfully pretty, terribly nice» [Гриценко 2005, с. 51–52] .

Согласно гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа, особенности мышления человека определяются тем языком, носителем которого он является, соответственно ментальные категории зависят и определяются лингвистической системой носителя языка. Как отмечал Сепир, «...первичным миром реальности является словесный мир, и никто не в состоянии приблизиться к природе, пока не овладеет терминологией, каким-то магическим образом выражающей ее <...> мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [Сепир 1993, с. 228, 261].

Б. Уорф определил язык как форму, определяющую образ мысли человека, а не как средство выражения идей. Язык, которым владеет человек, играет самую важную роль в видении, понимании и структурировании окружающей действительности. Так, Б. Уорф сформулировал вышеизложенное следующим образом: «Было установлено, что основа языковой системы любого языка (иными словами, грамматика) не есть просто инструмент для воспроизведения мыслей. Напротив, грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их син-

теза <...>. Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы – участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка. Разумеется, оно никак и никем не сформулировано и лишь подразумевается, и тем не менее мы – участники этого соглашения; мы вообще не сможем говорить, если только не подпишемся под систематизацией и классификацией материала, обусловленной указанным соглашением <...>. Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем» [Уорф 1960, с. 169–182] .

По мере развития когнитивной лингвистики теория Сепира – Уорфа была поставлена под сомнение, однако интерес к понятию языковой относительности проявляется в современных феминистских исследованиях, где язык используется в качестве аргументации. Так, большинство научных трудов в сфере лингвистики 1970 – 80-х гг. суть, методы, способы и стратегии данной гипотезы.

«Согласно лингвистическим представлениям радикального феминизма, язык, во-первых, определяет восприятие и мышление – или, в более мягкой формулировке, накладывает ограничения на них, а следовательно, и на реальность; во-вторых, мужчины контролируют язык подобно тому, как они контролируют ресурсы в патриархатном обществе, т. е. определяют значения и нормы употребления. Это способствует консервации мизогинистского мировоззрения («мизогиния < гр. *misos* – ненависть + *gune* – женщина – антипатия к женщинам, женоненавистничество» [Комлев 2000, с. 600]). Помимо того, феминистские теоретики

заявляют, что «женщины поставлены в неблагоприятное, невыгодное положение как пользователи языка. Они вынуждены использовать мужской язык, что искажает их опыт и не дает адекватных возможностей для самовыражения (тезис об “отчуждении” женщин от языка)»» [Гриценко 2005, с. 53].

В целом же в процессе масштабных исследований второй половины XX века стала очевидной главенствующая роль языка в социальных практиках, что привело к так называемому «лингвистическому повороту» в гуманитарных науках. Язык стали рассматривать как средство доступа к знанию о нелингвистических явлениях. Представляется, что вся когнитивная лингвистика строится на данном принципе. В значительной мере это касается и гендерной лингвистики.

Учёные выделяют две основные группы проблем, в рамках которых происходит исследование гендера в языкознании.

1. *Язык и отражение в нем пола* (система номинаций, категория рода, лексика и т.д.). Главное в данном подходе – это рассмотрение влияния половой принадлежности на речь говорящего, понимание того, какие языковые средства приписываются мужчинам и женщинам, а также того, в каких семантических областях они наиболее заметно / отчетливо выражены.

2. *Речевое и в целом коммуникативное поведение мужчин и женщин* (мужская и женская речь, стиль) – это выделение гендерно маркированных лексических единиц и синтаксических конструкций, с помощью которых говорящий добивается успеха в коммуникации, т. е. специфика мужского и женского говорения [Кирилина, Томская 2005, с. 3].

Можно сказать, что начало лингвогендерологических исследований было положено благодаря работе Робин Лакофф «Language and Woman's Place» [Lakoff 1975]. Она в своей книге изучает язык белых представительниц американского среднего класса. Автор подмечает некоторые особенности женской речи, которая насыщена эмоциональными прилагательными (divine, adorable, fine, beautiful, marvelous); «пустыми» оценочными прилагательными (nicely, pretty); специфическими названиями цветов (mauve, lavender, ecru); словами, призванными смягчить высказывание (sort of, maybe); разделительными вопросами (This room is quite hot,

isn't it?); в споре женщины чаще, чем мужчины, ссылаются на чужой авторитет. Им присуще частое использование восходящей интонации в утвердительных предложениях. Причину этому (низкая степень уверенности в женской речи) Р. Лакофф находит в том, что общество ориентировано на мужчин и женщинам отказано в средствах выражения собственной точки зрения.

Р. Лакофф выделила некоторые отличительные признаки женского языка, взяв за основу своей работы методы наблюдения и лингвистическую интуицию:

- специализированный словарь, связанный с женскими сферами деятельности и интересов;

- более точные, детализированные цветообозначения (mauve, lavender – розовато-лиловый, лавандовый, аквамариновый и т.п.);

- аффективные прилагательные, используемые для выражения эмоционального отношения, а не денотативной информации (adorable, divine, lovely – милый, божественный, очаровательный), и слова-интенсификаторы (Fred is so sick – Фред так болен, и т.п.);

- разделительные вопросы, которые, по мысли Лакофф, имплицитно выражают неуверенность женщины при выражении собственного мнения (don't you? isn't it? – не правда ли? не так ли? да? ведь так?);

- слова и фразы диффузной семантики, смягчающие категоричность утверждения (hedges) (kind of, sort of, you know, well – знаешь, ну как бы, что-то вроде, типа, как будто и т.п.);

- супервежливость и склонность к эвфемизации;

- гиперкорректность и т. д. [Лакофф 2004, с. 57]

Выявленные отличительные черты затем стали предметом эмпирического анализа в различных социолингвистических исследованиях. В результате многие из них подтверждались, а некоторые опровергались.

В целом после проведенных экспериментов отличительные признаки «женского языка», выделенные Лакофф, были признаны по большей части многофункциональными.

Робин Лакофф стала первооткрывателем в области исследований женской речи. Несмотря на широкое признание, её работа оставляет множество вопросов. Так, автор смешивает и не разграничивает такие понятия, как *пол* (врожденный бинарный признак) и *гендер* (признак, конструируемый обществом), к тому же в её книге не учитывается вопрос социального статуса. Женщины, занимающие руководящие должности, являют собой абсолютно другой образ «женственности», чем те, которые занимают подчиненное положение. Р. Лакофф рассматривает «женский язык» (т. е. язык белых гетеросексуальных женщин) как отклонение от мужской нормы (нормы белых гетеросексуальных мужчин) [Просунцова 2010, с. 130].

Тем не менее интерес к изучению женской речи, где в качестве респондента выступает только женщина, сохраняется, но несколько меняется вектор исследования: анализу подвергается язык общения в женских группах (Aries 1976, Coates 1987, Cameron 1998).

Так, феминистская лингвистика выделяет признаки андроцентризма в языке (например, отождествление понятий «человек» и «мужчина») и делает выводы о том, что все языки патриархатных и постпатриархатных культур являются мужскими языками. Однако многие ученые позднее сходятся во мнении о необходимости изучения речи мужчин и женщин в конкретном контексте, поскольку различия в их речи не настолько значительны [Кирилина, Земская, Китайгородская 1993, с. 95]. Более того, отмечается, что речь одного и того же человека меняется в зависимости от коммуникативной ситуации и различных экстралингвистических факторов; также речевое поведение может варьироваться из-за местонахождения говорящего (дома, на работе и т. п.).

По мнению Н. В. Бурениной, не менее важной характеристикой, чем пол, является социальный статус говорящего и уровень его образования, который напрямую отражается в его речи [Буренина 2001, с. 101].

Современные исследования в области гендера очень разнообразны. Например, Е.С. Зиновьева рассматривает гендер как метод дискурсивного анализа. Интересен также материал исследования – современные глянцевого журналы [Зино-

вьева 2018]. Интерес к дискурсу мужских и женских глянцевого издания привлекает интерес многих современных учёных. Так, О.В. Скулкин акцентирует своё внимание на изучении особенностей реализации лингвориторических параметров дискурса, проявляющихся в гендерном аспекте [Скулкин 2014]. М.В. Пронякина выбрала аутентичные тексты журнальных интервью в качестве объекта исследования. Она занимается изучением речевого поведения мужчин и женщин, принимающих участие в интервью [Пронякина 2016].

Таким образом, можно сказать, что, несмотря на огромное количество гендерных исследований, уже на протяжении длительного времени интерес к изучению гендера только возрастает, поскольку результаты, полученные в процессе анализа этого сложного, многоаспектного явления, оказываются актуальными и применимыми к реальной действительности.

1.2.2. Особенности гендерных стереотипов

Интерес российского общества к проблеме гендерных стереотипов усилился в отечественных гендерных исследованиях лишь в последнее время, между тем как в западной науке тема изучается давно и плодотворно – и на теоретическом, и на практическом уровнях. В американских гендерных исследованиях существует даже несколько специализированных журналов по проблемам гендерных стереотипов и полоролевого поведения (e.g. *Sex-Roles: A Journal of Research, Language and Gender*). Более того, концептуальные основы изучения гендерных стереотипов, основные дефиниции и подходы, анализ содержания гендерных стереотипов и механизмов гендерной стереотипизации в социокультурном пространстве предлагаются в нескольких десятках монографических исследований (S. Basow, H. Lips, R. Asmore, F. Del Boca, I. H. Freeze, C. Stoll, G. Fauconnier, S. L. Gilman, K. Deaux, L. Lewis и др.) [Рябова 2003, с. 120].

Как отмечалось ранее, гендер в качестве междисциплинарного феномена получил исследовательское внимание на Западе в конце 60-х годов XX века. В первую очередь это было вызвано переосмыслением термина *пол*. Пол – совокуп-

ность признаков, связанных с размножением, по которым различаются мужские и женские особи, принадлежность к разряду мужчин или женщин, самцов или самок [Ефремова 2000, с. 721]. Однако важно понимать, что, помимо половых признаков, необходимо различать социальные роли мужчин и женщин, различные формы их поведения, их различные психологические и эмоциональные характеристики. Таким образом возникло понятие *гендер*, означающее совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Гендер не является врожденным качеством человека – он приобретается в процессе социализации индивидов как результат их воспитания и является одной из существенных характеристик личности, влияя на протяжении всей ее жизни на осознание ею своей идентичности [Букина 2013, с. 61–65]. «Гендерно обусловленные модели поведения задаются не природой, а конструируются обществом, предписываются институтами социального контроля и культурными традициями, а гендерные отношения являются важным аспектом социальной организации» [Томская 2010, с. 169].

Исследованием вопроса стереотипов занимались ученые-лингвисты (Ю. Д. Апресян, В. А. Маслова, Ю. Е. Прохоров), психологи (К.-Г. Юнг, А. Н. Леонтьев, Г. Тэшфел), социологи (У. Липпман, У. Олбиг, И. С. Кон), специалисты в сфере межкультурной коммуникации (С. Г. Тер-Минасова, Дж. Рассел, А. Хан) и другие. Можно сделать вывод, что понятие *стереотип* носит междисциплинарный характер.

Каждое гендерное исследование сопровождается рассмотрением вопросов, связанных с характеристиками, нормами, чертами характера, которые предписываются в социуме мужчинам и женщинам. По своей сути данные характеристики и предписания можно назвать стереотипными.

Стереотип считается одним из самых эффективных способов воздействия на сознание людей. «Мы подвергаемся воздействию стереотипов с раннего детства, и они на протяжении всей жизни так неотступно преследуют нас, что мы редко постигаем их власть. Однако каждый такой принцип может быть обнаружен и использован как орудие автоматического влияния» [Чалдини 2001, с. 28].

Слово «стереотип» пришло из типографской лексики, в которой оно использовалось в XVIII веке как обозначение формы для печати оттисков. В научный оборот понятие стереотипа было введено американским журналистом У. Липпманом в работе «Общественное мнение» (1922). «Стереотип есть упрощенное, заранее принятое представление, не вытекающее из собственного опыта. Эти упрощения сильно влияют на восприятие и понимание явлений окружающей действительности» [Липпман 2004, с. 384]. Исследователь подчеркивал неизбежность стереотипов, поскольку они являются связующим звеном взаимодействия человека и окружающей среды, которое проявляется в выражении собственных чувств.

Таким образом, стереотип – важная, неотъемлемая часть коммуникативной составляющей культуры. Необходимо понимать, что стереотипы могут формироваться под воздействием различных факторов, таких как пол, возраст, расовая или религиозная принадлежность и др. Следует также отметить преимущественно нейтральный характер стереотипов, но в случае их переноса на конкретного человека (группу людей) они часто приобретают негативный оттенок.

Г. У. Оллпорт поднимает вопрос о разнице понятий *предрассудок* и *стереотип*. Основное отличие, по его мнению, состоит в том, что предрассудок направлен на установление симпатии или антипатии, а стереотип является способом организации информации о социуме [Allport 1954, p. 6].

С. А. Зелинский считает, что стереотипы – это некая запрограммированная составляющая жизни подавляющего большинства индивидов. В резкой и категоричной форме автор утверждает, что в стереотипности мышления таится самое настоящее зло, которое бессознательно оказывает вредоносное влияние на психику индивида, ограничивая его внутриличностный рост, делая за него выбор в тех или иных решениях. Подытоживая свою мысль, С. А. Зелинский отмечает: «...стереотипы – это зло. И так же, как от любого зла, от них необходимо избавляться. И чем быстрее это произойдет, тем больше личность... сможет раскрыть потенциал, заложенный природой» [Зелинский 2008, с. 94].

Интерес к проблеме гендерных стереотипов возник в 1970-е годы в западной социологии и не иссякает в настоящее время. Прежде всего, нужно отметить множество работ американских ученых, которые задали определенную традицию в дальнейшем изучении проблемы стереотипов. Исследователей, главным образом, волнует процесс гендерной социализации с точки зрения представления стереотипности понятий маскулинности и феминности (Deaux, Lewis, Basow, Broverman, Vogel, Broverman, Clarkson, Rozenkrantz, Raguz, Ashmore, Stoll, Williams, Best).

Так, американские ученые Дж. Мак Ки и А. Шеррифс определили типичные черты мужского (социально не ограничивающий стиль поведения, активность) и женского (социальные и коммуникативные умения, теплота, эмоциональная поддержка) образов [Mckee, Sheriffs 1975, p. 2]. Е. Маккоби и К. Джексон выяснили, что гендерные проявления неустойчивы с точки зрения возраста. Например, женщинам предписывается такая черта, как зависимость, хотя в раннем детском возрасте подобная черта присутствует у обоих полов. Позже она становится устойчивой чертой социального поведения девочки в связи с социальными ожиданиями окружающих людей [Maccoby, Jacklin 1974, p. 3]. Л. В. Попова подробно рассматривает вопрос влияния возраста на гендерные особенности развития и приходит к выводу, что «конструирование гендерных компонентов личности идет на протяжении всего дошкольного возраста» [Попова 1992, с. 46].

Работы отечественных ученых, затрагивающие тему гендерных стереотипов (труды В. А. Ярдова, В. С. Агеева, Т. А. Репиной, П. Н. Шихирева и др.), появились гораздо позже. Современная российская наука в вопросах гендерной стереотипности опирается на труды зарубежных ученых.

Несмотря на общепризнанный факт, свидетельствующий о том, что гендерные стереотипы непосредственно связаны с социальными образами женственности и мужественности, остается проблема создания единой дефиниции самого понятия *гендерный стереотип*. Некоторые ученые главным образом опираются на характеристики личности мужчин и женщин («гендерные или полоролевые стереотипы – это схематизированный набор представлений о персональных ха-

рактеристиках мужчин и женщин» [Ashmore, Del Boca, 1986, p. 222]) Другие – акцентируют свое внимание на гендерных отношениях: «Гендерные стереотипы – это социально конструируемые категории “маскулинность” и “феминность”, которые подтверждаются различным в зависимости от пола поведением, различным распределением мужчин и женщин внутри социальных ролей и статусов и которые поддерживаются психологическими потребностями человека вести себя в социально желаемой манере и ощущать свою целостность, непротиворечивость» (R. Unger) [цит. по: Basow 1992, с. 17]. Еще одна значительная часть исследователей берет за основу сами понятия маскулинности и феминности: «Гендерные стереотипы – это схематизированные, обобщенные образы маскулинности и феминности» [Renzetti 1999, p. 292].

Сформированные под воздействием многочисленных социальных факторов гендерные стереотипы можно назвать видом социальных стереотипов, среди которых Д. Шнайдер выделяет «большую тройку»: гендерные, возрастные и расовые / этнические, – называя их важнейшим фактором, оказывающим влияние на социальную иерархию в большинстве культур [Schneider 2004, p. 21].

Н. Л. Пушкарёва, в свою очередь, выделяет три группы гендерных стереотипов:

- 1) стереотипы «феминности» и «маскулинности», т. е. нормативные представления о психических и поведенческих свойствах мужчин и женщин;
- 2) стереотипы, закрепляющие семейные и профессиональные роли в соответствии с полом;
- 3) стереотипы, связанные с различиями в содержании труда [Пушкарева, 2003, с. 4–5].

Первая группа предписывает, какими эталонными психологическими и поведенческими чертами характера должны обладать мужчины и женщины. Мужчина, являясь олицетворением творческого начала, активен (самодостаточен, успешен), а женщина – пассивна, воплощая репродуктивное действие (слаба, беспомощна).

Вторая группа фиксирует наличие семейных или профессиональных ролей мужчины и женщины; данный вид стереотипов носит явно нормативный характер. С женщинами ассоциируются, прежде всего, семейные роли: мать, хозяйка, хранительница семейного очага; успешность женщины выражается в наличии семьи и детей. Мужчины воспринимаются с профессиональной стороны, их успешность проявляется в профессиональных достижениях.

Третья группа описывает различия в разделении труда. Так, женщинам предписывают дополнительный обслуживающий характер, а мужчинам – творческий, созидательный, руководящий труд [Заблоцкая, Сорокина 2016, с. 122–125].

Таким образом, понятие *гендерные стереотипы* подразумевает следующее:

- качества и характеристики, с помощью которых обычно описываются мужчины и женщины;
- нормы и принципы поведения, которые приписываются женщинам или мужчинам;
- мнения, представления и рассуждения окружающих об отличиях мужчин и женщин;
- взаимосвязь и зависимость гендерных стереотипов и культурного контекста среды, в которой они находят своё применение.

Как и любой другой вид стереотипа, гендерные имеют определенные свойства, совпадающие со свойствами стереотипов в целом.

Во-первых, они имеют эмоционально-оценочный характер. Оценка заложена в любом гендерном стереотипе: женская слабость, пассивность – и мужская отвага; женская чувствительность, эмоциональность – и мужское самообладание.

Во-вторых, гендерные стереотипы устойчивы и стабильны, хотя нельзя отрицать тот факт, что представления о женщинах и мужчинах разных исторических периодов различны. С изменениями социальных представлений и норм гендерные стереотипы также претерпевают перемены, но это происходит не так быстро, как изменения социальных реалий.

В-третьих, гендерным стереотипам предписывается высокая степень единства представлений.

«Наконец, гендерные стереотипы – нормативны. Представления о том, какой должен быть «настоящий мужчина» (например, быть способным защитить женщину), как должна вести себя в той или иной ситуации женщина и даже как им одеваться (мужчина не должен носить юбку), являются социально разделяемыми, реальные мужчины и женщины не могут с этим не считаться» [Рябова 2003, с. 7–8].

«Некоторые стереотипы оказываются непреодолимыми для лингвистов, занимающихся выявлением гендерных различий, главным образом потому, что весьма удобны для готовых гендерных объяснений. Иногда обращение к стереотипам связано с тем, что исследователь признает их сексистскими и стремится развенчать. В результате появляются темы, к которым ученые обращаются снова и снова – часто с неубедительными, а иногда и отрицательными результатами. И даже если в самом исследовании даются весьма сдержанные выводы, комбинация всего объема посвященных этому вопросу работ, перекрестные ссылки и всеобщее убеждение, что результат должен быть положительным, создают впечатление доказанности. Таким образом, стереотипы принимаются за научные истины, становясь частью фоновых знаний о языке и гендере. Ш. Варейн назвала этот феномен «hall of mirrors» (королевством кривых зеркал)» [цит. по: Захарова 2018, с. 29].

В современном обществе существуют определенные гендерные стереотипы, модели поведения людей разного пола в той или иной ситуации. И. С. Баженова главной функцией гендерного стереотипа считает отражение совокупности биологических признаков и социальных ролей, а также особенностей эмоционального поведения представителей двух полов в рамках определенной культуры и эпохи [Баженова 2001, с. 55].

Исследование проблем, связанных с гендером, в настоящее время представляется весьма актуальным. Рассмотрение любого феномена языка в гендер-

ном аспекте, как справедливо отмечают исследователи, приводит к приращению нового знания, вследствие чего различные явления языка и речи могут быть описаны в новом ракурсе [Тарасова, 2006].

1.2.3. Гендерные особенности речевого поведения детей

Исследованием детской речи занимаются собственно лингвистика (В. К. Харченко, С. Н. Цейтлин, И. П. Амзаракова) [Бернгардт 2009, с. 5] и психолингвистика (Н. И. Лепская, А. А. Леонтьев, А. К. Маркова, К. Ф. Седов, А. М. Шахнарович, U. Quasthoff, K. Wagner).

Гендерная стереотипность проявляется уже в раннем детстве. Очевидно, что мальчики и девочки воспитываются по-разному буквально с самого рождения: родители по-разному одевают их, что проявляется даже в выборе цвета вещей, покупают им разные игрушки, поощряют развитие в них определенных интересов и т. д. Разделение по половому признаку ощущается во всех областях жизни: в сфере труда, повседневного этикета, властных отношениях разного уровня и т. п.

Возникновение гендерной идентичности тесно связано и с биологическим развитием, и с развитием самосознания. В два года девочки и мальчики знают свой пол, но не до конца понимают, что это значит, однако под влиянием примера и ожиданий взрослых уже начинают активно формировать свои гендерные установки, учатся различать пол окружающих по одежде, причёске, чертам лица. К семи годам ребенок осознает неизменность своего биологического пола. В детском возрасте происходит формирование гендерной идентичности; данный период более всего ассоциируется с активными биологическими процессами и представляет большую трудность для рассмотрения с научной точки зрения.

Исследуемая нами тема является крайне актуальной. Ее актуальность обусловлена тем фактом, что существует необходимость современных подходов к распределению вербального поведения личности и факторов, влияющих на его развитие. Всё это определяется становлением развивающей парадигмы в образо-

вании, которая связывается с актуализацией общечеловеческих ценностей и формированием основ личностно-ориентированного обучения (А. Г. Асмолов, В. В. Фельдштейн и др.).

Потребность в общении является одной из наиболее важных для становления (формирования) целостной личности. Отношения с близкими рожают наиболее острые и напряженные переживания, наполняют смыслом наши действия и поступки. Общение – главное условие и основной способ жизни человека, поскольку только в общении и отношениях с другими людьми человек может понять и почувствовать себя, найти свое место в мире.

Овладение родным языком в первые годы жизни – это поразительная по своей эффективности интеллектуальная работа, совершаемая ребенком. Есть разные объяснения этого удивительного процесса зарождения и развития знания [Зубкова 2011, с. 45].

Язык детей – не только предварительная ступень речи взрослых, но и вполне самостоятельное образование, подчиняющееся своим собственным законам (Л. С. Выготский, Н. А. Рыбникова и др). Развитие речи – стержень общего психического развития ребенка. С ним связано формирование как его личности в целом, так и всех его психических процессов.

В психологии, психолингвистике и педагогических исследованиях большое внимание уделяется изучению отдельных стадий развития речи. Человек всю жизнь совершенствует свою речь, овладевая богатствами языка. Каждый возрастной этап вносит что-то новое в его развитие. Доказано, что наиболее важные приобретения в речевом развитии ребенка приходятся на дошкольный возраст. Именно поэтому большое внимание уделяется проблеме подготовки педагогов к речевому и лингвистическому развитию детей. Профессиональная готовность к работе по развитию речи детей представляет собой сложную систему. Были созданы комплексные модели для решения этого вопроса в рамках непрерывного профессионального образования на основе учета мотивационных, теоретических и практических компонентов, образующих целостное единство [Макарова 1996, 2010].

По мнению швейцарского учёного Ж. Пиаже (1896–1980), маленькие дети имеют некоторые особенности в поведении. Одним из главных свойств их поведения является эгоцентричность, что мешает детям младшего возраста полноценно выстраивать взаимоотношения со сверстниками. Пиаже считал, что первые полноценные отношения у детей выстраиваются ближе к подростковому возрасту. Ученый делил процесс развития детского мышления на две стадии: досоциальную (неконтролируемый период) и социальную (контролируемый период, значение внешних факторов) [Пиаже 1994, с. 119]. Многие отечественные психологи придерживаются иной точки зрения. Они полагают, что процесс формирования социальной среды (общества) ребенка начинается в детском саду [Петровский 1976, Крылов 2005].

Французский психолог А. Баллон (1879–1962), который был известен как психолог детства, полагал, что главной причиной формирования характера ребенка являются различные внешние факторы (социальная среда), однако в дальнейшем поведенческие характеристики меняются под влиянием внутренних диспозиций, не зависящих от влияния внешней среды [Баллон 1967, с. 57].

Американский психолог С. Холл, опираясь на биогенетический закон, утверждал, что каждый ребенок в своем индивидуальном развитии повторяет этапы истории человеческого рода, поэтому нужно дать ему возможность беспрепятственно изживать первобытные инстинкты. Используя большой фактический материал, С. Холл написал ряд работ о возрастных особенностях детей. Ему принадлежала идея создания особой комплексной дисциплины, куда, по мнению исследователя, должны включаться психологические, физиологические, а также педагогические знания о ребенке. Впоследствии эта дисциплина, возникшая в начале XX в., получила название *педологии* [Холл 2004, с. 123].

Педология (гр. *país* (*paídos*) – дитя + ...логия, букв. наука о детях) – совокупность психологических, биологических, социологических концепций развития ребенка, не представлявшая целостной теории; возникла в конце 19 в. в США и Западной Европе. В СССР получила развитие в начале 1930-х гг. [Новый словарь иностранных слов, 2009].

В начале XX века данная дисциплина была включена в учебный план почти во всех американских университетах, тем самым интерес к изучению детской психологии и педагогики увеличился. С. Холл создал несколько специализированных журналов по такой тематике, «American Journal of Psychology» (1887 г.) – психологический журнал, «Pedagogical Seminary» – педагогический журнал (1891 г.). Позже была организована Американская психологическая ассоциация (American Psychological Association, 1892 г.) и Национальная ассоциация для исследования детей (National Association for the Study of Children, 1893 г.). Более того, во множестве американских штатов были созданы региональные общества по изучению детей [Холл 2004, с. 123].

В молодой советской науке была сформирована значительная теоретическая и практическая база (активно вводится система тестирования) по педологии, над которой трудились известные психологи, физиологи и лингвисты (А. П. Нечаев, А. Б. Залкинд, С. С. Моложавый, П. П. Блонский, Л. С. Выготский, В. М. Бехтерев, М. Я. Басов и др.). В 1930-е годы вследствие грубого вмешательства советско-партийного руководства в научную жизнь педология была объявлена «лженаукой» (1936 г.). Только лишь к 1950-м годам ученые постепенно стали возвращаться к некоторым идеям педологии в педагогике и психологии.

Сейчас этот термин считается устаревшим, он имеет лишь историческое значение. Большая часть продуктивных научных результатов педологических исследований была ассимилирована психологией детского возраста.

В настоящее время можно заметить возрастание интереса к детской речи; возникла новая научная дисциплина *онтолингвистика*. Этот термин появился сравнительно недавно – в 2006 году. Его предложила С. Н. Цейтлин: «Лингвистика детской речи (онтолингвистика) относится к разряду молодых научных дисциплин, получивших развитие в последней четверти прошлого века. Она входит в число антропоцентрических наук. Объектом онтолингвистики является речевая деятельность ребенка, а предметом – процесс освоения детьми их родного языка» [Цейтлин 2000, с. 64]. На Западе более распространены термины *language acquisition*, *child language*.

Можно сказать, что лингвистика детской речи – наука и молодая, и древняя одновременно. Первые работы, в которых объектом исследования выступает детская речь, появились еще в XIX веке. Известный философ, психолог и историк Ипполит Тэн записывал речь своей маленькой дочери; эти записи можно найти в журнале «Mind» за 1877 год. Вслед за ним Чарльз Дарвин решил опубликовать разговоры со своим маленьким сыном в следующем номере этого же журнала. Известный немецкий физиолог Вильям Прейер также внимательно анализировал речевое поведение своего маленького сына Акселя.

С. Н. Цейтлин называет одним из капитальных трудов по детской речи рубежа XIX века книгу Клары и Вильгельма Штернов «Die Kindersprache», основанную на дневниковых записях их детей Гильды и Гюнтера.

Выдающийся лингвист И. А. Бодуэн де Куртене также вел подробные записи речи своих детей. Более того, он одним из первых оценил значимость этого материала для теоретической лингвистики.

Что касается речи русских детей, то долгое время учеными также велись их дневниковые записи. Всплеск интереса к изучению этого вопроса в России наблюдается в 20-е годы XX века. Основным трудом является дневник исследователя А. Н. Гвоздева, в котором он фиксировал речь своего сына Жени. Данная работа до сих пор остается базовым материалом для начала исследования детской речи.

Несмотря на то, что более прогрессивными в технике сбора материала, в разработке экспериментов, анализе полученных данных считаются труды западных исследователей, преимуществом отечественной онтолингвистики является прочная теоретическая база. Так, результаты работ Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, Н. Х. Швачкина, А. Н. Гвоздева и в наше время популярны во всем мире и широко используются зарубежными исследователями.

В последнее время интерес к изучению детской речи в России возрастает. основополагающими современными работами считаются труды А. М. Шахнаровича, Е. С. Кубряковой, Е. И. Исениной, Е. Ю. Протасовой, Н. И. Лепской, И. Н. Горелова и многих других [Цейтлин 2000, с. 7–9].

С. Н. Цейтлин подчеркивает размытость границ онтолингвистики с «большой лингвистикой». При этом исследователь утверждает, что онтолингвистика, как правило, граничит не с «основным материалом большой лингвистики», а с ее отдельными разделами: психоллингвистикой, нейролингвистикой и социоллингвистикой [Проблемы онтолингвистики 2016, с. 7–8].

Е. С. Кубрякова отмечает, что сейчас специалисты уже много знают о развитии речи ребенка: формировании гласных и согласных звуков, развитии и становлении грамматической системы речи, овладении различными синтаксическими конструкциями, развитии фонетического слуха и становлении артикуляторных навыков, освоении навыков чтения и письма, усвоении и пополнении словарного запаса. Не остается без внимания вопрос о способности детей к пониманию и осознанию речи говорящего. Интересным представляется вопрос об эмоциональной окраске детской речи. Вместе с тем исследователь признаёт: «Чем больше становится известно о детской речи, тем больше возникает перспектив научного и практического поиска» [Проблемы онтолингвистики 2016, с. 4].

В 2009 году отечественный лингвист В. Б. Касевич на ежегодной конференции, посвященной исследованию детской речи, причислил онтолингвистику к главному разделу языкознания – в силу безграничных возможностей, предоставляемых исследователю языка и речи «отрицательный языковой материал» (выражение Л. В. Щербы, применимое и к детской речи: «...в “текстах” лингвистов обыкновенно отсутствуют неудачные высказывания, между тем как весьма важную составную часть языкового материала образуют именно неудачные высказывания с отметкой “так не говорят”, которые я буду называть «отрицательным языковым материалом» [Щерба 1974, с. 29]).

Итак, доказано, что гендер проявляется на раннем этапе развития человека. В любом обществе от разнополых детей ожидают разного поведения и по-разному обращаются с ними. Вследствие этого и в соответствии с этим в любом обществе мальчики и девочки ведут себя по-разному. Как ранее было отмечено, интерес к изучению детской речи в настоящее время увеличивается. Однако нет

ни одного онтологического исследования, в котором бы отражалась лингвогендерологическая сторона этого вопроса.

1.2.4. Современные подходы к изучению языка и гендера

«Уход от глобальных обобщений и стереотипных трактовок мужского и женского языка П. Экерт и С. МакКоннел-Джине охарактеризовали тезисом «думать практически, наблюдать локально» (think practically, look locally). В одноименной статье они аргументируют необходимость изучать «взаимодействие языка и гендера в каждодневных социальных практиках конкретных местных сообществ (communities of practice)» тем, что (1) гендер не всегда легко отделить от других аспектов социальной идентичности и отношений; (2) гендер не всегда имеет одинаковые значения в различных сообществах / культурах; (3) лингвистические манифестации гендера в различных сообществах могут варьироваться [Eckert, McConnell-Ginet 1992 (b); Кирилина 1999; 2002; Томская 2001; Фатыхова 2002 и др.]. Понимая гендер как «основанный на половой принадлежности способ переживания иных социальных статусов – таких как класс, этничность, возраст, а также менее очевидных социальных качеств – амбициозность, атлетизм, музыкальность» [Eckert, McConnell-Ginet 1992, p. 93], они подчеркивают, что анализировать гендер в отрыве от других аспектов социальной идентичности – значит «рисовать, закрыв один глаз» [с. 94], с чем трудно не согласиться. Проведенное ими кросс-культурное исследование причин / мотивов, по которым женщины, выходя замуж, меняют или сохраняют фамилию (было проанализировано более 200 опросных листов с комментариями и проведено свыше 23 квази-этнографических интервью с респондентками из России, США, Пакистана, Аргентины, Мексики и Ганы), показало, что, выбирая имя, они всегда действовали не только как женщины, но как матери или будущие матери, послушные дочери, успешные профессионалы, представители определенных этнических групп или религиозных конфессий, а также других социальных категорий» [Гриценко 2005 с. 32–74].

В настоящее время учёные выделяют следующие направления лингвогендерологических исследований:

- 1) изучение отношений господства и подчинения, которое формируется на основе феминизма и постмодернистской философии;
- 2) исследование диагностического характера (автороведческая криминалистическая экспертиза, исследования по экспертной фоноскопии);
- 3) установление когнитивных различий, вызванных различным гормональным балансом мужчин и женщин (исследования, связанные с психологией и нейролингвистикой);
- 4) социолингвистические исследования;
- 5) кросскультурные и лингвокультурологические исследования [Добровольский, Кирилина 2000, с. 19–35].

В Московском государственном лингвистическом университете были получены первые результаты в вопросах изучения гендерных аспектов, а также разработаны и приняты общие принципы гендерных исследований.

Особое внимание и интерес у отечественных ученых в настоящее время вызывают темы словесного обозначения женщин и мужчин, вопросы, связанные с порождением и восприятием речи, и влияние гендерного фактора на различные поведенческие характеристики [Кирилина 2002, с. 5–14].

Лингвистическая гендерология является актуальным и динамично развивающимся направлением антропориентированного изучения языка. Неудивительно, что появляется довольно много современных работ, в которых уделяется большое внимание изучению вопросов, связанных с гендером и языком [Чернышова 2013, Мигранова 2017, Сюй Шаньшань 2017].

Среди современных гендерных исследований встречаются работы, направленные на исследование различий текстов, порождаемых мужчинами и женщинами [Boulis, Ostendorf], компаративные исследования скорости говорения, длины текста.

Множество современных научных работ связано с изучением и установлением распознавательных, отличительных черт речи мужчин и женщин, методи-

кам установления имитации речи лицом противоположного пола [Кирилина, Томская 2005, с. 112–132].

Е. И. Горошко подчеркивает, что характер современных исследований основывается на анализе гендерных стереотипов и их отражении в языке, а также на изучении как поверхностных, так и глубинных признаков мужской и женской речи. Отмечается, что научные работы в данной области по большей части ведутся на письменных текстах [Горошко 2002, с. 77–86].

В своём исследовании Е.С. Зиновьева акцентирует внимание на трактовке и «... понимании концептов маскулинности и феминности в современных гендерных картинах Великобритании и России» [Зиновьева 2018, с. 59]. Отмечается, что основное различие связано с культурно-историческими традициями этих стран. Соответственно, вопрос гендерных стереотипов подвержен влиянию определённой лингвокультуры [Зиновьева 2018, с. 59–60].

Необычен и интересен материал исследования О.Ю. Черных – современные учебные пособия для первого класса. Учёный подчёркивает, что учебные тексты широко представлены лицами мужского пола (андроцентричность). Вопрос гендерных стереотипов носит сложный и многомерный характер, выражающийся во взаимодействии гендерных конструкторов с вопросами социального статуса и возраста [Черных 2012].

Наш интерес привлекла работа Е.А. Каркищенко «Гендерные стереотипы: дискурсные средства формирования и репрезентации в коммуникативном поведении подростков». Основной акцент данного исследования сделан на возрастных особенностях. Исследователь анализирует психологическую литературу для подростков, делая сопоставления с общепризнанными маскулинными и фемининными нормами поведения [Каркищенко 2013].

Следует отметить, что современные гендерные исследования отличаются широким разнообразием анализируемого материала: тексты печатной, видео-, аудио-, баннерной рекламы, представленной в разных типах средств массовой информации; пословицы и фразеологизмы; аудиозаписи и текстовые варианты интервью; тексты-воспоминания поэтов и писателей разных веков; лексикогра-

фические источники; текстовые фрагменты «success stories» (истории успеха); контексты художественных произведений и др. [Сташкова 2015, Маали Шади 2016, Павлова 2017, Кесслер 2018, Мурашова 2018, Смирнов 2018, Кирина 2018 и др.].

За последние годы появилось довольно много работ на иностранных языках (в том числе на английском), в фокусе внимания которых продолжают находиться как «глобальные» вопросы, связанные с взаимоотношениями языка и гендера, так и «локальные», посвященные проявлению гендера в каких-то конкретных случаях внутри “particular communities of practice”. Любопытно заметить, что среди авторов, пишущих как на глобальные, так и на локальные темы на английском языке, появляется все больше ученых, родным языком которых не является английский. Представляется, что среди недавно опубликованных книг, отличающихся широтой охвата проблем, следует выделить монографию профессора Allyson Jule “Speaking Up: Understanding Language and Gender”, вышедшую в 2018 году. Книга состоит из 8 глав. Первые две носят теоретический характер и служат читателю своеобразным напоминанием о состоянии дел в гендерной лингвистике сегодня. Остальная часть книги рассматривает взаимодействие языка и гендера по очень широкому кругу вопросов: в образовании, в средствах массовой информации, в сфере религии, личных отношений людей, в вопросах, связанных с сексуальными меньшинствами и т.д. [Jule 2018].

Вопрос о месте женщины в обществе, о возможностях и желаниях женщины быть лидером всегда был в центре гендерных исследований. Дж. Бакстер посвятила этому вопросу свою последнюю книгу “Women Leaders and Gender Stereotyping in the UK Press: A Poststructuralist Approach”, вышедшую в свет в издательстве Palgrave Macmillan в 2018 году. На наш взгляд, ученый ставит в своей книге две цели: 1) как в британских газетах представлены женщины, являющиеся лидерами в самых разных областях; 2) как повлиял на традиционно некомплементарное (в значительной мере) конструирование образов женщин-лидеров факт существенно выросшего количества лидеров-женщин, включая тогдашнего премьер-министра страны [Baxter 2018].

Как известно, гендерные исследования (по определению) включают в себя как “women studies”, так и “studies of masculinity”. Тема сексизма, объективации женщин с самого начала гендерных исследований находилась в центре внимания ученых. Этому посвящена обширная литература. «Мужские» исследования – относительно новое направление в гендерной лингвистике. Особенно это касается вопросов, связанных с объективацией мужчин в соответствующих журналах. Л. Кофи-Гловер в 2019 году в издательстве Palgrave Macmillan издала книгу “Men in Women’s Worlds: Constructions of Masculinity in Women’s Magazines”, в которой исследованию подвергаются именно эти вопросы [Coffey-Glover 2019].

Еще одна тема, которая с самого начала гендерных исследований волновала ученых, – тема домашнего и сексуального насилия. К большому сожалению, эта проблема продолжает оставаться актуальной и острой в очень многих странах мира и сегодня, в начале 21 века. Этому посвящен специальный выпуск журнала “Gender and Language” №13 за 2019 год. Известный гендеролог Ann Weatherall, посвятившая этой и смежным темам множество публикаций, в редакторской колонке пишет об угрожающих размерах такой проблемы (треть женщин подвергались той или иной форме насилия; для некоторых стран эта цифра достигает 70%). Причиной такого положения дел является, прежде всего, гендерное неравенство, продолжающее существовать в мире [Weatherall 2019, p. 149–152].

Хотелось бы также отметить, что тема влияния гендера на речевое поведение детей также привлекала внимание ученых. Так, например, целая группа исследователей, представляющих, в основном, университет штата Флорида, задалась целью проанализировать ситуацию с гендерной асимметрией в книгах для детей, опубликованных в XX веке в США. Они пришли к выводу, что диспаритет существует: проанализировано было более 5600 книг и ни в одной из них женщины не представлены более значимо по сравнению с мужчинами. Мужчины примерно в 2 раза чаще упоминаются в названиях книг и примерно в 1,6 раза в номинациях главных персонажей [McCabe, Fairchild, Grauerholz, Pescosolido, Tore 2011, p. 197–226].

Можно сказать, что в настоящее время механизмы поддержания социального порядка и культурные традиции общества оказывают непосредственное влияние на гендерную иерархию и гендерно-обусловленные модели поведения. Являясь важным фактором социальной организации, гендерные отношения выражают ее системные характеристики и упорядочивают отношения между говорящими субъектами. Познавательным ресурсом любого человека и всего общества в целом является гендерная самоидентификация. Так, во многих научных исследованиях, в том числе и в лингвистических, гендер рассматривается как неотъемлемый и важный параметр исследования. Подвергая анализу различные языковые структуры и обращая особое внимание на изучение лингвогендерологического аспекта данных, категория *гендер* раскрывается с новых сторон и в значительной мере.

1.3. Отражение гендера на разных уровнях языковой системы

1.3.1. Проявления гендера на фонетическом уровне

Исследования мужской и женской речи на уровне фонетики обнаруживают наличие некоторых особенностей. Фонетические аспекты гендера могут проявляться по-разному.

Установлено наличие не абсолютных произносительных особенностей в речи женщин и мужчин (кроме явных биологически обусловленных – высота и тембр голоса), а также были выявлены произносительные различия относительно конкретных фонетических единиц.

Например, некоторые ученые наблюдают различия в произношении звука [s] женщинами и мужчинами. Согласно многочисленным экспериментам, женщины артикулируют звук [s], поднося кончик языка ближе к зубам, чем мужчины. В американском варианте английского языка эталонным считается произношение данного звука при расположении кончика языка против альвеол, струя воздуха проходит через «дорожку», между альвеолами и передней частью языка; какие-

либо другие варианты ассоциируются с женским звукопроизношением [Strand 1999, p. 86–99].

Однако важно также понимать, что мы изначально настраиваем себя на восприятие голосов разных людей, произвольно создавая в своей голове образ говорящего.

Языковеды Э. Странд и К. Джонсон провели фонетический эксперимент, который был направлен на доказательство того, как восприятие людьми речи меняется в зависимости от установок относительно пола говорящего [Strand, Johnson 1996]. «Произношение звука [s] может варьироваться по частоте, и, в целом, может быть справедливым утверждение о том, что женщины произносят этот звук несколько выше по сравнению с мужчинами. Более высокая частота произнесения ведет к тому, что звук [s] в слове *sin* начинает звучать близко к звуку [sh] в слове *shin*. Э. Странд и К. Джонсон, пользуясь возможностями, предоставляемыми современной техникой, видоизменяли природу звука [s] в слове *sod* так, чтобы он варьировался между звуками [s] и [sh]. Затем они показали пленку с видеозаписью произнесения этих слов мужчиной и женщиной группе людей. Выяснилось, что восприятие границы между звуками [s] и [sh] меняется в зависимости от пола человека, произносящего данные слова. Иными словами, люди способны воспринимать незначительные акустические вариации и использовать эту информацию в интерпретации речи других людей. Помимо всего прочего, это доказывает, что такое социальное понятие, как гендер, теснейшим образом интегрировано в язык» [цит. по: Григорян 2005, с. 63].

Подобных экспериментов на ассоциативное восприятие голоса человека и его внешности было проведено достаточное количество [Rubin 1992, Gordon 1994]; в связи с этим можно сделать вывод о том, что существует прочная связь между данными понятиями.

В аспекте взаимодействия гендера и фонетики также заслуживают внимания просодика и интонология.

«Просодия – система фонетических средств (высотных, силовых, временных), реализующихся в речи на всех уровнях речевых сегментов (слог, слово,

словосочетание, синтагма, фраза, сверхфразовое единство, текст), играющих смысло-различительную роль. Часто выделяются следующие элементы (компоненты) просодии: речевая мелодия, ударение, временные и тембральные характеристики, ритм, для тональных языков – словесные тоны. В этом значении термин «просодия» часто синонимичен понятию «интонация». Оба термина употребляются для обозначения функциональной системы супraseгментных средств языка (комплекса фонетических средств, реализующихся в слоге, слове и т. д., то есть в единицах, больших, чем сегментные звуки). Есть попытки установить различия между просодией и интонацией, связав интонацию с фразой, а просодию со всеми речевыми сегментами, начиная от слога и кончая текстом. Употребление терминов “просодия” и “просодика” расширяется в 70-е гг. XX в. в связи с повышением интереса к тексту. Наметились две противоположные тенденции в употреблении этих терминов: сближение значений до полного совпадения и четкое разграничение – просодика относится к слогу, просодия соотносится со всеми сегментными единицами (слог, слово, синтагма, фраза, сверхфразовое единство, текст). В последнем значении просодия противопоставлена системе сегментных средств. Противопоставление сегментный – супraseгментный (надсегментный, сверхсегментный) уровни языка иногда заменяется на противопоставление сегментный – просодический» [Ярцева 1990, с. 401].

Просодика акцентирует внимание на темпе и вариативности высоты и громкости, а интонология обращает внимание на ритм и интонацию произнесенного.

Данные аспекты фонологии вызывают особый интерес у исследователей в настоящее время, но полученные результаты не позволяют уверенно судить о гендерных особенностях интонационных моделей.

Тем не менее, в своей работе Робин Лакофф (Lakoff 1975) утверждала, что вопросительная интонация, характеризующаяся высоким восходящим тоном в конце предложения, в конструкциях, которые не являются вопросами, является признаком «женского языка» («слабый» и «безвластный»). Эта «неподобающая вопросительная интонация» (*inappropriate question intonation*) получила название

«uptalk». По мнению Лакофф, высокий тон является свидетельством неуверенности в себе, неуверенности в правильности высказывания [Григорян 2005, с. 64].

Вместе с тем следует отметить, что другие исследователи приписывают высокому восходящему тону совершенно иные характеристики – «sociability» (коммуникабельность), в то время как низкий нисходящий тон ассоциируется с «self-centered» («заикленность» на себе) [Edelesky 1979, p. 15–32].

Представляется, что фактор коммуникабельности играет более важную роль в речевом поведении женщин по сравнению с фактором ориентированности на себе.

Некоторые эксперименты свидетельствовали о том, что и мужчины, и женщины часто используют в своей речи высокий тон, а порой даже чаще представители мужского пола (эксперименты в Корнеллском университете, McConnell-Ginet, 2003). П. Экерт и Дж. Рикфорд провели исследование в Стэндфордском университете во время родительского уикенда, и, по их данным, высокий восходящий тон был более характерен для речи мужчин [Eckert, Rickford 2001].

В целом ученые говорят об увеличении частотности употребления высокого восходящего тона в речи американских подростков по сравнению с семидесятыми годами прошлого столетия [Eckert, McConnell-Ginet 2003]. Несмотря на стремительный рост употребления высокого тона в «репликах-вопросах, как в речи женщин, так и мужчин, его продолжают ассоциировать с женщинами и их неуверенностью в себе. Нет данных о том, как воспринимается использование подобного тона в речи мужчин» [Григорян 2005, с. 65–66].

Отечественные учёные также проявляют неподдельный интерес к исследованию данного аспекта. «По мнению Е. А. Земской и Н. Л. Пушкарёвой, «женщинам свойственен более высокий уровень частоты основного тона, а также способность свободно менять голосовой регистр, широко использовать нисходящие и восходящие тоны, также сложные восходяще-нисходящие или нисходяще-восходящие тоны в пределах одного ударного слога; меньшая громкость речи; придыхание; лабиализация; назализация.

Женские и мужские голоса различаются разными характеристиками «речевого вибрато» – частотно-амплитудной модуляции в спектре гласных звуков. Кроме того, особенности женского произношения наиболее ярко проявляются в области вокализма, а мужского – в сферах консонантизма: для многих мужчин характерен меньший раствор рта при производстве звуков, чем для женщин, что приводит к образованию более «узких» гласных, менее богатых по тембру; а большая консонантная насыщенность мужской речи обусловлена тем, что для мужчин характерна более сильная деформация гласных в потоке речи, их количественная и качественная редукция, выпадение гласных. «При акцентном выделении слов во фразе обнаруживаются различия в фонетическом оформлении акцентно выделенных слов: в женской речи широко представлена растяжка ударного гласного, в мужской – согласного. Также считается, что речь женщин более консервативна и лучше сохраняет региональные черты. Женщины также чаще прибегают к выражению своих эмоций интонацией, в то время как мужчины предпочитают использовать лексические средства» » [цит. по: Богачева 2008, с. 45].

Также стоит отметить, что и зарубежные, и отечественные исследователи отмечают большую изученность особенностей женского голоса по сравнению с мужским [Потапов 1997].

1.3.2. Проявления гендера на лексическом уровне

Лексический состав любого языка является подвижным и динамичным. Неудивительно, что тема взаимодействия гендера и лексики привлекала внимание лингвистов (Д. Спендер, И. И. Халеева, Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, М. Д. Городникова, Р. Лакофф и др.). Ученые сходятся во мнении: пол человека в какой-то мере отражается в языке и речи. Лексическая система языка не является исключением.

Существует стереотип, что мужчины и женщины говорят по-разному, и эти варианты не зависят от ситуации: почти не существует «женских ситуаций» и

«мужских ситуаций», когда один и тот же человек выбирал бы тот или иной вариант по своему желанию. Женщина говорит иначе, чем мужчина, и слушающий умеет отличать речь женщин от речи мужчин не только по тембру голоса. Это становится особенно заметно, когда правила нарушаются [Вахтин, Головкин 2004, с. 76].

Первыми учеными, которые провели гендерные исследования на материале европейских языков, были Ф. Маутнер (Mautner 1913) и О. Есперсен (Jespersen 1922).

Фриц Маутнер в своей книге «К критике языка» предпринял попытку выделения различий, обусловленных полом людей, в речи носителей языка. По его мнению, мужчины чаще пользовались лексикой родного языка, а женщины использовали заимствования. Он объяснял это более высоким уровнем образованности мужчин, в сравнении с женщинами. Женский пол чаще использовал иностранные слова, поскольку имел определенные трудности с подбором слов с синонимичным значением в родном языке. К тому же ученый подмечал, что женщины проявляют способность «творческого» употребления языковых единиц, но удел женщин – усваивать то, что создано сильным полом. Это связано с ролью театра в жизни людей. Так, в театрах Древней Греции и Древнего Рима абсолютно все роли исполнялись мужчинами, соответственно их речь было принято считать эталоном [Маутнер 1982, с. 54]

Датский лингвист Отто Есперсен в своей работе «Язык: его суть, происхождение и развитие» посвящает целую главу рассмотрению различий между «женским» и «мужским» речевым поведением. Анализируя записки и дневники путешественников, он пришел к выводу о том, что женские и мужские речевые обороты кардинально отличаются друг от друга [Есперсен 1922].

Идея о существенно отличающихся друг от друга мужских и женских языках, двух противопоставленных друг другу гендерлектах, была в фокусе внимания ученых на протяжении всего XX века. Исследованию подвергались разные языки: как довольно хорошо изученные, так и экзотические. В частности, по мнению Е. И. Горошко, «примитивные женщины говорят иначе, нежели примитивные

мужчины. Мужчины понимают речь женщин, но сами говорят иначе, т. е. используют другие языковые структуры» [Горошко 1999, с. 102]. «Более того, в некоторых индейских племенах женщинам категорически запрещалось использовать “мужские” речевые средства и, соответственно, наоборот. Например, жене не разрешалось произносить имя мужа, а в племени чикито в Боливии мужчинам предписывалось употреблять одни суффиксы, а женщинам – другие. <...> О. Есперсен также обратил внимание на различия между речевым поведением мужчин и женщин в ситуации билингвизма. Мужчины быстро овладевают иностранным языком в силу ситуационных обстоятельств и гораздо чаще женщин им пользуются. О. Есперсен описал также различия в области фонетики и грамматики: особенности произношения и акцентуации в английском и французском языках, в морфологии, в строении словаря мужчины и женщины, в использовании ими синтаксических конструкций. Фактически О. Есперсен был первым, кто систематически описал различия в вербальном поведении полов на примерах разных языков из различных языковых семей.

По Есперсену, женщины употребляют иную, нежели мужчины, лексику, более склонны к эвфемизмам и менее – к ругательствам. Женщины, считал он, консервативны в употреблении языка. Женщины чаще остаются монолингвальными. Хотя Есперсен наиболее полно для своего времени интерпретировал вопрос о влиянии гендерного фактора на язык, его воззрения в последующий период подвергались критике в связи с тем, что свои выводы он сделал, основываясь лишь на личных наблюдениях, многие из которых не были достаточно обоснованы» [Алексашина 2008, с. 34].

Интерес к рассмотрению «женских» и «мужских» языков возрастает в середине 60-х годов. В 1970 году в Нью-Йоркском диалектном обществе (the American Dialect Society) М. Р. Ки представила статью, в которой описывались различия в лексике мужчин и женщин языка южноамериканских индейцев, располагавшихся в тропических лесах Амазонки. В 1975 году исследования этого ученого находят свое отражение в книге «Мужской и женский язык». Она опре-

деляет «язык женщин как язык оправданий (*language of apology*), а язык мужчин как язык объяснений (*language of explanation*) [Key 1975, p. 147].

В 1970-е годы женский стиль речи считался неполноценным, имел подчинительный характер и рассматривался как признак бессилия и слабости. Сформировались следующие категории языка: «мужской» – это норма, «женский» – отклонение от неё. К 80-м годам происходит переосмысление вышеизложенных утверждений. Появляются идеи о несправедливости превосходства мужского языка над женским, о незаслуженности возведения его в норму речевого поведения. Австралийская писательница, феминистка Дейл Спендер полагает, что характеристики женского языка нельзя оценивать отрицательно. Скорее наоборот – сдержанность и вежливость в разговоре свидетельствуют о силе женщин [Spender 1980, p. 8]. Ф. Джонсон критикует предположение о том, что женщины выиграют от имитации речевого поведения мужчин: «Язык женщин и так вполне адекватен и не нуждается в изменениях» [Johnson 1997, p. 135].

В том же 1975 году появляются такие работы, как «Язык и место женщины» Робин Лакофф («*Language and Woman's Place*», Lakoff 1975), «Немецкий как язык мужчин. Диагноз и методы лечения» Луизы Пуш («*Deutsche als Männersprache. Diagnose und Therapievor schläge*», Pusch 1982), «Женский язык» Сенты Тремель-Плетц («*Women's language*», Tromel-Plotz 1995). В 1976 году выходит в свет журнал «Женщины и язык», в котором печатается вся информация, связанная с исследованиями в области феминистской критики языка.

В рамках данных исследований женский стиль речи считается недостаточно самостоятельным. Причина этого, по мнению ученых, кроется в социальном неравенстве, которое побуждает женщину к такому речевому поведению. Так, лексикон женщин в большей степени составляют слова, связанные с присущей им сферой интересов и деятельности – *kid, child, dress, kitchen*.... К тому же женщины реже употребляют ругательства и вульгаризмы, предпочитая вежливые и уменьшительно-ласкательные формы слов.

В более поздних исследованиях преобладает точка зрения, согласно которой первостепенным фактором, влияющим на выбор лексики, является не гендер-

ный аспект, а социум и ситуация, в которой совершается речевой акт. По мнению многих ученых, гендер не задается природой, а конструируется обществом, т. е. является продуктом наших социальных действий (doing gender). А. В. Кирилина отмечает: «Гендерный фактор, учитывающий природный пол человека и его социальные “последствия”, является одной из существенных характеристик личности и на протяжении всей жизни определённым образом влияет на осознание своей идентичности, а также на идентификацию говорящего субъекта другими членами социума» [Кирилина 1997, с. 23].

Споры о существовании «женского» и «мужского» языка не угасают и в настоящее время. Стоит отметить, что ученые находят множество различий, встречающихся на лексическом уровне любого языка.

Большое внимание уделяется употреблению грубых, нецензурных выражений женщинами и мужчинами. О. Есперсен подчеркивал склонность женщин употреблять эвфемизмы, а мужчин – высказываться прямолинейно, не избегая грубых слов. Российские лингвисты продолжили исследования в данном направлении и нашли подтверждения гипотез, выдвинутых западными учеными. Работы Ю. С. Степанова подтвердили, что «женщины не употребляют крепких словечек, как мужчины» [Степанов 1969, с. 176]. В. И. Жельвис в своей работе «Поле брани: сквернословие как социальная проблема» детально изучил случаи и частотность употребления соответствующей лексики женщинами и мужчинами. Он пришел к выводу о том, что «...там, где мужчины прибегают к очень резким и вульгарным инвективам, женщины, как правило, предпочитают использовать более мягкие обороты или внешне очень скромно звучащие междометия» [цит. по: Кавинкина 2010, с. 187]. Лингвист объясняет частое употребление подобных слов мужчинами способом освободиться от агрессии, которая возникает вследствие частых стрессовых ситуаций. Американские лингвисты Д. Камерон и Д. Коутс считают, что подобное поведение мужчин – способ проявить свое доминирование над женским полом [Cameron, Coates 1988].

Многие исследователи [Земская, Китайгородская, Розанова 1993] сходятся во мнении, что женская речь гораздо эмоциональнее и экспрессивнее в сравнении

с мужской. Женщины часто используют наречия *such, terrible, awful, nice, maybe, possibly, probably...*, большое количество междометий: *wow, gee, geez, how, so, oh, ouch, whew...*, уменьшительно-ласкательные и оценочные суффиксы, лексемы, передающие чувства и эмоции. Р. Лакофф приписывает женщинам употребление так называемых «пустых» прилагательных, которые «чаще встречаются в женском языке, чем в мужском, хотя, конечно, и мужчины могут использовать их» [Lakoff 1975, p. 53–54]. По ее мнению, изобилие подобных лексических единиц делает женскую речь слабой, неуверенной и безвластной.

Также лингвисты отмечают, что в речи женщин чаще встречаются модальные глаголы (*may, might, can, could...*) и вводные конструкции (*I suppose, I think, I guess, I mean, I'm afraid, I wonder, you know, to my mind...*) (Coates 1996; Антинескул 2000; Жигайкова 2004). Подобные конструкции придают женской речи оттенок неуверенности, но в то же время делают высказывание более мягким, менее категоричным.

Согласно результатам исследователя Т. Б. Крючковой, «можно сделать вывод: в словаре женщин больше некое центральное ядро, которое широко используется всеми женщинами; у мужчин этот центральный общеупотребительный слой лексики меньше, однако они лучше владеют различными периферийными разделами словаря, поэтому в языке мужчин больше проявляется их индивидуальность. Этим объясняется следующий факт: когда требуется написать неограниченное число слов, женщины за одно и то же время пишут больше слов, но в основном это центральный общеупотребительный слой лексики; когда же число требуемых слов ограничено, «лингвистическая быстрота» женщин уже не играет никакой роли, а их «лингвистическая ограниченность» проявляется с полной отчетливостью» [Крючкова 1975, с. 189–191].

Мужская речь признается учеными более точной. Для мужчин свойственно употребление большого количества терминов и слов профессиональной лексики [Земская, Китайгородская, Розанова 1993, с. 90–136].

В современной лингвистической науке описание и исследование языка нельзя представить без использования множества комплексных единиц, одна из

самых универсальных – это семантическое поле слова (языковая единица, объединённая общим смысловым признаком). Так, семантические поля некоторых слов считаются гендерно зависимыми. В первую очередь это касается слов, описывающих цветовые явления. Женщина с большей вероятностью употребит слова *magenta* (ярко-красный), *turquoise* (бирюзовый) или *pistachio* (фисташковый) там, где мужчина обойдется словами *red* (красный), *blue* (синий) и *green* (зелёный). Также можно заметить, что гендерная «окрашенность» семантических полей некоторых слов имеет зависимость от социальных и культурных стереотипов (например, домоводство, садоводство и швейное дело для женщин, спорт, техника и военное дело для мужчин).

Некоторые исследователи подмечают, что мужчины просто и открыто относятся к «новому» в языке, поэтому их речь насыщена терминами и неологизмами.

В настоящее время можно заметить некоторые изменения, произошедшие с лексическими единицами: своеобразное «размывание границ» «женской» и «мужской» речи. Всё чаще из уст женщин можно услышать сниженную, грубую лексику. Это связано с тем, что гендер является не единственной причиной, влияющей на лексический состав речи. Важную роль играют возраст, статус человека, ситуация общения, мода и современные тенденции.

1.3.3. О проявлениях гендера на грамматическом уровне

Вопрос гендерных отличий речевого поведения женщин и мужчин находит свое яркое отражение и на уровне грамматики.

Опираясь на результаты исследований Е. А. Земской и А. В. Кирилиной, можно выделить ряд признаков мужской и женской речи на разных уровнях языковой системы, в том числе на синтаксическом уровне.

Мужская речь характеризуется избытком *вводных слов* со значением констатации; для нее также характерно частое использование *подчинительной связи*.

Женской речи на синтаксическом уровне свойственны следующие черты:

- 1) использование эллиптических конструкций;
- 2) преобладание сложносочиненных предложений;
- 3) использование инверсии;
- 4) частое употребление вопросительных и восклицательных предложений;
- 5) использование риторических вопросов;
- 6) использование синтаксических конструкций с двойным отрицанием;
- 7) использование вводных слов со значением неуверенности, неопределенности;
- 8) использование парцелляции;
- 9) использование рядов однородных членов предложений;
- 10) использование повторов [цит. по: Шульга 2017, с. 22–23].

Анализ «синтаксического уровня языка О. Есперсеном также показал, что женщины предпочитают употреблять эллиптические конструкции и паратаксис (способ построения сложного предложения; «...паратаксис, координация – синтаксическая связь грамматически равноценных единиц языка, из которых ни одна не может быть сведена на положение компонента другой, располагающая своей системой средств выражения – сочинительными союзами...» [Ярцева 1990, с. 484]). Мужчины чаще используют периоды и гипотаксис (способ построения сложного предложения; «...гипотаксис, субординация – синтаксическая связь, располагающая своей системой средств выражения и конституирующая сложно-подчиненное предложение...» [Ярцева 1990, с. 318]). При этом синтаксическим конструкциям мужской речи ученый даёт более высокую оценку, делая вывод об умственном превосходстве мужчин [цит. по: Кирилина 1998, с. 23].

По мнению Н. Л. Пушкарёвой, женщины чаще по сравнению с мужчинами используют инверсии, употребляют восклицательные и вопросительные предложения. Также женская речь характеризуется развернутыми, подробными и экспрессивными предложениями и текстами. Женская речь насыщена различными эмоционально-оценочными средствами (метафоры, междометия, эпитеты и т.д.). Предложения мужской речи, как правило, более лаконичны, предметны и менее динамичны [Пушкарёва 2001, с. 32].

Гендерные особенности речевого поведения также проявляются и в письменной речи. Множество исследований доказывают, что мужчины чаще используют подчинительную, а не сочинительную связь; реже используют неполные предложения и эллиптические конструкции; обратный порядок слов также менее свойственен мужской письменной речи [Денисова 2002, с. 208].

Также отмечается, что женщины чаще прибегают к использованию косвенных речевых стратегий, которые заставляют адресата изложить информацию, не представленную в высказывании напрямую. Считается, что использование подобных речевых тактик помогает решить риторико-прагматические задачи, путём оказания воздействия на адресата [Лисенкова 2007, с. 14].

Многие английские лингвисты подчёркивают оттенок нейтральности в грамматическом аспекте гендера. Этой характеристикой обладает именно английский язык по сравнению, например, с французским, где все существительные, одушевлённые или нет, относятся к мужскому или женскому роду, также и в немецком языке, в котором выделяется женский, мужской и средний род.

В области морфологии одним из самых ярких проявлений андроцентричности языка можно считать использование местоимения третьего лица мужского рода для обозначения человека в целом.

Многие грамматисты (К. К. Kidd, J. Eberhard, W. Martyna, L. Brannon, D. Mackay, A. Robertson) придерживаются точки зрения, согласно которой «местоимения *his* и *he* в предложении *everyone should get his hat when he leaves the room* являются инклюзивными, то есть служат для обозначения мужчин и женщин» [Григорян 2005, с. 42]. Часто ученые подчеркивают сложность определения значения гендерно-инклюзивного местоимения *he*, а именно: сложно определить, использовано ли данное местоимение в гендерно-специфичном или гендерно-нейтральном значении [Mackay 1980, p. 349–367].

В связи с этим в лингвогендерологических исследованиях не прекращают появляться варианты, способные заменить местоимения *she* или *he*. Например, предлагалось новое местоимение *hey*, а также *she / h*. Подобных вариантов было достаточно много: так, в книге Д. Бэрона «Грамматика и гендер» можно найти

более 80 вариантов таких изменений [Baron 1986, p. 205–509]. Тем не менее, следует отметить, что среди всего многообразия вариаций местоимений *she* и *he* не нашлось такого, которое бы отобразилось в реальном языке. Это связано с активным употреблением форм множественного числа для обозначения общих родовых понятий в современном английском языке, хотя следует признать тот факт, что в устной и письменной речи можно зафиксировать употребление подобных вариантов: *he / she, s / he, she or / and he, he, she* [Григорян 2005, с. 44–45].

Долгое время гендерные особенности речи вызывали интерес только у социолингвистов. Учёные акцентировали свое внимание на описании речи различных социальных групп, на вопросах языкового контактирования и сдвига и т. п. Работы, сосредоточенные на исследовании особенностей гендерного влияния на речь, носили неполноценный характер, это были лишь отрывочные наблюдения.

В настоящее время отмечается увеличение интереса к изучению особенностей речи женщин и мужчин. Выявленные различия на всех языковых уровнях носят произвольный, неосознанный характер происхождения, что вызывает трудности для их выявления и детального анализа [Перехвальская 2002, с. 110–112].

Можно сказать, что отражение гендера в грамматическом строе языка, а точнее, взаимодействие/взаимовлияние гендера и грамматики (то, что можно, наверное, передать английским словом “interplay”) изучено еще в недостаточной мере. В частности, это касается вопроса о гендерном аспекте глагольной транзитивности (*transitive / intransitive verbs*). При анализе данного явления мы опираемся на теорию системно-функциональной грамматики М. Халлидея [Halliday 2004].

Представляется, что на сегодняшний день исследования различных сторон взаимодействия гендера и грамматики ограничиваются указанной выше проблематикой. Практически нет работ, в которых рассматривается взаимосвязь гендера с отдельными грамматическими категориями. Мы предприняли попытку рассмотрения связи гендера и модальности, гендера и транзитивности, гендера и наклона, гендера и категории залога.

Модальность считается одной из основных категорий языка, чем вызывает интерес у многих ученых. В силу разнообразия подходов к изучению этого понятия можно заметить, что данный термин носит многозначный характер.

Так, еще Шарль Балли описывал модальность как необходимую часть высказывания, образующуюся в результате активной операции говорящего субъекта [Балли 1955, с. 44]. В отечественной лингвистике впервые толкование данному термину дал В. В. Виноградов. В своей статье «О категории модальности и модальных словах в русском языке» ученый в значительной мере расширяет границы данной языковой категории, включая в нее слова и сочетания слов эмоционально-экспрессивного характера: «Так как предложение, отражая действительность в ее практическом общественном осознании, естественно, выражает отношение (отношение) содержания речи к действительности, то с предложением, с разнообразием его типов тесно связана категория модальности. Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, т. е. содержит в себе указание на отношение к действительности. Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [Виноградов 1950, с. 55–56].

В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой можно обнаружить несколько определений данного термина.

«Модальность – это функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также отношение говорящего к содержанию высказывания. Модальность может иметь значение утверждения, приказания, пожелания и др. и выражается специальными формами наклонений, интонаций, модальными словами (например, “возможно”, “необходимо”, “должен”). В логике такие слова называются модальными операторами, с их помощью указывается способ понимания суждений (высказываний)».

«Модальность (англ. modality) – понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношения сообщаемого к его реальному осуществлению), выражаемая различными грамматическими и лексическими средствами, такими как формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т. п.» [Ахманова 2004, с. 231].

В современном же языкознании представляется наиболее полным рассмотрение модальности не только как синтаксической, но и понятийной категории, которая выражается с помощью высказывания, имеющего форму триады «говорящий – высказывание – действительность» [Лушникова 2013, с. 32].

Следует отметить, что не только сам термин «модальность» имеет большое количество трактовок. Выделяется множество классификаций модальности. Остановимся на классификации, принятой многими учеными, выделяющими три типа модальных значений: объективное, субъективное и иллокутивное [Fuentes 2000, с. 214].

По мнению Е. В. Падучевой, объективная модальность выражает отношение высказывания к действительности с точки зрения реальности («...Противопоставление по признаку реальность – ирреальность...»). Субъективная модальность выражает отношение говорящего к сообщаемому («...выражают отношение говорящего к тому, о чем он сообщает, – т. е. психологическую или ментальную установку говорящего, propositional attitude, или attitude of the mind...»). Иллокутивная модальность характеризует коммуникативную цель говорящего («...Иллокутивная сила выражается наклонением (в частности, повелительным), вопросительными словами и частицами, интонацией и множеством конструкций «малого синтаксиса»...») [Падучева 1996, с. 11].

Одним из средств выражения модальности в современном английском языке являются модальные глаголы, которые профессор А. В. Зеленщиков разделяет на две группы по их лексическому значению: выражение возможности и необходимости. Эти группы, в свою очередь, подвергаются более детальному де-

лению [Зеленщиков 2003, с. 218]. В нашей работе мы рассматриваем модальные глаголы в разных значениях.

В современном языкознании стал общепринятым тот факт, что модальность принадлежит к важнейшим семантическим категориям, являясь связующим звеном между высказыванием и внеязыковой действительностью. Таким образом, интерес ученых к изучению данного вопроса вполне обоснован. Междисциплинарный подход в изучении категории модальности, в особенности ее связи с социолингвистикой, психолингвистикой и гендерной лингвистикой, способствует более глубокому пониманию роли модальности в речевой коммуникации [Кукс 2016].

Представляется актуальным рассмотрение специфики модальных значений в гендерном аспекте, которое дает возможность понять «гендерные закономерности в модальности как коммуникативной категории, выявить механизм использования гендерно обусловленных коммуникативных стратегий, а также установить природу гендерных стереотипов» [Абдуллаев 2015, с. 9].

Так, по мнению некоторых ученых (С. С. Ваулиной, А. В. Кирилиной, R. Lakoff), мужчины и женщины в конкретных коммуникативных ситуациях по-разному используют языковые средства для достижения своих целей.

Многие отечественные и зарубежные лингвисты считают, что языковые средства выражения модальности важны для эффективной коммуникации, поэтому их глубокое и подробное изучение необходимо и важно в современном языкознании (Р. Ф. Абдуллаев, С. С. Ваулина, J. Coates, K. Hyland).

Вследствие гендерно-обусловленных различий в использовании языковых средств происходит формирование так называемых мужского и женского стилей общения (И. Б. Васильева, R. Lakoff). Считается, что женская речь более эмоциональна и экспрессивна, ориентирована на установление межличностных отношений с адресатом в процессе коммуникации, поэтому содержит больше стратегий положительной вежливости (сближение). Мужская речь направлена на установление собственного статуса в разговоре, главное – содержательно-смысловой аспект высказывания, часто высказывания носят характер негативной вежливости

(дистанцирование) (Васильева, Cameron, Coates, Zimmerman, West и др.) [цит. по: Абдуллаев 2015, с. 162].

В связи с тем, что объектом нашего исследования является детская речь, необходимо обратиться к работам ученых, которые занимались исследованием детского речевого поведения.

В отечественной лингвистике уделяется большое внимание описанию специфики выражения модальности в детской речи (Е. А. Офицерова, В. А. Семушина, О. Г. Сударева, С. Н. Цейтлин, В. М. Швец, М. А. Яценко и другие).

Е. А. Офицерова описывает развитие в детской речи комплекса значений, связанных с идеей объективной (неэпистемической) модальности. «Охарактеризованы четыре типа модальных значений, основными средствами выражения которых являются модальные лексемы: 1) *уметь / не уметь, суметь / не суметь*; 2) *пытаться / попытаться и пробовать / попробовать, получаться / не получаться и получить / не получить*; 3) *прийтись / приходиться (придется / приходится; пришлось / приходилось)*; 4) *нельзя*». Согласно исследованиям, сначала в речи ребёнка находят выражение ситуации неспособности и неумения. Это может являться свидетельством того, что в детской речи превалирует и сказывается пережитый «негативный опыт», нежели «позитивный». Так как ребёнку присуще желание оценивать собственные возможности, отмечается, что значения способности / неспособности тесно связаны с модальными значениями уверенности / неуверенности. Также следует отметить, что значение запрета появляется чаще, чем значение невозможности в детской речи [Цейтлин 2007, с. 18–19].

Итак, принимая во внимание актуальность гендерных исследований в целом, можно сделать вывод о том, что рассмотрение языковой категории «модальность» с точки зрения гендерных особенностей детей представляет интерес и является актуальной темой для исследования.

Еще одной категорией, взаимодействие с которой не изучено, является категория наклонения. Эта грамматическая категория носит довольно спорный характер. Многие исследователи расходятся по поводу количества форм наклоне-

ния; разные ученые выделяют в английском языке от 2 до 16 видов этой категории. Только два наклонения – изъявительное и сослагательное – выделяются всеми исследователями.

Расхождения в трактовке категории наклонения объясняются целым рядом моментов.

1. Разное понимание термина *наклонение*. Классифицируя различные формы наклонения, исследованию подвергают только особенности образования форм или значения. Остаётся без внимания главный вопрос – средства выражения значения наклонения.

2. Затруднения в разграничении аналитических форм наклонения и свободных словосочетаний.

3. Наличие омонимичных форм, что также создает определенную трудность при исследовании этой категории.

В нашей работе взята за основу трактовка термина *наклонение*, предложенная в Лингвистическом энциклопедическом словаре: «Наклонение – это грамматическая категория, выражающая отношение действия, названного глаголом, к действительности с точки зрения говорящего» [Ярцева 1990, с. 524]. По В. В. Виноградову, «наклонение – грамматический способ выражения модальности». «Грамматическое значение форм наклонения выводится из их речевого употребления, предполагающего присутствие говорящего (пишущего) субъекта, речь которого включает, наряду с констатацией действия, его оценку как желательного, возможного, предполагаемого и т. п., т. е. передающую субъективное отношение говорящего к действию. Разные языки располагают различным набором парадигматических форм наклонения, в зависимости от свойственных им модальных значений. Различают 2 типа наклонений: прямое и косвенные. Прямым наклонением является индикатив (изъявительное наклонение), служащий для объективной констатации факта в его отношении к действительности. Этим определяется обязательное наличие индикатива в языках разных типов. В косвенных наклонениях отражается различное отношение субъекта речи к высказываемому. Разно-

образии этого отношения определяет разнообразие парадигм косвенных наклонений в разных языках.

В современном русском языке насчитывается 3 наклонения: изъявительное «...»; повелительное «...»; сослагательное «...». К закреплённым грамматической нормой трём наклонениям некоторые исследователи присоединяют четвёртое, волюнтативное (В. В. Виноградов), обозначающее внезапное и немотивированное действие и использующее форму будущего времени глаголов совершенного вида с частицей «как» («а он как побежит...»)» [Ярцева 1990, с. 321–322].

Итак, под наклонением понимается грамматическая категория, выражающая модальность, или отношение содержания высказываемого к действительности. Иначе говоря, «наклонение – это модальность, выраженная определенными формами слова» [Смирницкий 1959, с. 342].

Далее в работе рассматриваются вопросы, связанные с отражением гендера в грамматической категории наклонения.

Учитывая, насколько важную роль в формировании языковой картины мира играют гендерные стереотипы, выдвинем предположение о том, что в речи мужчин чаще встречаются побудительные конструкции. Они часто употребляют императив в ультимативной форме, сопровождая его угрозой физической расправы. Можно предположить, что женщины часто используют императив по отношению к детям, но не по отношению к мужчинам; это снова указывает на стереотипность представлений о социальной роли мужчин и женщин. Не следует забывать также о физической силе мужчин и о некотором страхе женщин перед применением этой силы.

Представляется правильным при рассмотрении взаимосвязи гендера и категории наклонения сосредоточить внимание именно на императиве как на наклонении с особенно яркой гендерной составляющей. При этом, однако, будут приниматься в расчет и данные по изъявительному и сослагательному наклонениям.

На наш взгляд, при анализе речевого поведения мужчин и женщин необходимо учитывать и внеязыковые факторы, которые могут объяснить гендерные особенности коммуникации.

В современных лингвистических исследованиях стало возможным рассмотрение гендера в отражении семантики, прагматики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, анализа дискурса и др. Это происходит благодаря восприятию гендера как культурного феномена. Так, гендерные аспекты языка и коммуникации вызывают большой научный интерес в современной лингвистике. [Ганина 2005, с. 28].

Системно-функциональная лингвистика сегодня – это один из разделов так называемой прикладной лингвистики, которая изучает языковые явления в контексте общения (ситуации). «Этот подход рассматривает язык как источник, который, в свою очередь, образуется в ходе использования его людьми в процессе общения. Таким образом, системно-функциональный подход призван объяснять языковые формы с точки зрения выражаемых ими значений и создавать грамматику, которая дает возможность понять все оттенки любого текста, как устного, так и письменного» [Halliday 1975, p. 225].

Грамматика, как и весь язык в целом, не лишена идеологических ассоциаций в том смысле, что использование различных языковых средств может служить различным идеологическим целям, включая конструирование и сохранение власти и существующих властных отношений. С другой стороны, лингвистические средства могут также быть использованы для того, чтобы бросить вызов существующему властному статус-кво. Отсюда – важность выбора языковых средств говорящим, в том числе писателем. Отсюда же возникает и важность попыток анализа такого выбора.

В грамматическом строе английского языка глаголу отводится особое место из-за роли глагольных форм в построении предложений и широкой разветвлённой системе. Что касается современного английского языка, то следует отметить, что английский глагол имеет более развитую систему средств словоизменения и формообразования по сравнению с какой-либо другой частью речи.

«Английский глагол имеет очень развитую систему видо-временных форм, противопоставление действительного и страдательного залога, противопоставление изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений и др.» [Зеленщиков 2003, с. 215]. Вышеупомянутые категории относятся к личным формам, Существуют также неличные – это инфинитив, причастие и герундий; они имеют особые функции, отличающиеся от личных форм глагола [Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981, с. 50].

Таким образом, глагол обладает различными свойствами, характеристиками и имеет свои отличительные черты. Выдающийся французский ученый Эмиль Бенвенист охарактеризовал эту часть речи с точки зрения ее роли в реальном, а не абстрактном функционировании языка: «Противопоставление “процесса” и “объекта” не может иметь в лингвистике ни универсальной силы, ни единого критерия, ни даже ясного смысла. Такие понятия, как процесс или объект, не воспроизводят объективных свойств действительности. Это не свойства, внутренне присущие природе, которые языку остается лишь регистрировать, это категории, возникшие в некоторых языках и спроецированные на природу. Различие между процессом и объектом обязательно только для того, кто рассуждает, исходя из классификаций своего родного языка, которые он превращает в универсальные явления; но даже такой человек, если его спросить, на чем основано это различие, вынужден будет скоро признать, что если “лошадь” – объект, а “бежать” – процесс, то это потому, что первое – имя, а второе – глагол. Определение, которое стремится к “естественному” обоснованию того способа, при помощи которого тот или иной конкретный язык организует свои понятия, обречено возвращаться по кругу.

Поэтому для характеристики противопоставления глагола и имени как таковых, независимо от типа языка, мы не вправе использовать ни такие понятия, как объект и процесс, ни такие категории, как время, ни морфологические различия. Тем не менее, искомый критерий существует, и он носит синтаксический характер. Мы определим глагол как необходимый элемент построения законченного утвердительного высказывания» [Бенвенист 1974, с. 168–170].

По морфологической классификации глаголы делятся на две группы: стандартные и нестандартные; по функции в предложении – на знаменательные и служебные; по видовому характеру – на предельные, непредельные и глаголы двойственного видового характера. С точки зрения направленности действия на объект все глаголы подразделяются на переходные и непереходные.

В силу того, что возникает множество принципиальных неточностей в критериях деления глаголов на транзитивные и нетранзитивные, он остаётся одним из самых сложных и проблемных вопросов теоретической грамматики.

Как известно, к непереходным глаголам относятся те, которые выражают действие, не распространяющееся на объект, а замыкающееся в самом субъекте (деятеле), после них не могут употребляться существительные в винительном падеже. В широком смысле к переходным можно отнести глаголы, значение которых в полной мере раскрывается при наличии дополнения. В узком смысле переходными глаголами считаются только те, после которых следует прямое дополнение – дополнение в винительном падеже.

Так как данная часть речи является неотъемлемым компонентом практически любого высказывания, можно предположить, что переходность / непереходность глаголов имеет определенные особенности с точки зрения гендера.

Представляется, что мужской пол традиционно является более активным, а женский – пассивным, в связи с этим можно выдвинуть предположение, что переходные глаголы чаще встречаются в речи представителей мужского пола, а непереходные – у женского.

В современном языкознании до сих пор не существует общепринятого определения категории залога. С точки зрения формы, залог – морфологическая категория, которая выражается изменением форм глагола и формируется на основе формальной репрезентации отношений основных ее членов: подлежащее – сказуемое – дополнение. С точки зрения содержания – это синтаксическая категория, так как указывает на определенные отношения между членами предложения: субъект – предикат – объект.

Однако залог выражает не просто синтаксические отношения между членами предложения, а соотношение подлежащего и дополнения с их семантическими ролями в определенной ситуации [Кауфова 2016, с. 1].

Грамматическая категория залога выражает различную направленность действия по отношению к носителю языка. Для глагола характерна соотнесенность со словом, обозначающим лицо или предмет – носитель действия. Но носителем действия может быть как лицо (или предмет), совершающее действие (I ask), так и лицо (или предмет), на которое действие направлено (I am asked) [Ахманова 2009].

Залоговые системы конкретных языков нередко отличаются друг от друга составом морфологически производных форм залога. Например, залоговая система английского языка (по А. И. Смирницкому) включает два залога: актив и пассив. В эргативных языках (языки, в грамматике которых доминирует не противопоставление субъекта и объекта, проводимое в языках номинативного строя, а противопоставление агенса (производителя действия) и пациенса (носителя действия): шумерский, баскский, австралийский, индейский, большинство кавказских языков и др. – встречается эргативный залог (зеркальный аналог актива). В монгольском языке выделяется социатив, который выражает отношение кооперации между субъектами [Ярцева 1990, с. 160–161].

Форма действительного залога указывает, что процесс, обозначенный глаголом, исходит от предмета, обозначенного тем словом, с которым грамматически соотнесена глагольная словоформа, и направлен от него вовне.

А. А. Холодович следующим образом определяет действительный залог. При совпадении подлежащего предложения и семантического субъекта (источник действий) происходит выражение действительного залога [Холодович 1970, с. 2–26].

Что касается страдательного залога, то процесс направлен на предмет, с которым соотносится действие; деятель в данном случае часто не обозначается, в отличие от действительного залога. В действительном залоге важен источник действия, что отходит на второй план в страдательном залоге.

Согласно исследованию В. А. Масловой, мужчины чаще пользуются глаголами в активном залоге, женщины – в пассивном. Это объясняется более активной жизненной позицией мужчин [Маслова 2004, с. 129]. В то же время, как подчеркивает В. М. Войченко, «современное постиндустриальное, информационное общество разрушает структуры современного общества, сферы трансляций социальных традиций объективной мужской культуры, аккумулирующих ее нормы и ценности, соответствующие поведенческие стереотипы. В связи с этим происходят изменения на всех уровнях социальных отношений между мужчиной и женщиной, в том числе и в языке» [цит. по: Маслова 2009, с. 64–70].

Таким образом, представляется интересным и актуальным рассмотрение вопроса об особенностях употребления категории «залог» с точки зрения гендера.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

В заключение первой главы диссертационного исследования можно сделать следующие выводы:

- возросший интерес к антропоориентированному подходу в гуманитарных науках вызывает повышенное внимание ученых к параметрам человеческой личности и рассмотрению человека как социально обусловленного мыслительного конструкта;

- развитие и пристальное изучение антропоориентированного подхода в лингвистике способствует появлению новых аспектов в языкознании, направленных на изучение человека в языке и языка в человеке;

- благодаря становлению гендерной теории в последние десятилетия XX века значительный интерес вызывают категории «мужественность» и «женственность», становящиеся объектом изучения философии, психологии, социологии, гендерологии, онтолингвистики и других направлений гуманитарной науки;

- изучение гендера как социально-культурного конструкта приводит к мысли о его взаимодействии с различными аспектами языка;

- восприятие концептов маскулинности и феминности не имеет статичной природы и не может считаться фиксированным, так как оно строится в определенных социальных и исторических условиях, находя отражение в языке через процесс коммуникации;

- происходит возрастание интереса к гендерным исследованиям, принятие многоаспектности этого понятия в связи с осознанием необходимости применения полученных результатов в реальной действительности;

- согласно гендерным стереотипам, маскулинность представляется как выражение господствующей социальной группы с обладанием статусом, всевозможными ресурсами и престижем. Феминность, в свою очередь, связана с биологическим полом, выражающим пассивность, сложившуюся в силу некоторых социально-культурных и экономических причин;

- в рамках грамматической теории языка гендер представляется как термин, обозначающий способ маркирования грамматической категории рода в классе имени существительного и / или местоимения, имеющий по меньшей мере две смысловых составляющих: показатель грамматического рода и социолингвистическая категория (трактовка гендера в рамках гендерологии);

- начало XXI века ознаменовано появлением новой научной дисциплины *онтолингвистики* – как следствия возрастающего интереса к исследованию детской речи. Вместе с тем отмечается, что сравнительно большая осведомленность и изученность детской речи порождает новые перспективы научного и практического поиска;

- характерно возрастание интереса к исследованию гендера в языке детской литературы, но пока ещё уделяется недостаточно внимания механизмам конструирования маскулинности и феминности на этом материале. Грамматический аспект остается малоисследованным;

- при формировании языковой картины мира значимо влияние гендерных стереотипов; предполагается, что грамматическая категория наклонения имеет свои гендерные особенности и является важным звеном в речевой коммуникации личности;

- рассмотрение грамматической категории модальности с точки зрения гендерных особенностей дает представление о гендерных закономерностях в модальности как коммуникативной категории;

- важен анализ гендерного аспекта глагольной транзитивности (*transitive / intransitive verbs*), являющегося одним из факторов проявления особенностей женской и мужской речи;

- рассмотрение грамматической категории залога происходит с точки зрения содержания, согласно которой он считается синтаксической категорией, а с точки зрения формы представляется морфологической категорией. Категория залога выражает различную направленность действия по отношению к носителю языка.

ГЛАВА II. ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРА В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ КАТЕГОРИЙ МОДАЛЬНОСТИ, ЗАЛОГА, НАКЛОНЕНИЯ И ТРАНЗИТИВНОСТИ)

1. Введение

Гендер проявляется на разных уровнях системы языка, и грамматический строй не является исключением. В наблюдениях ученых приоритет пока принадлежит речи взрослых людей. В первую очередь эта проблема интересовала социолингвистов, но в их исследованиях первостепенное значение придается изучению речи различных социальных групп, а гендерные аспекты характеризуются отрывочными наблюдениями.

По мнению А. А. Григоряна, различные аспекты системы языка не лишены «гендерной составляющей», однако пока ещё недостаточно работ, в которых были бы выявлены данные лингвогендерологические особенности [Григорян 2005, с. 25–27]. С появлением и развитием онтолингвистики отмечается увеличение интереса в научных кругах к исследованию детской речи, но практически отсутствуют работы, которые бы отражали грамматическую сторону детской речи сквозь призму гендера.

Таким образом, представляется интересным и актуальным рассмотрение вопроса взаимосвязи гендера с некоторыми грамматическими категориями в речи детей на материале текстов англоязычной художественной литературы.

Материалом исследования послужили тексты из художественных произведений Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» (англ. «Harry Potter and the Philosopher's Stone» или «Harry Potter and the Sorcerer's Stone») и «Гарри Поттер и тайная комната» (англ. «Harry Potter and the Chamber of Secrets»). Книги Дж. К. Роулинг вызывают широкий интерес не только среди читателей, но и у многих современных ученых. Анализу подвергаются различные аспекты: жанровые и культурологические (Саликова 2013, Павловская 2015, Тимошенко 2017), стилевые и гендерные особенности перевода (Ерёмина 2014, Кранышева 2015,

Смирнова 2013, Кузнецова 2013), психологическое содержание произведения (Сазонова 2013). Однако отсутствуют работы, в которых бы рассматривались грамматические особенности речи детей в произведениях о Гарри Поттере. Именно эти особенности и являются предметом нашего интереса.

Методом сплошной выборки из текстов настоящего исследования нами были отобраны примеры, содержащие случаи употребления некоторых грамматических категорий (модальность, наклонение, транзитивность, залог), маскированных гендерными характеристиками. Широкий корпус исследования составил чуть более 2000 примеров. В ходе анализа были рассмотрены превалирующие в количественном отношении виды изложенных грамматических категорий внутри каждой выявленной нами группы. Исследуемый материал (языковые факты) был подвергнут анализу и получил лингвистическую интерпретацию, результаты которой представлены в настоящей главе диссертации.

1.1. Проявление гендерно-маркированного употребления модальных глаголов

Как уже отмечалось, модальность – функционально-семантическая категория, которая выражает отношение высказывания к действительности и отношение говорящего к высказыванию [Виноградов 1975, с. 53]. Отношение высказывания к внеязыковой действительности относится к объективной модальности, а отношение говорящего к сообщаемому – к субъективной, также известной под именем ситуативной. Ситуативную модальность составляют модальные значения, которые образуют соответствующие микрополя: долженствования / необходимости, возможности, желательности [Ваулина 2013, с. 7].

Одним из способов выражения модальности является использование модальных глаголов. Эта группа глаголов в английском языке может выражать самые разные оттенки модальных значений.

Значительное влияние на коммуникативное поведение людей происходит из-за гендерных особенностей говорящих. По мнению А.В. Кирилиной, гендер –

это социокультурный феномен, наполненный множеством культурных и социальных норм, предписанных обществом [Кирилина 2000]. Модальность – одна из самых сложных и неотъемлемых составляющих языка. Можно предположить, что модальность по-разному проявляется у мужчин и женщин, то есть здесь наблюдается определенная гендерная специфика. Предположим также, что мужчины преимущественно используют оттенки модальных глаголов долженствования (e.g. *You mustn't go there*), которые связаны с основным значением *must*, а не с различными оттенками вероятности (e.g. *I must have left it somewhere*).

Мы опираемся на общепринятую классификацию модальных глаголов по трем типам модальных значений: объективного (отношение говорящего к действительности), субъективного (отношение говорящего к сообщаемому) и иллокутивного (коммуникативная цель говорящего) [Fuentes 2000, p. 214].

Как уже отмечалось, традиционно мужской пол считается более активным, а женский – пассивным [Четверикова 2017, с. 225]. Выдвинем предположение, что в речи мальчиков чаще используют глаголы долженствования и уверенности (*must / mustn't, have to, should, can't*), а в речи девочек – возможности и вероятности (*may, might, could, need*). Попробуем показать это на исследуемом материале. Учитывая возрастные рамки, составляющие категорию детства, исследуемым материалом послужили тексты художественных произведений Джоан Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» («*Harry Potter and the Philosopher's Stone*») и «Гарри Поттер и тайная комната» («*Harry Potter and the Chamber of Secrets*»).

Начнем с анализа примеров, в которых инициаторами действия являются персонажи – мальчики. Известно, что каждый из модальных глаголов может выражать целый спектр значений, в той или иной степени сопряженных с основным значением глагола. Наш материал показал, что для речи мальчиков более характерна передача основного значения соответствующего модального глагола.

1. «So you **must** know loads of magic already» [Rowling 2004, p. 99].

Мальчик по имени Рон высказывает уверенность, без доли сомнения, что Гарри должен знать законы магии, так как его родители были выдающимися волшебниками, и другой вариант просто невозможен. Модальный глагол «*must*» вы-

ражает предположение, граничащее с уверенностью, что в переводе на русский язык означает «должно быть, наверняка, скорее всего».

Примеров использования этого модального глагола в данном значении встретилось достаточно большое количество.

2. ««You're joking....»

«Seeker?» he said. «But first years never – you **must be** the youngest House player in about –» [Rowling 2004, p. 152].

Гарри Поттер стал самым юным игроком в сборной факультета по квиддичу, и Рон приятно удивлен этим известием. Он снова выражает предположение-уверенность с помощью модального глагола «must».

Следует отметить, что именно глагол «must» передает чаще всего предположения, выдвинутые мальчиками.

3. «... this year, the third-floor corridor on the right hand side is out of bounds to everyone who does not wish to die a very painful death».

Harry laughed, but he was one of the few who did.

«He's not serious?» he muttered to Percy.

«**Must be,**» said Percy, frowning at Dumbledore. «It's odd, because he usually gives us a reason why **we're not allowed** to go somewhere – the forest's full of dangerous beasts, everyone knows that. I do think he might have told us prefects, at least» [Rowling 2004, p. 127].

Профессор Дамблдор завершает свою приветственную речь к первокурсникам важным положением: он обращает их внимание на запрет посещать третий этаж, без каких-либо объяснений. Реакция ребят предсказуема: в силу своего возраста они очень любопытны и не воспринимают всерьез опасность (особенно мальчики), поэтому они уверенно предполагают, что запрет профессора является шуткой «must be». Более того, рассуждая о прослушанном заявлении директора Хогвартса, в котором отчетливо прослеживается беспрекословность «must», в своей речи они передают запрет более мягким глаголом, эквивалентом модального глагола may, to be allowed to, «we're not allowed to go».

Даже вежливые фразы, выражающие добрые намерения, мальчики чаще всего передают с помощью категоричного глагола **must**.

4. «...«You **must** come and stay this summer,» said Ron, «both of you — I'll send you an owl».

«Thanks», said Harry, «I'll need something to look forward to» [Rowling 2004, p. 308].

Рон приглашает Гарри и Гермиону в гости летом. Он настолько сильно желает их приезда, что говорит: они просто должны («**must**») приехать, и это не обсуждается.

Часто встречаются модальные глаголы, выражающие предположение и даже запрет.

5. «...«Firenze saved me, but he **shouldn't** have done so. . . . Bane was furious . . . he was talking about interfering with what the planets say is going to happen. . . . They **must** show that Voldemort's coming back. . . . Bane thinks Firenze should have let Voldemort kill me. . . . I suppose that's written in the stars as well.»

«Will you stop saying the name!» Ron hissed.

«So all I've got to wait for now is Snape to steal the Stone,» Harry went on feverishly, «then Voldemort **will be able to** come and finish me off. . . . Well, I suppose Bane'll be happy» [Rowling 2004, p. 260].

Гарри Поттер рассуждает о возможном исходе встречи с Волан-де-Мортом, делая предположение о ее трагическом исходе – «**will be able to come and finish me off**». Также важно заметить, что его предположения носят явный оттенок уверенности, что передается модальным глаголом «**must**».

6. «...Fifty points each», said Professor McGonagall, breathing heavily through her long, pointed nose.

«Professor — please —»

«You **can't**— »

«Don't tell me what I can and can't do, Potter» [Rowling 2004, p. 244].

Получив в наказание по 50 штрафных очков, Гарри Поттер имеет смелость спорить с преподавателем о справедливости ее решения, выражая свой протест с помощью модального глагола «can't».

Такая ситуация представляется типичной для мальчиков, они часто вступают в спор не только со своими сверстниками, но и со взрослыми людьми.

7. «**Can't** stay long, Mother», he said. «I'm up front, the prefects have got two compartments to themselves —»

«Oh, are you a prefect, Percy?» said one of the twins, with an air of great surprise. «You should have said something, we had no idea» [Rowling 2004, p. 96].

Перси, желая поскорее отправиться в школу и вырваться из-под чрезмерной опеки родителей, выступает с замечанием в ее сторону – «can't stay long». В данном случае модальный глагол can (cannot) говорит о его настойчивости и серьезности намерений.

8. «...Harry turned the card back over and saw, to his astonishment, that Dumbledore's face had disappeared.

«He's gone!»

«Well, you **can't** expect him to hang around all day!» said Ron.

«He'll be back. No, I've got Morgana again and I've got about six of her... do you want it? You can start collecting» [Rowling 2004, p. 103].

Гарри удивлен исчезновением изображения профессора Дамблдора с карточки, Рон же, напротив, не видит в этом ничего странного. Свою уверенность он передает с помощью модального глагола «can't».

Мальчики, будучи, как правило, уверенными в себе, часто демонстрируют свою значимость.

9. «...Speaking quietly so that no one else would hear, Harry told the other two about Snape's sudden, sinister desire to be a Quidditch referee.

«Don't play,» said Hermione at once.

«Say you're ill,» said Ron.

«Pretend to break your leg,» Hermione suggested.

«Really break your leg,» said Ron.

«I **can't**, » said Harry. «There isn't a reserve Seeker. If I back out, Gryffindor can't play at all» [Rowling 2004, p. 217].

Рон и Гермиона убеждают Гарри не играть в квиддич, объясняя, что это может быть опасно для него, но он противостоит им, категорично заявляя, что не будет притворяться больным, поскольку многое в игре зависит от него. Так с помощью модального глагола «can't» передается настойчивость и уверенность Гарри в собственных силах.

10. «He held out his hand to shake Harry's, but Harry didn't take it.

«I think I **can** tell who the wrong sort are for myself, thanks» he said coolly» [Rowling 2004, p. 107].

Гарри Поттер показывает явное пренебрежение и нежелание общаться с Малфоем, он прямо заявляет об этом. Модальный глагол «can» в данном случае как нельзя лучше передает его настойчивость.

11. «...«You **could** have woken me up,» said Ron, crossly.

«You can come tonight, I'm going back, I want to show you the mirror».

«I'd like to see your mom and dad» Ron said eagerly.

«And I want to see all your family, all the Weasleys, you'll be able to show me your other brothers and everyone».

«You can see them any old time, » said Ron. «Just come round my house this summer. Anyway, **maybe** it only shows dead people» [Rowling 2004, p. 209].

Гарри, обнаруживший «зеркало желаний», рассказывает об этом Рону; тот в свою очередь говорит о желании увидеть его своими глазами; можно заметить, что он говорит с обидой и претензией в адрес Поттера («you could have woken me up»). Модальный глагол «could» в сочетании с перфектным инфинитивом передает его недовольство. Далее, когда они оказались в комнате с зеркалом, Рон не видит того, о чем говорил Гарри. Не понимая сути происходящего, он предполагает, что зеркало передает только уже произошедшие события и людей, которых нет в живых. Он формулирует свою догадку с помощью модального глагола «maybe», тем самым показывая неуверенность в этом.

Встречались также случаи, когда модальный глагол *can / could* выражал значение предположения-желания.

12. «...«You **could** just leave me here,» Harry put in hopefully (he'd be able to watch what he wanted on television for a change and maybe even have a go on Dudley's computer)» [Rowling 2004, p. 23].

Гарри Поттер очень хочет остаться дома один, без постоянного надзора своих дяди и тети: тогда он бы смог посмотреть телевизор. Это желание он выражает с помощью эквивалента модального глагола *can – to be allowed to*. Он понимает, что его не хотят брать на семейную прогулку в зоопарк, поэтому предлагает («*could*») дяде Вернону оставить его дома. Так с помощью этого глагола передается желание и надежда на согласие.

Редко встречались примеры, в которых мальчики высказывались о вынужденности своих действий.

13. «...«We just want to know who Nicolas Flamel is, that's all» said Hermione. «Unless you'd like to tell us and save us the trouble?» Harry added. «We must've been through hundreds of books already and we can't find him anywhere — just give us a hint — I know I've read his name somewhere.»

«I'm sayin' nothin'» said Hagrid flatly.

«Just **have to** find out for ourselves, then,» said Ron, and they left Hagrid looking disgruntled and hurried off to the library» [Rowling 2004, p. 197].

Ребята пытаются убедить Хагрида рассказать им о Николасе Флемеле, поскольку им не удалось найти никакой информации («*can't find*»). Мальчики стараются показать масштабы проделанной работы; модальный глагол «*must*» удачно подчеркивает их целеустремленность. Не получив от Хагрида желаемого ответа, они понимают, что дальше им также придется всё узнавать самим («*have to find out for ourselves*»).

14. «...«What've you done to him?» Harry whispered.

«It's the full Body-Bind,» said Hermione miserably. «Oh, Neville, I'm so sorry.»

«We **had to**, Neville, no time to explain» said Harry» [Rowling 2004, p. 273].

Гермионе пришлось заколдовать Невилла, который пытался помешать планам ребят, но Гарри чувствует вину перед ним, он объясняет вынужденность данного поступка («we had to»).

Реже всего встречались модальные глаголы, с помощью которых выражается разрешение.

15. « «Stay there!» she said...

«I never thought to look in here!» she whispered excitedly. «I got this out of the library weeks ago for a bit of light reading».

«Light?» said Ron, but Hermione told him to be quiet until she'd looked something up...

«I knew it! I knew it!»

«Are we **allowed to** speak yet?» said Ron grumpily. Hermione ignored him» [Rowling 2004, p. 219].

В этом примере Гермиона пытается расколдовать попавших в беду Рона и Гарри. Первый, в свою очередь, мешает ей, желая поскорее вырваться на свободу, хотя можно заметить, что Рон проявляет свое уважение к Гермионе и доверие ей, поскольку он спрашивает у нее разрешения поговорить («allowed to»). С другой стороны, в предложении употреблено наречие «grumpily», которое свидетельствует о соответствующем отношении Рона к ситуации. Данное наречие имеет следующее значение «grumpily – bad-tempered and easily annoyed»: e.g. Mina's always a bit grumpy first thing in the morning» [Longman Dictionary of Contemporary English 2000].

Таким образом, можно сказать, что наши предположения подтверждаются частично. Мы предполагали, что мальчики будут чаще использовать модальные глаголы для выражения приказаний и указаний, но на деле оказалось, что они употребляют их с целью выражения уверенности в собственных убеждениях и воздействия на реципиента, что, по сути, не выходит за рамки стереотипного представления о мальчиках (уверенные, гордые, смелые).

Перейдем к рассмотрению модальных глаголов в речи персонажей-девочек.

Сразу следует заметить, что, в отличие от мальчиков, случаи употребления категоричного модального глагола «must» в речи девочек можно назвать единичными, а значение, которое они передают с его помощью, – «уверенность», подтверждаемая аргументированными и обоснованными фактами, а не личными убеждениями.

16. «The distant music stopped. There was a loud bark from the dog, but Hermione had already jumped. She landed on Harry's other side.

«We **must be** miles under the school» she said» [Rowling 2004, p. 277].

В данной ситуации действие происходит в запретной комнате, в которой ребята очутились не случайно. Это в еще большей степени относится к любознательной Гермионе, которая предварительно подготовилась, прежде чем оказаться в этом месте, поэтому ее заявление передается с помощью модального глагола «must» и связано со значением уверенности.

Чаще всего встречались примеры с модальными глаголами can, could именно в их первостепенном значении: для выражения возможности / невозможности сделать что-либо.

17. « «What's that?» said Harry quickly.

«That's just it. I **can't** remember» said Hermione, biting her lip.

«And I **can't** find the story anywhere else —» [Rowling 2013, p. 148].

Гермиона является для всех воплощением идеальной ученицы, она всегда всё знает – но внезапно она не может вспомнить название и обоснование происходящих событий. Ее реакция достаточно предсказуема: она переживает, что не может («can't») вспомнить необходимую информацию.

Следующий пример также подтверждает вышесказанное.

18. «She stood up, glaring at them.

«I hope you're pleased with yourselves. We **could** all have been killed — or worse, expelled. Now, if you don't mind, I'm going to bed» » [Rowling 2004, p. 162].

Удивление и предположения в речи девочки чаще всего выражали с помощью эквивалента модального глагола may – might (be). Можно предположить, что это свидетельствует о некоторой её неуверенности в своих догадках.

19. «But Hermione was pulling her wand out of her bag.

«It **might be** invisible ink!» she whispered» [Rowling 2013, с. 233].

Если мальчики часто выражают свое несогласие категорично, то девочки делают это в более мягкой форме.

Так, по мнению Робин Лакофф, «одним из ярких проявлений такой разницы является стремление к доминированию мужчин в разговоре посредством перебивания собеседника и коммуникативного давления. Женщины же чаще придерживаются пассивной формы в диалогах с мужчинами, предпочитая меньше говорить и больше слушать; употребляют больше модальных глаголов со значением неуверенности» [Lakoff 1975, p. 47].

Следует, конечно, отметить, что в современной жизни подобное стереотипное поведение женщин может меняться. Оно может зависеть от положения, которое женщина занимает в обществе. Свидетельством тому может быть речь женщин, занимающих руководящие должности, женщин-политиков и т. д., то есть тех, чье общественное положение относится к высокому социальному статусу (значимое место в группе людей).

Джанет Холмс считает, что женщины употребляют модальные экспликативы для выражения дружеского расположения. Они часто осторожны в выборе языковых средств, в то время как для мужчин типичным является использование модальных экспликативов для выражения впечатления, сомнения, увеличения экспрессивности и выразительности текста [Holmes 2006, p. 189].

Как известно, модальные глаголы, в соответствии со своим лексическим значением, делятся на две большие группы: глаголы, выражающие возможность, и глаголы, выражающие необходимость. Представляется, что для речи мальчиков более характерно использование глаголов второй группы (must, shall, need, ought), а для речи девочек – глаголов первой группы (can, could, may, might) [Зеленщиков 2013, с. 218].

При этом в своей гипотезе мы исходим из того, что мальчики чаще используют в речи глаголы долженствования в их основном значении (must, have to, can't), а девочки – возможности и вероятности (may, might, could, would).

Полученные результаты для большей наглядности представлены в таблице.

Таблица 1

**Гендерная составляющая модальных глаголов в детской речи
(на материале художественных текстов из произведений Джоан Роулинг о
Гарри Поттере)**

Модальный глагол	Значение	Мальчики %	Девочки %
Must	Долженствование	82,3 %	17,7 %
	Необходимость	67,4 %	32,6 %
	Запрет	54,1 %	45,9 %
Have to	Долженствование / вынужденность	57,7 %	42,3 %
Can / can't	Физическая способность	60,4 %	39,6 %
	Разрешение / запрет	48,2 %	51,8 %
May	Предположение / вероятность	23,8 %	76,2 %
	Разрешение / запрет	35,8 %	64,2 %
	Долженствование	28,9 %	71,1 %
Shall	Вероятность	36,1 %	63,9 %
Might	Способность	41,8 %	58,2 %
Could	Разрешение	37,9 %	62,1 %
	Просьба	21,3 %	78,7 %
	Предположение	12,1 %	87,9 %
	Побуждение	8,6 %	91,4 %

Would	Просьба	7,5 %	92,5 %
	Предположение	82,7 %	17,3 %
Must be	Предположение	31,6 %	68,4 %
May be	Предположение	29,3 %	70,7 %

1.2. Специфика гендерного аспекта в грамматической категории наклонения

Еще одной сферой, в которой взаимодействие гендера и грамматики практически не исследовалось, является категория наклонения: изъявительного, повелительного и сослагательного.

Методом сплошной выборки нами был отобран материал, содержащий примеры употребления повелительного, изъявительного и сослагательного наклонения. В ходе анализа детской речи были рассмотрены каждый вид наклонения в отдельности, а затем отмечены преобладающие в количественном отношении виды наклонения в речи детей (мальчиков и девочек в отдельности).

Анализ данной грамматической категории мы начали с наклонения, которое чаще всего встречается в речи детей, – повелительного. Так, учеными доказано, что наряду с первыми существительными в речи детей начинают активно появляться глаголы в повелительном наклонении «дай, отойди, пошли»; в сочетании с существительными они начинают составлять первые фразы ребенка. А. Н. Гвоздев считает, что именно формы повелительного наклонения являются репрезентативным показателем речи детей [цит. по: Цейтлин 2000, с. 144–145].

Считается, что повелительное наклонение чаще употребляется представителями мужского пола. Анализируя выбранные произведения, мы встретили большое количество подобных примеров. Нам было важно понять, кто чаще является инициатором какого-либо действия, а также учитывался тот факт, кому адресовано высказывание.

В ходе анализа были распределены случаи употребления императива следующим образом: приказы, команды, просьбы, призывы. Предполагалось, что

приказы и команды более характерны для мальчиков, а просьбы и призывы для девочек.

Начнём с анализа примеров употребления повелительного наклонения персонажами-мальчиками.

Нередко встречались случаи употребления данного наклонения мальчиками с целью выражения каких-либо требований, капризов.

1. «Dudley stood with his nose pressed against the glass, staring at the glistening brown coils.

«**Make it move**» he whined at his father. Uncle Vernon tapped on the glass, but the snake didn't budge.

«**Do it again,**» Dudley ordered. Uncle Vernon rapped the glass smartly with his knuckles, but the snake just snoozed on» [Rowling 2004, p. 27].

В этом случае ситуация происходит в зоопарке. Избалованный и капризный мальчишка по имени Дадли требует от своего отца заставить удава в террариуме пошевелиться, поскольку спокойная змея ему мало интересна. Когда у дяди Вернона это не получается сделать, мальчишка настойчиво требует повторить попытку.

Далее именно из уст этого персонажа чаще всего исходили реплики с различного рода требованиями.

2. « «I want more bacon! **Give it to me**».

«There's more in the frying pan, sweetens,» said Aunt Petunia, turning misty eyes on her massive son. «We must build you up while we've got the chance. . . . I don't like the sound of that school food. . . » » [Rowling 2013, p. 2].

В данном случае всё тот же Дадли просит дополнительную порцию бекона; мама, конечно же, не может ему отказать, напротив, радуется здоровому аппетиту своего любимого сыночка.

Можно заметить, что чаще всего требования Дадли направлены на его родителей, поскольку он понимает, что отказ в данном случае едва ли возможен.

Также нередкими были случаи употребления повелительного наклонения с целью выражения удивления и желания поделиться увиденным или услышанным.

3. « «DUDLEY! MR. DURSLEY! COME AND LOOK AT THIS SNAKE! YOU WON'T BELIEVE WHAT IT'S DOING!»

Dudley came waddling toward them as fast as he could.

«Out of the way, you,» he said, punching Harry in the ribs» [Rowling 2004, p. 27].

Пирс, друг капризного Дадли, заметил, как стекло террариума, в котором находилась змея, исчезло. Он начал звать Дадли и дядю Вернона посмотреть на происходящее. При этом его призывы также были переданы с помощью повелительного наклонения.

4. « «I want to read that letter,» he said loudly.

«I want to read it,» said Harry furiously, «as it's mine».

«Get out, both of you,» croaked Uncle Vernon, stuffing the letter back inside its envelope.

Harry didn't move.

«I WANT MY LETTER! IT'S MINE» he shouted» [Rowling 2004, p. 35].

Встречались примеры, в которых капризы отходили на второй план, становясь приказами. Гарри Поттер получил письмо с приглашением в Хогвартс, но его дядя и тетя не желали ничего слышать о магии в своем доме. Мальчик же, в свою очередь, настаивал на том, что письмо принадлежит ему, и требовал его вернуть.

Часто встречались примеры, в которых мальчики выражали просьбу-приказ из-за страха увидеть или услышать то, что они не хотели (испытывая чувство страха). Эти примеры нам кажутся довольно парадоксальными, поскольку стереотипно мальчикам приписывается смелость и бравада.

5. « «Snape wants the Stone for Voldemort . . . and Voldemort's waiting in the forest . . . and all this time we thought Snape just wanted to get rich. . . .»

«Stop saying the name!» said Ron in a terrified whisper, as if he thought Voldemort could hear them.

Harry wasn't listening....

«Will you stop saying the name!» Ron hissed» [Rowling 2004, p. 260].

Гарри Поттер высказывает свои предположения в отношении злого волшебника Волан-де-Морта, но Рон отказывается его слушать и требует прекратить произносить его имя, поскольку мальчик боится быть услышанным. Он выражает свое желание с помощью повелительного наклонения.

6. « «You can't go out,» said Neville, «you'll be caught again. Gryffindor will be in even more trouble».

«You don't understand,» said Harry, «this is important».

But Neville was clearly steeling himself to do something desperate.

«I won't let you do it,» he said, hurrying to stand in front of the portrait hole. «I'll — I'll fight you!».

«Neville,» Ron exploded, «get away from that hole and don't be an idiot — »

«Don't you call me an idiot!» said Neville. «I don't think you should be breaking any more rules! And you were the one who told me to stand up to people! » » [Rowling 2004, p. 272–273].

В данном примере мальчик по имени Невилл пытается противостоять случаю нарушения дисциплины и правил школы Хогвартс со стороны своих друзей (Гарри, Рона и Гермионы, которые раскрыли тайну философского камня и придумали план борьбы со злыми силами). Невилл делает это, поскольку боится, что его друзья могут быть впоследствии исключены из школы; ко всему прочему, может пострадать и он сам, поэтому он становится у них на пути, приказывая остановиться.

Самым распространенным случаем употребления повелительного наклонения стали ситуации, в которых персонажи-мальчики выражали запрет, призывая к прекращению каких-либо действий. Чаще всего повелительные фразы были направлены на представителей мужского пола.

7. « «Look!» said Malfoy...

«Give that here, Malfoy,» said Harry quietly...

«I think I'll leave it somewhere for Longbottom to find — how about — up a tree?»

«Give it here!» Harry yelled, but Malfoy had leapt onto his broomstick and taken off. He hadn't been lying, he could fly well. Hovering level with the topmost branches of an oak he called,

«Come and get it, Potter!» » [Rowling 2004, p. 148].

Перед нами разыгрывается ситуация, в которой Гарри пытается противостоять Малфою и отобрать не принадлежавшую ему вещь. Малфой явно провоцирует его: «Посмотри! ... А ты догони и отбери!». Эти фразы также выражают побуждение к действию. Гарри активно реагирует на его слова, требуя отдать шар. Как видим, оба персонажа общаются между собой путем требований и приказов.

8. « «Will you stop messing around! Shut up» – he yelled. “That’s exactly the sort of thing that’ll lose us the match! Snape’s refereeing this time, and he’ll be looking for any excuse to knock points off Gryffindor!» » [Rowling 2004, p. 216].

Капитан команды по квиддичу Вуд старается настроить команду перед сложной игрой, которую будет судить недружелюбно настроенный к ним профессор Снейп, но братья Фред и Джордж Уизли, знатные шутники, никак не могут уговорить его. Вуду приходится гневно обратиться к ним с приказом настроиться на игру. В этом случае мы не наблюдаем ответной реакции на грубую форму обращения, принимая во внимание ситуацию, в которой всё происходит.

Подобное довольно грубое выражение «shut up», широко используемое в сленговом английском, достаточно часто встречалось в тексте, характеризуя повелительное наклонение.

9. « «Shut up, you two,» said Wood. «This is the best team Gryffindor's had in years» » [Rowling 2004, p. 148].

Всё тот же Вуд проявляет агрессию, велит братьям Уизли «shut up» (закрывать рот). Они мешают ему произнести заученную наизусть речь перед игрой. Это и веселит ребят.

10. « «Hermione, how many times in our lives are we going to see a dragon hatching?» »

«We’ve got lessons, we’ll get into trouble, and that’s nothing to what Hagrid’s going to be in when someone finds out what he’s doing —»

«Shut up! Shut up!» Harry whispered» [Rowling 2004, p. 234].

Гарри грубо приказывает Рону и Гермионе замолчать, когда те обсуждают ситуацию с драконом, которого завел Хагрид.

Реже встречались случаи, когда мальчики пользовались императивом, обращаясь к девочкам, хотя речевых ситуаций употребления императива в адрес девочек было довольно много.

11. « «Half-past eleven,» Ron muttered at last, «we'd better go.»...

«I can't believe you're going to do this, Harry.» ...

«Go away!»...

«I'm coming with you,» she said.

«You are not.» ...

«You've got some nerve —» said Ron loudly» [Rowling 2004, p. 155–156].

В этом примере мы наблюдаем, как Гермиона высказывает удивление и недовольство по поводу желания Гарри и Рона отправиться на дуэль с Малфоем. Она понимает, что это бездумный поступок со стороны Гарри, пытается его переубедить, но Рон, не желая слушать мнение «девчонки-заучки», не дает ей сказать и слова, приказывая замолчать. Следует отметить, что девочка, несмотря на свое недовольство и страх, смело заявляет о том, что она обязательно пойдет с ними — она считает, что сможет повлиять на ситуацию, если что-то пойдет не по плану. Снова перед нами парадоксальная ситуация: девочкам стереотипно приписываются трусость, робость, нерешительность, а в данном случае поступок Гермионы демонстрирует ее решительность и смелость.

Можно отметить, что мальчики достаточно часто выражают просьбы, призывы, приказы и запреты посредством повелительного наклонения.

Переходя к анализу примеров, в которых девочки побуждают к совершению или, наоборот, запрету к совершению каких-либо действий, следует отметить, что их число также было достаточно большим.

Существует стереотипное мнение о том, что девочки являются воплощением рассудительности, порядка и примерности. Их речевое поведение, соответственно, должно отражать данные характеристики. В связи с этим мы отобрали

значительное количество примеров, в которых девочки пытаются дать совет, высказываясь путем просьб, а порой даже и приказов.

12. « «You've got to eat some breakfast!»

«I don't want anything.»

«Just a bit of toast!» wheedled Hermione.

«I'm not hungry.»

Harry felt terrible. In an hour's time he'd be walking onto the field» [Rowling 2004, p. 183–184].

В данном случае Гермиона настаивает, чтобы Гарри поел перед игрой; несмотря на его отказы, она продолжает его убеждать. Мы можем также заметить проявление типичной материнской заботы, которая свойственна девочкам; отметим проявление такого серьезного чувства в столь юном возрасте. Следует обратить внимание на глагол «wheedled» (to persuade someone using tricks, lies, or flattery [Macmillan English Dictionary 2007, p.1697]), которым описывается поведение Гермионы. Глагол «wheedle» (подольщаться, ластиться, льстить) имеет следующее значение: «employ endearments or flattery to persuade someone to do something» – использовать ласку и лесть для того, чтобы убедить кого-то сделать что-то» [Macmillan English Dictionary 2007, p.1697].

Руководствуясь также чувством справедливости, девочки часто ищут защиты у взрослых, полагая, что они могут решить многие спорные ситуации.

13. « «What happened?» Hermione asked him...

«Malfoy,» said Neville shakily. «I met him outside the library. He said he'd been looking for someone to practice that on.»

«Go to Professor McGonagall!» Hermione urged Neville. «Report him!»» Neville shook his head» [Rowling 2004, p. 218].

Хулиган Малфой испытал свои колдовские силы на невинном Невилле, зная, что тот не сможет ему ничего возразить. Узнав это, Гермиона убеждает Невилла пойти к завучу, чтобы она разрешила ситуацию. Девочка не пытается решить ситуацию самостоятельно, а, следуя правилам, призывает его обратиться за помощью к взрослым.

В отличие от мальчиков, девочки проявляют большую аккуратность в своих высказываниях: только будучи полностью уверенными в своей правоте, они берут ситуацию в свои руки.

14. « «Stay there!» she said...

«I never thought to look in here!» she whispered excitedly. «I got this out of the library weeks ago for a bit of light reading».

«Light?» said Ron, but Hermione told him to be quiet until she'd looked something up, and started flicking frantically through the pages, muttering to herself.

At last she found what she was looking for.

«I knew it! I knew it!» » [Rowling 2004, p. 219].

Данная ситуация, по сути, является продолжением предыдущего примера. Невилл отказался обратиться за помощью к миссис Макгонагалл, и тут Гермиона решила, что сможет справиться с заклинанием самостоятельно. Руководствуясь своими безукоризненными знаниями законов магии, она приказывает всем оставаться на своих местах и приступает к действию.

Парадоксальные случаи употребления повелительного наклонения, описывающие страх мальчиков, не вызывают выражения большого удивления в речи девочек.

15. « «I'm sorry, Harry!» she wailed...

«I'm going out of here tonight and I'm going to try and get to the Stone first.»

«You're mad! You can't! Stay here!» said Hermione» [Rowling 2004, p. 270].

Гермиона хочет остановить Гарри, который собирается один отправиться на встречу со злыми силами, пытается образумить его: «Ну ты же не можешь, остановись!!!», – понимая, что это очень опасно для него.

16. « «Don't play!» said Hermione at once.

«Say you're ill,» said Ron.

«Pretend to break your leg!» Hermione suggested.

«I can't,» said Harry. «There isn't a reserve Seeker. If I back out, Gryffindor can't play at all» » [Rowling 2004, p. 217].

В этой ситуации Гермиона настоятельно отговаривает Гарри принимать участие в игре, объективно понимая, что ему может угрожать опасность. Снова мы видим проявление страха перед сложившимися обстоятельствами. Главный герой – мальчик – принимает вызов.

Так же, как и у мальчиков, высказывания девочек часто носят категоричный, грубый характер.

17. «No sooner were they out of earshot than Malfoy burst into laughter.

«Did you see his face, the great lump?»

The other Slytherins joined in.

«Shut up, Malfoy!» snapped Parvati Patil» [Rowling 2004, p. 147–148].

Парвати Патил вступается за беднягу Невилла и не боится возразить и даже приказать закрыть рот знатному забияке Малфюю. Важно также подметить, что в данной ситуации девочка проявляет бойцовские качества и готова вступить за мальчишку, которого все обижают.

Если в вышеприведенном примере Парвати не характеризуется как скромная девочка, то роль защитницы точно никак не ассоциируется с сестрой Рона Джинни.

18. « «Oh, get out of the way, Percy,» said Fred. «Harry’s in a hurry».

«Yeah, he’s off to the Chamber of Secrets for a cup of tea with his fanged servant,» said George, chortling. Ginny didn’t find it amusing either.

«Oh, don’t...Oh, don’t,» she wailed every time Fred asked Harry loudly who he was planning to attack next...» [Rowling 2004, p. 210].

Джинни, чересчур скромная девочка, имеет смелость заступиться за Гарри, которого обвинили в нападении на студентов, а Фред и Перси решили выставить эту тему объектом для шуток, хотя нельзя упускать из виду тот факт, что Джинни – их сестра. Это также могло повлиять на ее решение пресечь их побуждения. Можно предположить, что, если бы это были незнакомые ей ребята, она бы не смогла так проявить свою смелость, поскольку даже в данном примере ее слова не звучат категорично, а больше походят на просьбу, хотя можно заметить, что даже

скромные и нерешительные девочки порой пересиливают свой страх и встают на защиту мальчиков.

19. « «Leave him alone, he didn't want all that!» said Ginny. It was the first time she had spoken in front of Harry. She was glaring at Malfoy» [Rowling 2013, p. 61].

В данном примере мы видим, как робкая Джинни приказывает замолчать забияке Малфою, ей приходится преодолевать чувство страха перед лицом неприятеля.

Нельзя, однако, сказать, что Гермиона осмотрительно и настороженно относится к объекту своих высказываний.

20. « «Stop moving!» Hermione ordered them. «I know what this is — it's Devil's Snare!»

«Oh, I'm so glad we know what it's called, that's a great help,» snarled Ron, leaning back, trying to stop the plant from curling around his neck.

«Shut up, I'm trying to remember how to kill it!» said Hermione» [Rowling 2004, p. 277–278].

Будучи уверенной в правильности своих действий, она приказывает мальчишкам замолчать и не мешать ей выполнять свои действия. Таким образом, она в очередной раз спасает Гарри и Рона, попавших в неприятную ситуацию.

Проанализировав большое количество примеров, мы можем сказать, что повелительное наклонение часто встречается как в речи мальчиков, так и девочек, хотя следует обратить внимание на некоторое различие в мотивах употребления подобных фраз. Мальчики чаще стараются выразить приказы, а девочки больше склонны давать советы и выражать призывы, но и те и другие часто выстраивают свои фразы в категоричной форме.

Далее в нашей работе мы обратились к случаям употребления сослагательного наклонения. В анализируемом материале их число было относительно небольшим (100 случаев употребления). С точки зрения Л. И. Пироговой, сослагательное наклонение может быть названо потенциальным, поскольку оно «выражает потенциальное действие» [Пирогова 1999, с. 46]. Отметим также, что мы

придерживаемся той точки зрения, согласно которой условные предложения являются частью сослагательного наклонения [Зеленщиков 2003, с. 28]. Считается, что чаще всего речь в сослагательном наклонении присуща людям, которые чувствуют неуверенность в чем-либо. В связи с этим возникает вопрос: уместно ли говорить о гендерной специфике сослагательного наклонения? Анализ нашего материала позволяет ответить на этот вопрос.

21. « «Don't know why he's so bothered,» said Ron. "If I'd brought a toad I'd lose it as quick as I could. Mind you, I brought Scabbers, so I can't talk» » ([Rowling 2004, p. 104].

В этом примере Рон рассуждает о потерянном питомце Невилла и говорит, что, если бы он имел жабу, он бы давно намеренно потерял ее, поскольку данное животное не делает чести ее владельцу. Можно заметить, что он относится к Невиллу с жалостью, поскольку тот слишком робок.

Часто персонажи произведений находятся под влиянием определенных обстоятельств, из-за чего они вынуждены проявлять свою нерешительность.

22. « «Er — Uncle Vernon?»

Uncle Vernon grunted to show he was listening.

«Er — I need to be at King's Cross tomorrow to — to go to Hogwarts».

Uncle Vernon grunted again.

«Would it be all right if you gave me a lift?»

Grunt. Harry supposed that meant yes.

«Thank you» » [Rowling 2004, с. 89].

Гарри вынужден обратиться с просьбой к своему дяде, хотя сам он явно не желает того, понимая, что с большей долей вероятности он услышит отказ в свой адрес, поэтому его речь звучит нерешительно. Сослагательное наклонение в данном примере явно акцентирует внимание читателя на нереальности исполнения данного пожелания.

Принято считать, что мальчики агрессивны по своей природе. Они не стесняются выражать свои негативные намерения, а «сослагательность» подчеркивает и усиливает язвительный характер высказывания.

23. « «Oh, it's you,» said Ron, looking at Malfoy as if he were something unpleasant on the sole of his shoe. «Bet you're surprised to see Harry here, eh?»

«Not as surprised as I am to see you in a shop, Weasley,» retorted Malfoy. «I suppose your parents will go hungry for a month to pay for all those» » [Rowling 2013, p. 61].

При встрече Малфоя и Рона чувствуется явная взаимная неприязнь ребят друг к другу: каждый старается высказаться поострее, чтобы побольнее уколоть собеседника. Понимая, что Рон живет в многодетной семье с более чем средними доходами, Малфой шутливо предположил, что родители Уизли не расплатятся за его покупки, акцентируя свое внимание на маловероятности обратного исхода дел.

Не так часто, но встречались примеры, в которых сослагательное наклонение выступало способом выражения предупреждения и даже угрозы.

24. «Draco Malfoy didn't go red, but a pink tinge appeared in his pale cheeks.

«I'd be careful if I were you, Potter,» he said slowly. «Unless you're a bit politer you'll go the same way as your parents. They didn't know what was good for them, either. You hang around with riffraff like the Weasleys and that Hagrid, and it'll rub off on you.»

Both Harry and Ron stood up.

«Say that again,» Ron said, his face as red as his hair.

«Oh, you're going to fight us, are you?» Malfoy sneered» [Rowling 2004, p. 108–109].

Драко Малфой советует Гарри быть поаккуратнее в своих высказываниях. Говоря об этом, он ставит себя в пример, по сути стараясь пригрозить Поттеру, и напоминает ему о трагической смерти его родителей. Сослагательное наклонение в данном примере говорит об уверенности Малфоя в неблагоприятном исходе дел для Гарри Поттера, поскольку иного он и предположить не может.

Самым же распространенным случаем употребления этого вида наклонения является его первостепенное значение, объективная констатация факта, который явно имел место, и ничего нельзя изменить. Жизнь не признает сослагатель-

ного наклонения. В жизни не может быть «если бы», потому что истинный смысл подобного союза в жизни означает: «Это не случилось, или, наоборот, это произошло».

25. « «Well, it's true,» Harry chortled as they reached the top of the marble staircase, “If he hadn't stolen Neville's Remembrall I wouldn't be on the team. . .» » [Rowling 2004, p. 166].

Так, Гарри осознает парадоксальность произошедшего случая: если бы он не заступился за Невилла, вследствие чего ему пришлось послушаться приказа профессора Хуч (всем оставаться на местах, пока она отводит Невилла ко врачу), он бы точно не попал в престижную сборную по игре в квиддич. А будучи замеченным профессором Макгонагалл в прекрасном управлении метлой, он был приглашен на роль ловца команды. Таким образом, Малфой, сам того не понимая, помог своему неприятелю. Сослагательность в данном случае как нельзя лучше демонстрирует процесс осознания Поттером необычности ситуации.

В речи девочек с меньшей частотой встречалось сослагательное наклонение (30 %), хотя мы можем предположить, что (стереотипно) девочки более робки и застенчивы, и данный вид наклонения должен был бы как раз это подчеркнуть. Поскольку поведение Гермионы явно выходит за рамки стереотипов, таких примеров нам не встретилось. Что касается другого персонажа, сестры Рона Джинни, то ее застенчивость в большей степени проявлялась невербально («покраснела», «задрожала», «опустила глаза» и т. п.). Однако можно заметить, что персонажи-девочки чаще всего выражали свое желание посредством сослагательного наклонения.

26. « «Goodness, didn't you know, I'd have found out everything I could if it was me,» said Hermione. “Do either of you know what House you'll be in? I've been asking around, and I hope I'm in Gryffindor, it sounds by far the best; I hear Dumbledore himself was in it, but I suppose Ravenclaw wouldn't be too bad. . . . Anyway, we'd better go and look for Neville's toad. You two had better change, you know, I expect we'll be there soon» » [Rowling 2004, p. 106].

При первой встрече с Гарри Поттером она удивляется, что он ничего про себя не знает. Гермиона, по сути, знает о нем всё, поскольку она всегда интересуется происходящими вокруг нее событиями. Не знать Поттера было бы стыдно, так как история его родителей для многих является невероятным примером волшебства. Впоследствии она неоднократно говорит об известности Гарри, и если бы только она была на его месте, то точно всё бы знала о себе.

Сослагательное наклонение в речи девочек может порой служить способом выражения благодарности.

27. « «If they hadn't found me, I'd be dead now. Harry stuck his wand up its nose and Ron knocked it out with its own club. They didn't have time to come and fetch anyone. It was about to finish me off when they arrived.»

Harry and Ron tried to look as though this story wasn't new to them» [Rowling 2004, p. 178].

Гарри и Рон спасают Гермиону от разгневанного эльфа, но профессор Макгонагалл намеревается их наказать. Девочка берет всю вину на себя и говорит, что намеренно пошла на встречу с эльфом – и, если бы не смелость ребят, она бы погибла. В очередной раз мы видим нетипичное для девочки поведение: она говорит неправду ради спасения мальчиков, проявляя необычайную смелость.

По сути, использование изъявительного наклонения представителями мужского и женского пола является очевидным, и если не учитывать факт количественного преобладания персонажей мальчиков в произведении, то можно заметить, что перевеса в употреблении изъявительного наклонения нет ни в одну сторону.

28. - « «Scabbers has been fighting, not us,» said Ron, scowling at her. «Would you mind leaving while we change?» » [Rowling 2004, p. 198].

Эта фраза, по сути, является мягким вариантом императива, несмотря на вежливую форму.

«All right - I only came in here because people outside are behaving very childishly, racing up and down the corridors,» said Hermione in a sniffy voice.

В ответе Гермионы можно усмотреть желание (стереотипное) держаться подальше от людей, которые ведут себя неадекватно («носятся...»). С точки зрения норм общества, такое сдержанное поведение может считаться типичным (стереотипным) для девочек.

В следующем примере мы также наблюдаем высказывание Малфоя (представителя маскулинной группы) в изъяснительном наклонении:

29. «Malfoy smiled nastily.

«I think I'll leave it somewhere for Longbottom to find — how about — up a tree?»» [Rowling 2004, p. 148].

В этой фразе мы наблюдаем намерение Малфоя спрятать шар, принадлежавший Невиллу, чтобы тот потом начал искать.

30. « «I'll be in my room, making no noise and pretending I'm not there,» said Harry dully» [Rowling 2013, p. 6].

В данном примере Гарри Поттер говорит о том, что не доставит никаких проблем («не издаст ни звука»), когда в дом его родственников придут гости. Он полностью подчиняется требованиям тети и дяди Дурсли. Намерение показать отсутствие своего пребывания в их доме мальчик передает с помощью изъяснительного наклонения.

Часто встречаются примеры, в которых девочки высказываются, выражая свои мысли посредством изъяснительного наклонения. В этих примерах можно заметить еще один стереотип поведения девочек: они всегда всё учат, знают всё, что есть в книгах, но не уверены, достаточно ли этого.

31. « «Are you really?» said Hermione. “I know all about you, of course — I got a few extra books for background reading, and you're in Modern Magical History and The Rise and Fall of the Dark Arts and Great Wizarding Events of the Twentieth Century. » ...» [Rowling 2004, p. 106].

Даже не зная Гарри Поттера, Гермиона уже всё о нем узнала, но она переспрашивает, желая убедиться в правильности и точности своих догадок. Источником всех ее познаний являются книги, которые она непрерывно читает.

32. « «That was far easier than I thought it would be,» said Hermione as they joined the crowds flocking out onto the sunny grounds.

«I needn't have learned about the 1637 Werewolf Code of Conduct or the uprising of Elfric the Eager» » [Rowling 2004, p. 263].

Посредством изъяснительного наклонения Гермиона часто выражает неуверенность в своих силах. Так, например, в данном отрывке видно: она предполагала, что урок, который посетила, будет сложнее, чем он оказался; не было необходимости изучать дополнительный материал, готовясь к нему, что она в очередной раз и сделала.

33. «... «I've heard -I've learned all our course books by heart, of course, I just hope it will be enough - I'm Hermione Granger, by the way, who are you.»

She said all this very fast» [Rowling 2004, p. 149].

На протяжении всего произведения Гермиона демонстрирует энциклопедические знания в различных областях науки. В этом примере она говорит о заучивании наизусть содержания некоторых книг.

Персонажи-мальчики демонстрируют свое доверие Гермионе и уверенность в ее знаниях, часто обращаясь к ней с вопросами:

34. « «Hermione, how many times in our lives are we going to see a dragon hatching?» [Rowling 2004, p. 234].

«We can actually meet him!» Hermione squealed. “I mean, he’s written almost the whole booklist!» » [Rowling 2013, p. 59].

В данном случае мы снова наблюдаем подтверждение стереотипного мнения о «девочках-всезнайках». Гермиона необычайно радуется предстоящей встрече со Златопустом Локонсом, поскольку он является автором множества учебников, которые девочка уже прочитала.

Абсолютно всем известны заслуги Гермионы, большинство выражают ей свое почтение, принимая во внимание прекрасное владение учебным материалом.

35. « «Justin Finch-Fletchley,» he said brightly, shaking Harry by the hand. «Know who you are, of course, the famous Harry Potter. . . . And you're Hermione

Granger — always top in everything» (Hermione beamed as she had her hand shaken too) ...» [Rowling 2013, p. 93–94].

Джастин Финч-Флетчли, однокурсник Гарри, радостно приветствует ребят: они ему, безусловно, известны, а Гермиона – именно как девочка, которая лучше всех учится по всем предметам.

В одном из примеров можно было заметить необычное высказывание девочки, по крайней мере, не укладывающееся в рамки стереотипного феминного поведения:

36. « «Okay, men,» he said.

«And women,» said Chaser Angelina Johnson.

«And women,» Wood agreed. This is it» [Rowling 2004, p. 185].

Анджелина Джонсон, охотник сборной по квиддичу, традиционной игре в Хогвартсе, не упускает возможности напомнить о своем присутствии, когда капитан команды приветствует всех словом «парни»: не желая оставаться незамеченной, она вносит уточнение. Важно заметить, что ее слова также передаются с помощью изъявительного наклонения.

Таким образом, анализ грамматической категории наклонения выявил справедливость некоторых выдвинутых ранее гипотез. Что касается изъявительного наклонения, то мы не увидели гендерных особенностей в его употреблении; оно встречается в равной мере как у мальчиков, так и у девочек. Расхождения и явный гендерный «перевес» заметен в употреблении повелительного наклонения мальчиками. Следует также отметить большую частотность употребления данного наклонения в анализируемом произведении. Еще важно отметить, что чаще всего просьбы, а порой и приказы отражают стремление мальчиков к доминированию над девочками.

В отличие от повелительного, сослагательное наклонение встречалось не столь часто. Не было замечено явного гендерного перевеса в его употреблении в ту или иную сторону, так как автор произведения делает акцент не на гендерных различиях, а только на особенностях характеров героев; не учитывая аспект их половой принадлежности.

**Гендерная составляющая грамматической категории «наклонение»
в детской речи (на материале художественных текстов из произведений Джо-
ан Роулинг о Гарри Поттере)**

Наклонение	Мальчики (100 %)	Девочки (100 %)
Повелительное	76,6 %	66,6 %
Сослагательное	23,4 %	33,4 %

(процентное соотношение употребления повелительного и сослагательного наклонения персонажей мальчиков и девочек, по отдельности)

Наклонение	Мальчики	Девочки
Повелительное (100 %)	72,1 %	27,9 %
Сослагательное (100 %)	53,3 %	46,7 %
Изъявительное (100 %)	51,2 %	48,8 %

(процентное соотношение употребления повелительного, сослагательного и изъявительного наклонения персонажей мальчиков и девочек, в сравнении)

1.3. Особенности проявления гендерного компонента при взаимодействии с глагольной категорией транзитивности

Переходность / непереходность глаголов может иметь некоторые особенности с точки зрения гендера. Выскажем предположение, что чаще переходные глаголы в речи употребляют представители мужского пола, и наоборот, непереходные – представители женского пола. Традиционно мужской пол считается более активным, а женский – пассивным. Нам представляется, что активность и транзитивность связаны следующим образом: именно «agent» (doer of the action) / «деятель» (активный деятель) совершает какие-либо действия над «object» (recipient of the action) / «реципиент / получатель». В исследуемом материале в большинстве

случаев в роли «agent» выступают мальчики. Всего нами было проанализировано 738 страниц художественного текста и отобрано методом сплошной выборки около 500 примеров методом сплошной выборки, отражающих описание происходящих событий [см.: Четверикова 2017, с. 335].

Чаще всего переходные глаголы встречались у представителей мужского пола при описании происходящих событий.

1. «He **pushed his trolley** around and **stared at the barrier**» [Rowling 2004, p. 187].

«В этом примере мальчик производит действие, которое выражается переходными глаголами «pushed» и «stared at», с прямым дополнением, в первом случае «his trolley» и «the barrier» во втором» [Четверикова 2017, с. 336]. По сути, это действие носит нейтральную окраску, так как мы не можем судить о намерениях мальчика.

2. «She left the chamber. Harry swallowed.

«How exactly do they **sort us** into Houses?» he asked Ron.

«Some sort of test, I think. Fred said it hurts a lot, but I think he was joking» [Rowling 2004, p. 114–115].

В данном примере мы также наблюдаем ситуацию, которая не является примером воздействия на кого-либо. По приезде в школу ребят распределяют по факультетам, Рон проявляет интерес к процессу распределения, передавая свои мысли с помощью переходного глагола «sort us». Когда он понял, что братья подшутили над ним, его реакция на реальный процесс распределения последовала незамедлительно.

3. « «So we've just got to try on the hat!» Ron whispered to Harry.

«I'll **kill Fred**, he was going on about wrestling a troll» » [Rowling 2004, p. 118].

Рон выражает желание поквитаться с братом (Фредом), выражая это с помощью переходного глагола «to kill», за которым следует прямое дополнение, выраженное именем собственным «Fred».

Как было сказано выше, мужской пол традиционно считается более активным. В анализируемом тексте мы нашли огромное количество примеров, подтверждающих данное предположение, иллюстрирующих этот аспект речевого поведения мальчиков. Мальчики часто провоцировали друг друга, что выражалось с помощью переходных глаголов.

4. « «Say that again,» Ron said, his face as red as his hair.

«Oh, you're going to **fight us**, are you?» Malfoy sneered.

«Unless you get out now,» said Harry, more bravely than he felt, because Crabbe and Goyle were a lot bigger than him or Ron.

«But we don't feel like leaving, do we, boys? We've eaten all our food and you still seem to have some» » [Rowling 2004, p. 109].

«В данном примере мы наблюдаем следующую картину. Молодой человек по имени Малфой употребляет переходный глагол «*to fight*», за которым следует прямое дополнение – местоимение «*us*». Из контекста известно, что человеком, который хочет «*fight us*», является Гарри Поттер. Таким образом, именно от него исходит действие» [Четверикова 2017, с. 336].

5. «He turned his broomstick sharply to face Malfoy in midair. Malfoy looked stunned.

«Give it here,» Harry called, «or **I'll knock you off** that broom!»

«Oh, yeah?» said Malfoy, trying to sneer, but looking worried » [Rowling 2004, p. 148–149].

Гарри Поттер употребляет переходный глагол «*to knock*», с целью пригрозить Малфой, «*I'll knock you off*», действие направлено именно на него. Мы снова наблюдаем типичное для мальчиков поведение (стремление к лидерству, бравада). Мальчики практически всегда старались воздействовать на собеседника, что является стремлением демонстрации силы.

6. « «So this is Dumbledore!» said Harry.

«Don't **tell me** you'd never heard of Dumbledore!» said Ron» [Rowling 2004, p. 102].

Мальчик по имени Рон выражает удивление по поводу неосведомленности Гарри – «tell me». Переходный глагол «tell» как нельзя лучше показывает, что Рон ошеломлен, но в то же время он гордится собой, ощущая свою значимость.

7. « «Let's **leave them** to it,» Ron muttered to Harry as Mrs. Weasley swelled like a bullfrog.

«Come on, **I'll show you** my bedroom» » [Rowling 2013, p. 39].

В данной ситуации Рон представляется активным деятелем. Так, пригласив Гарри к себе на лето и находясь в роли хозяина, он демонстрирует ему «свои владения», что происходит в речи путем использования переходных глаголов «to leave» и «to show». Действия Рона направлены на Гарри Поттера («you» – это местоимение является прямым дополнением), которому Рон настоятельно советует уйти от всех (Let's leave them) и прогуляться.

8. « «**I want to read that letter**» he said loudly.

«I want to read it, » said Harry furiously, «as it's mine» » [Rowling 2004, p. 35].

Гарри, проживая в доме дяди Вернона, не имел права голоса, но под влиянием обстоятельств (пришло письмо на его имя) он без боязни высказывает свое требование также при помощи переходного глагола «to read» с прямым дополнением «the letter».

Реже встречались примеры, в которых мальчики давали обещания. Это не является выходящим за рамки стереотипности, поскольку им предписывается роль нарушителей, хулиганов и забияк.

9. « «And come back and find the house in ruins?» she snarled.

«I won't **blow up the house**,» said Harry, but they weren't listening» [Rowling 2004, p. 23].

Гарри Поттер обещает вести себя хорошо, если его оставят дома одного. Переходный глагол «blow up» подтверждает это. Парадоксальность поведения мальчика можно объяснить влиянием окружающих обстоятельств (место действия, а самое главное – человек, с которым происходит диалог).

«Подобных примеров, свидетельствующих о выступлении представителей мужского пола в качестве активных «деятелей», мы обнаружили довольно боль-

шое количество. Что касается представителей женского пола, которым приписывается чаще употребление непереходных глаголов, то перед нами предстает следующая картина» [Четверикова 2017, с. 336].

10. « «The book **belongs** on the shelf» [Rowling 2004, p. 181].

Гермиона говорит о том, что необходимая им книга должна быть на полке. Следует заметить, что она высказывается с уверенностью, поскольку осведомлена по данному поводу.

«Let's wait until 11 o'clock» » [Rowling 2004, p. 161].

В этом примере Гермиона употребляет непереходный глагол «belongs» с целью призыва и убеждения мальчиков в необходимости дождаться нужного времени.

Нередко встречались случаи употребления переходных глаголов девочками. В свойственной им манере они проявляли заботу о других, что, по сути, не вызывает удивления.

11. « «All right, but I **warned you**, you just remember what I said when you're on the train home tomorrow, you're so — »

But what they were, they didn't find out. Hermione had turned to the portrait of the Fat Lady to get back inside and found herself facing an empty painting. The Fat Lady had gone on a nighttime visit and Hermione was locked out of Gryffindor Tower.

«Now what am I going to do?» she asked shrilly.

«That's your problem,» said Ron. «We've got to go, we're going to be late» » [Rowling 2004, p. 156].

Гермиона высказывает свои переживания и заверяет Гарри в том, что она предупреждала его о подобном исходе. Это передается с помощью переходного глагола «to warn», за которым следует прямое дополнение – местоимение «you». Подобные примеры встречались чаще остальных.

Порой девочки проявляют свойственное им любопытство.

12. « «You know that black-haired boy who was near us in the station? Know who he is?

«Who?»

«Harry Potter!» Harry heard the little girl's voice.

«Oh, Mom, can I go on the train and **see him**, Mom, oh please . . .» » [Rowling 2004, p. 97].

Сестра Рона Джинни проявляет сильное желание встретиться с Гарри Поттером лично; она проявляет свой порыв встретиться с ним с помощью транзитивного глагола «to see», за которым следует прямое дополнение – местоимение «him». Также в глаза бросается робость, с которой она пытается реализовать свое желание.

Переходные глаголы, встречающиеся в репликах девочек, не имеют категоричного характера.

13. «Harry hung back for a last word with Ron and Hermione.

«**See you** over the summer, then.»

«Hope you have — er — a good holiday,» said Hermione, looking uncertainly after Uncle Vernon, shocked that anyone could be so unpleasant» [Rowling 2004, p. 309].

Прощаясь перед летними каникулами, Гермиона доброжелательно высказывает надежду на скорейшую встречу с Гарри, используя устоявшееся выражение с переходным глаголом «to see». Это не является случаем активного воздействия девочки на мальчика.

Реже встречались случаи, в которых девочки употребляли дитранзитивные переходные глаголы:

14. « «I think we've lost him,» Harry panted, leaning against the cold wall and wiping his forehead. Neville was bent double, wheezing and spluttering.

«I — **told**— **you**,» Hermione gasped, clutching at the stitch in her chest, «I — told — you.»

«We've got to get back to Gryffindor Tower,» said Ron, «quickly as possible» » [Rowling 2004, p. 158].

Можно еще раз подметить значительное превалирование в употреблении транзитивных глаголов персонажами мужского пола, по сравнению с женским.

Что касается непереходных глаголов, то мы наблюдали следующую ситуацию. Нельзя говорить о том, что случаи употребления непереходных глаголов

представителями мужского пола были редкими, но, в сравнении с переходными глаголами, их значительно меньше.

Нетранзитивные глаголы обозначают действие, которое не переходит на прямой объект и не нуждается в таком объекте; они редко встречаются в ситуациях, характеризующих какие-либо активные действия.

15. « «Ginny,» said Ron. «You don't **know** how weird it is for her to be this shy. She never shuts up normally —» » [Rowling 2013, p. 40].

Так, например, Рон, проводя экскурсию по своему дому, рассказывает Гарри о комнате его сестры. Он описывает характер своей сестры, используя непереходный глагол «to know», поскольку ситуация не требует какого-либо воздействия.

16. ««So I suppose you think that's a reward for breaking rules?» came an angry voice from just behind them. Hermione was stomping up the stairs, looking disapprovingly at the package in Harry's hand.

«I **thought** you weren't **speaking** to us?» said Harry.

«Yes, don't stop now,» said Ron, «its doing us so much good.»

Hermione marched away with her nose in the air » » [Rowling 2004, p. 166].

Мальчики выражают удивление, что Гермиона снова вмешивается в их разговор, поскольку до этого момента произошли события, после которых она заявила о своем нежелании общаться с ними. Непереходные глаголы «to think» и «to speak» в данном случае передают удивление ребят.

17. «Harry stared.

«And I thought I had it bad **staying** here for another four weeks» » [Rowling 2013, p. 14].

В этой ситуации непереходный глагол «to stay» самым удачным образом передает безысходность ситуации. Гарри понимает, что не сможет провести лето у своих родственников, поскольку условия, в которых ему приходится жить, ужасны.

Что же касается персонажей-девочек, мы обнаружили у них значительное количество примеров с использованием непереходных глаголов, которое намного превышает примеры с переходными глаголами в их речи.

18. «*She **sings** to them every night*» [Rowling 2004, p. 143].

Девочка выполняет действие «*sings to them*», которое вполне может восприниматься как нечто, укладывающееся в стереотипное представление о ролях, выполняемых женщинами.

19. «*He waved his wand, but nothing happened. Scabbers stayed gray and fast asleep.*

«*Are you sure that's a real spell?*» said the girl. «*Well, it's not very good, is it? I've tried a few simple spells just for practice and it's all worked for me. Nobody in my family's magic at all, it was ever such a surprise when I got my letter, but I was ever so pleased, of course, I **mean**, it's the very best school of witchcraft there is, I've **heard** — I've **learned** all our course books by heart, of course, I just hope it will be enough — I'm Hermione Granger, by the way, who are you?»*

She said all this very fast» [Rowling 2004, p. 105–106].

Рассказывая о себе, Гермиона употребляет преимущественно непереходные глаголы. Нельзя сказать, что в этом примере мы видим пассивность в монологе девочки, но есть ощущение ее некоторой неуверенности в себе. Она снова демонстрирует прекрасные знания о школе, в которую ее пригласили, но говорит, что сомневалась в возможности своего обучения в данном месте.

Мы уже неоднократно говорили о том, что поведение Гермионы часто выходит за рамки стереотипного поведения девочек. Так, она часто отдает мальчикам приказы, но даже эти приказания зачастую передаются с помощью непереходных глаголов, как в нижеприведенном примере, где используется глагол «*to stay*»:

20. «***Stay** there!*» she said...

«*I never **thought** to look in here!*» she whispered excitedly. «*I got this out of the library weeks ago for a bit of light reading*» [Rowling 2004, p. 219].

Более того, далее мы видим, что она выражает удивление, опять же с помощью нетранзитивного глагола «to think».

Следующие примеры также свидетельствуют о том, что непереходные глаголы чаще ассоциируются с речью девочек:

21. «Suddenly, she **disappeared**» <...>

« She began **to cry** loudly» <...>

« We'd **noticed**», said Hermione faintly [Rowling 2004, p. 343].

“Yes—of course—but there’s no wood!” Hermione cried, wringing her hands» » [Rowling 2004, p. 278].

На основе проведенного анализа можно заметить, что подтверждается выдвинутая нами гипотеза о гендерных особенностях в употреблении переходных и непереходных глаголов на материале детской речи. Мы видим, что представители мужского пола чаще выступают в роли деятелей: употребляя переходные глаголы, они воздействуют на собеседника, от них исходит какое-либо действие. Что же касается девочек, то с их речью чаще ассоциируются непереходные глаголы, и они выступают в роли реципиента, на них направлено действие говорящего представителя мужского пола.

Непосредственная задача прямой связи – доведение до реципиента (в нашем случае девочки) некоторой семантической информации, содержащейся в тексте. Задача обратной связи – доведение до автора (мальчика) информации о «реакции» реципиента на полученное от него сообщение. Таким образом, оба участника коммуникации активны: один порождает текст, другой активно слушает, что находит свое выражение в большом количестве так называемых сигналов реципиента (или сигналов обратной связи).

Также следует отметить преобладание именно мужских персонажей в анализируемых произведениях. Несмотря на то, что действие разворачивается в школе магии Хогвартс, в которой обучаются и мальчики, и девочки, среди главных героев – учащихся школы – гораздо больше персонажей мужского пола. Собственно, единственный яркий персонаж женского пола – Гермиона – в каком-то смысле (в том числе, и с точки зрения грамматической категории транзитивности)

является, наверное, тем самым исключением, которое только подтверждает правило.

Таким образом, наш анализ взаимосвязи явления транзитивности и гендера показал, что (в какой-то степени, за исключением Гермионы) женские персонажи книг о Гарри Поттере укладываются в традиционное понимание, связанное с их большей пассивностью, большей предрасположенностью к роли реципиента чужих – (в том числе, мужских) – действий, меньшим – по сравнению с мужскими персонажами – употреблением так называемых ‘action and dynamic verbs’, менее ярко и менее часто выраженными характеристиками сильной личности, способной принимать самостоятельные независимые решения» [Четверикова 2017, с. 337].

Таблица 3

**Гендерная составляющая глагольной транзитивности детской речи
(на материале художественных текстов из произведений Джоан Роулинг о Гарри Поттере)**

	Мальчики (100 %)	Девочки (100 %)
Переходные глаголы	69,4 %	13,8 %
Непереходные глаголы	30,4 %	86,2 %

(процентное соотношение употребления переходных и непереходных глаголов персонажей – мальчиков и девочек, в отдельности)

**1.4. Специфика взаимодействия грамматической категории «залог»
и гендера**

Представляется, что грамматическая категория залога может иметь некоторые особенности с точки зрения гендера. Как было сказано в главе первой, многие ученые придерживаются той точки зрения, что мужчины чаще пользуются глаголами в активном залоге, женщины – в пассивном. Это объясняется тем, что традиционно мужской пол считается более активным, а женский – пассивным. Попробуем доказать или опровергнуть это утверждение на нашем материале.

Рассмотрим сначала случаи употребления активного / действительного залога. Естественно предположить, что не только мальчики, но и девочки пользуются именно активом для выражения своих действий, мыслей и намерений» [Четверикова 2018, с. 617].

1. « «. . . and until Hagrid told me, I didn't know anything about being a wizard or about my parents or Voldemort — »

Ron gasped.

«What?» said Harry.

«You said You-Know-Who's name!» said Ron, sounding both shocked and impressed. «I'd have thought you, of all people —»

«I'm not trying to be brave or anything, saying the name,» said Harry, «I just never knew you shouldn't. See what I mean? I've got loads to learn. . . . I bet,» he added, voicing for the first time something that had been worrying him a lot lately, «I bet I'm the worst in the class» » [Rowling 2004, p. 100].

В данном примере мы наблюдаем разговор Гарри Поттера и Рона Уизли. Действие происходит в момент знакомства ребят, они разговаривают о предстоящей учебе в Хогвартсе. Гарри в очередной раз без какого-либо чувства страха говорит о злом волшебнике Волан-де-Морте, хотя все боятся произносить вслух его имя. В то же время он высказывает опасения, связанные с его учебой в классе. Это противоречит стереотипному мнению о самоуверенности и независимости мальчиков. Мы также видим, что для выражения собственных мыслей мальчики в своем диалоге пользуются конструкциями активного залога.

2. « «You drink that,» said Harry. «No, listen, get back and get Ron. Grab brooms from the flying-key room, they'll get you out of the trapdoor and past Fluffy — go straight to the owlery and send Hedwig to Dumbledore, we need him. I might be able to hold Snape off for a while, but I'm no match for him, really» » [Rowling 2004, p. 286].

В данном примере Гарри обращается к Гермионе с просьбой отправиться в тайную комнату. С одной стороны, он просит ее помочь найти профессора Дамблдора, который может разрешить сложившуюся ситуацию, а с другой – пы-

тается отгородить девочку от возможных неприятных ситуаций, жертвуя собой. В этом примере, в отличие от предыдущего, можно заметить, что поведение мальчика полностью соответствует представлениям о поведении представителей мужского пола (смелость, храбрость, самопожертвование): он предстает перед Гермионой защитником.

К тому же снова протяжённое речевое высказывание мальчика полностью передается с помощью императива и активного залога, подтверждая предположение об активности мужского пола.

Так же, как и мальчики, девочки часто выражали свои действия посредством активного залога.

3. « «Are you sure that's a real spell?» said the girl. «Well, it's not very good, is it? I've tried a few simple spells just for practice and it's all worked for me. Nobody in my family's magic at all, it was ever such a surprise when I got my letter, but I was ever so pleased, of course, I mean, it's the very best school of witchcraft there is, I've heard — I've learned all our course books by heart, of course, I just hope it will be enough — I'm Hermione Granger, by the way, who are you?»

She said all this very fast» [Rowling 2004, p. 105–106].

В этом примере Гермиона рассказывает о себе и своей семье, а самое главное – о подготовке к учебе: «Я уже выучила наизусть все наши учебники — надеюсь, что этого будет достаточно для того, чтобы учиться лучше всех». В очередной раз здесь демонстрируется образ «девочки-всезнайки». Гермиона боится не оправдать собственных надежд, она не может чего-то не знать, ее цель – знать всё и обо всех. Долгая речь Гермионы полностью передана с помощью конструкции активного залога, а манера ее изложения («very fast») говорит о том, что все ее слова взвешены и обдуманны.

4. « «I d-didn't know,» sobbed Ginny. «I found it inside one of the books Mum got me. I th-thought someone had just left it in there and forgotten about it —» [Rowling 2013, p. 330].

В данном примере сестра Рона Джинни оправдывается перед братом за свой проступок (она была заколдована Волан де Мортаем). Девочка явно пережи-

вает и боится выглядеть виноватой. Представляется, что было бы более уместным передать свои переживания с помощью пассивного залога, который бы подчеркнул невиновность и случайность произошедшего, но ее речь строится с помощью активного залога.

Что касается пассивного залога, то при рассмотрении этой категории мы наблюдали следующую картину. Представители мужского и женского пола употребляли пассивные конструкции гораздо реже, в сравнении с активными.

5. « «Would you mind moving out of the way?» came Malfoy's cold drawl from behind them. «Are you trying to earn some extra money, Weasley? Hoping to be game-keeper yourself when you leave Hogwarts, I suppose — that hut of Hagrid's must seem like a palace compared to what your family's used to.»

Ron dived at Malfoy just as Snape came up the stairs.

“WEASLEY!

Ron let go of the front of Malfoy's robes.

«He was provoked, Professor Snape,» said Harry Potter... «Malfoy was insulting his family» » [Rowling 2004, p. 330].

В данном примере Гарри Поттер оправдывает гневную реакцию Рона на провокационные слова Малфоя. Он защищает своего друга. Стоит обратить внимание на то, что Поттер имеет смелость возразить профессору Снейпу, взрослому человеку. Таким образом, можно сказать, что пассивный залог, с помощью которого Поттер возражает преподавателю, в данном случае совершенно не свидетельствует о безучастной и инерционной позиции мальчика.

Следующий пример интересен с точки зрения распределения социальных ролей в процессе коммуникации.

6. « «Stay there!» she said...

«I never thought to look in here!» she whispered excitedly. «I got this out of the library weeks ago for a bit of light reading.»

«Light?» said Ron, but Hermione told him to be quiet until she'd looked something up...

«I knew it! I knew it!»

«Are we allowed to speak yet?» said Ron grumpily. Hermione ignored him.

«Nicolas Flamel,» she whispered dramatically, «is the only known maker of the Sorcerer's Stone!» » [Rowling 2004, p. 219].

В данном примере Гермиона догадалась о происхождении загадочного владельца философского камня Николаса Флеминга. Ее догадки в очередной раз небезосновательны, так как она читала об этом в учебной литературе. Именно девочка выступает активным деятелем в этой ситуации. Это подтверждают и слова Рона, который спрашивает разрешения говорить («Are we allowed...»). Здесь можно отметить более активную позицию представителя женского пола по сравнению с мужским, что подчеркивается употреблением конкретной пассивной конструкции. Интересен выбор наречия, описывающего реплику Рона: «grumpily – сварливо», – это говорит о том, что он неохотно подчиняется требованием девочки.

Что касается представителей женского пола, то в их речи конструкции пассивного залога встречаются чаще, чем у представителей мужского пола.

7. Harry grabbed his broom.

« «No!» shouted Hermione Granger. «Madam Hooch told us not to move — we could be got into trouble because of you» » [Rowling 2004, c. 148].

В данном примере Гермиона пытается удержать Гарри от попытки нарушить приказ учителя, объясняя это тем, что потом у них могут возникнуть из-за него неприятности. Можно сказать, она переживает за последствия и боится попасть в число нарушителей. Таким образом, наблюдается подтверждение стереотипного мнения о том, что девочки менее решительны, чаще проявляют трусость или осторожность, а самое главное – переживают за подрыв доверия перед взрослыми.

Возвращаясь к вышесказанному, снова заметим, что пассивные конструкции не так часто встречались в речи детей от первого лица. Представляется интересным тот факт, что конструкции пассивного залога часто встречались по отношению к представителям мужского пола со стороны взрослых, чего нельзя сказать о представителях женского пола.

8. «Every year, Harry was left behind with Mrs. Figg, a mad old lady who lived two streets away. Harry hated it there. The whole house smelled of cabbage and Mrs. Figg made him look at photographs of all the cats she'd ever owned» [Rowling 2004, p. 22].

В этом примере описывается отношение семьи Дурслей (дяди и тети Гарри) к нему. Его всегда отсылали к соседке, старой сварливой женщине, в то время как они сами отправлялись отдыхать. Можно сказать, что наблюдается желание родственников мальчика оградить его от общения с людьми, поскольку они считают его непослушным и невоспитанным ребёнком.

9. «The escape of the Brazilian boa constrictor earned Harry his longest ever punishment. By the time he was allowed out of his cupboard again...» [Rowling 2004, p. 31].

Однажды, посетив с семьей своих родственников зоопарк, Гарри, сам того не понимая, выпустил опасного удава из террариума, за что надолго был наказан. Ему не позволяли выйти из своей комнаты – кладовой, которая находится под лестницей.

Таких примеров, в которых действия мальчиков ограничиваются взрослыми людьми и которые описываются с помощью пассивного залога, встречается большое количество. На наш взгляд, это говорит о намерении автора показать чрезмерную активность мальчиков, которая систематически пресекается взрослыми людьми.

Таким образом, можно сказать, что мы не увидели превалирования в употреблении конструкций активного залога ни представителями мужского, ни женского пола, хотя некоторый перевес в сторону представителей мужского пола наблюдается. Что касается пассивного залога, то можно отметить явное преобладание пассивных конструкций в речи представителей женского пола. Это свидетельствует о том, что их жизненная позиция менее активна, по сравнению с представителями мужского пола. Активность мужского пола также подтверждается употреблением пассивных конструкций по отношению к ним с целью умерить их энергию и инициативность.

Таблица 4

Гендерная составляющая грамматической категории «залог» в детской речи (на материале художественных текстов из произведений Джоан Роулинг о Гарри Поттере)

Залог	Мальчики (100 %)	Девочки (100 %)
Активный	92,3 %	36,2 %
Пассивный	7,7 %	63,8 %

(процентное соотношение употребления активного и пассивного залога мальчиками и девочками, в отдельности)

Залог	Мальчики	Девочки
Активный (100 %)	56,8 %	43,2 %
Пассивный (100 %)	15,9 %	86,1 %

(процентное соотношение употребления активного и пассивного залога мальчиками и девочками).

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Вторая глава посвящена анализу взаимосвязи гендера и ряда грамматических категорий. Подобных исследований речи ранее не проводилось. В результате анализа материала исследования были сделаны следующие выводы:

- анализ взаимодействия грамматической категории *модальность* (проанализировано 500 случаев употребления модальных глаголов) и гендера показал, что мальчики чаще используют глаголы долженствования и уверенности в их основном значении (*must, have to, can't*) (проанализировано 150 случаев употребления модальных глаголов долженствования; в речи мальчиков – 108, что составляет 72 %), а девочки – модальные глаголы, передающие значения «возможности» и «вероятности» (*may, might, could, would*) (проанализировано 150 случаев употребления модальных глаголов вероятности; в речи девочек – 117, что составляет 78 %). Таким образом, выдвинутая гипотеза подтвердилась;

- при рассмотрении грамматической категории наклонения (проанализировано 450 случаев употребления) отмечено следующее: не наблюдается значительных различий в употреблении конструкций изъявительного наклонения представителями мужского и женского пола (проанализировано 150 случаев употребления; в речи мальчиков – 77 / 51,3 %, в речи девочек – 73, что составляет 48,6 %). Повелительное наклонение гораздо чаще в своей речи употребляют мальчики (проанализировано 150 случаев употребления; в речи мальчиков – 98 / 65,3 %, в речи девочек – 52, что составляет 34,6 %); конструкции в сослагательном наклонении используются практически в равной мере как девочками, так и мальчиками (проанализировано 150 случаев употребления, в речи мальчиков – 71 / 47 %, в речи девочек – 79, что составляет 52,6 %). Выдвинутое предположение подтвердилось;

- анализ аспекта глагольной транзитивности показал полное подтверждение выдвинутой нами идеи (проанализировано 500 случаев употребления). Представители мужского пола «чаще употребляют переходные глаголы, являясь активными деятелями и желая оказать воздействие на собеседника (проанализиро-

вано 250 случаев употребления; в речи мальчиков – 167 / 66,8 %, в речи девочек – 83, что составляет 33,2 %). Представители женского пола чаще употребляют в своей речи непереходные глаголы, выступая в роли реципиента (проанализировано 250 случаев употребления; в речи мальчиков – 115 / 46 %, в речи девочек – 135, что составляет 54 %)» [Четверикова 2017, с. 335–337];

- в процессе рассмотрения грамматической категории залога (проанализировано 300 случаев употребления) было установлено, что конструкции активного залога употребляются практически в равной мере как мальчиками, так и девочками (проанализировано 150 случаев употребления; в речи мальчиков – 79 / 52,6 %, в речи девочек – 71, что составляет 47,3 %). Пассивный залог чаще встречается в речи представителей женского пола в сравнении с мужским. Таким образом, выдвинутая гипотеза подтвердилась частично (проанализировано 250 случаев употребления; в речи мальчиков – 61 / 40,6 %, в речи девочек – 89, что составляет 59,3 %).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерес ученых в настоящее время вызывает идея взаимодействия гендера и языка. С одной стороны, это взаимодействие признается универсальным. С другой стороны, нельзя забывать о том, что оно имеет и национальную специфику. Отмечается также разная степень изученности каждой сферы взаимодействия; при этом можно заметить неизученность проблемы взаимодействия гендера и различных грамматических явлений.

Отметим также, что под влиянием кросс-культурных, социальных и иных факторов меняется содержание понятий маскулинности и феминности.

Также малоизученным с точки зрения выявления гендерных особенностей представляется речь детей дошкольного возраста и период развития младших школьников. Вместе с тем первичная гендерная идентичность устанавливается к концу дошкольного возраста, что признается многими отечественными (Д. Н. Исаев, В. Е. Каган, Д. В. Колесов, И. С. Кон и др.) и зарубежными лингвистами (Ш. Берн, Л. Кольберг, С. Томпсон и др.). Интерес к изучению воздействий на систему гендерной идентичности ребенка, способствующих принятию им своей социальной принадлежности по признаку пола, усиливается с появлением онтолингвистики в начале XXI века.

В нашей работе была предпринята попытка изучить специфику взаимодействия гендера и грамматических категорий модальности, наклонения, транзитивности и залога. Методом сплошной выборки нами были отобраны примеры, содержащие соответствующие грамматические явления, и впоследствии проведено исследование на установление превалирующих видов внутри каждой категории в количественном отношении.

Проведенный анализ взаимодействия грамматической категории *модальность* (проанализировано 500 случаев употребления модальных глаголов) и гендера показал, что мальчики чаще используют глаголы долженствования и уверенности в их основном значении (*must, have to, can't*) (проанализировано 150 случаев употребления модальных глаголов долженствования; в речи мальчиков – 108,

что составляет 72 %) , а девочки, модальные глаголы передающие значения «возможности» и «вероятности» (may, might, could, would) (проанализировано 150 случаев употребления модальных глаголов вероятности; в речи девочек – 117, что составляет 78 %).

Далее была рассмотрена грамматическая категория наклонения. Было высказано предположение о том, что в речи мальчиков чаще встречаются формы повелительного наклонения, выражающие приказ, запрет, с целью выражения значения волеизъявления. В речи девочек преобладают конструкции в сослагательном наклонении, подчеркивающие неуверенность в намерениях говорящего. Что касается изъявительного наклонения, то мы предполагали, что различие в его употреблении у представителей обоих полов не будет ярко выраженным.

В ходе исследования выдвинутые нами гипотезы нашли подтверждение. Относительно изъявительного наклонения мы можем указать на равноправность в употреблении его конструкций (проанализировано 150 случаев употребления; в речи мальчиков – 77 / 51,3 %, в речи девочек – 73, что составляет 48,6 %). Подтвердилась наша гипотеза об употреблении повелительного наклонения. Прослеживается стремление к доминированию мужского пола над женским, что выражается с помощью императива. Хотя стоит отметить также частые случаи употребления повелительного наклонения девочками, но характер их высказываний не столь категоричен (проанализировано 150 случаев употребления; в речи мальчиков – 98 / 65,3 %, в речи девочек – 52, что составляет 34,6 %).

Что касается сослагательного наклонения, то наши предположения не подтвердились, поскольку конструкции в данном наклонении используются практически в равной мере как девочками, так и мальчиками. Это можно объяснить тем, что гендер далеко не всегда является определяющим фактором.

Затем был рассмотрен аспект глагольной транзитивности. Было высказано предположение о том, что чаще переходные глаголы в речи употребляют представители мужского пола, и, наоборот, непереходные – представители женского пола.

Выдвинутая гипотеза подтверждается. Мальчики чаще выступают в роли активных деятелей, употребляя переходные глаголы, воздействуя на собеседника; от них исходит то или иное действие (проанализировано 250 случаев употребления; в речи мальчиков – 167 / 66,8 %, в речи девочек – 83, что составляет 33,2 %). Что касается представителей женского пола, то с ними чаще ассоциируются переходные глаголы; лица женского пола выступают в роли реципиентов, на них направлено действие говорящего персонажа мужского пола (проанализировано 250 случаев употребления; в речи мальчиков – 115 / 46 %, в речи девочек – 135, что составляет 54 %).

При рассмотрении вопроса о взаимодействии грамматической категории залога и гендера мы предположили, что мальчики чаще пользуются глаголами в активном залоге, девочки – в пассивном, объясняя это тем, что мужской пол считается более активным, а женский – пассивным (проанализировано 300 случаев употребления).

Выдвинутая гипотеза нашла частичное подтверждение. Рассматривая активный залог, мы отмечаем, что дети употребляют его конструкции практически в равной мере; это говорит о том, что активность проявляется как у мальчиков, так и у девочек (проанализировано 150 случаев употребления; в речи мальчиков – 79 / 52,6 %, в речи девочек – 71, что составляет 47,3 %).

Что касается пассивного залога, то явный перевес в употреблении его конструкций прослеживается у представителей женского пола; это может говорить о том, что мальчики проявляют большую активность, даже в детском возрасте (проанализировано 250 случаев употребления; в речи мальчиков – 61 / 40,6 %, в речи девочек – 89, что составляет 59,3 %).

Таким образом, опираясь на результаты проведенного нами лингвистического анализа, можно сказать, что гипотезы, выдвинутые в начале исследования, нашли подтверждение в изученном материале, что свидетельствует о взаимовлиянии гендера и различных сторон грамматического строя английского языка.

В заключение отметим, что вопрос о взаимодействии гендера и тех или иных аспектов грамматики современного английского языка нуждается в даль-

нейшем анализе. В частности, в качестве перспективы исследования можно говорить о необходимости изучения влияния гендера на предпочтительное использование тех или иных видо-временных форм английского глагола. Данная проблема может быть также изучена на материале других языков мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдуллаев, Р. Ф. Модальные частицы в речи мужчин и женщин [Текст] / Р. Ф. Абдуллаев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 9 / 10. – С. 161–166.
2. Абдуллаев, Р. Ф. Роль категории наклонения в формировании модальных значений (гендерный аспект) [Текст] / Р. Ф. Абдуллаев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. – 2015. – № 5. – С. 8–12.
3. Агеев, В. С. Межгрупповое взаимодействие : социально-психологические проблемы [Текст] / В. С. Агеев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 240 с.
4. Агеев, В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов [Текст] / Агеев В. С. // Вопросы психологии. – 1986. – № 1. – С. 10 – 20.
5. Агеев, В. С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов [Текст] / В. С. Агеев // Вопросы психологии. – 1987. – № 2. – С. 47–57.
6. Адамец П. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности [Текст] / П. Адамец // *Ceskoslovenska rusistika*. – Вып. XIII. – № 2 – Praha : Academia nakladatelstvi Ceskoslovenske akademie ved, 1968. – С 88 – 94.
7. Алексашина, М. В. Социологический анализ гендерной асимметрии в языке : дипломная работа [Текст] / Алексашина Марина Васильевна – Самара, 2008. – 109 с.
8. Аллахвердов, В. М. Сознание как парадокс : экспериментальная психология [Текст] / В. М. Аллахвердов – СПб. : Изд-во ДНК, 2000. – 517 с.
9. Англо-русский лингвострановедческий словарь «Американа–II» [Электронный ресурс] / под ред. д. ф. н., проф. Г. В. Чернова. М.,

2003. – Режим доступа : <http://www.Lingvo.ru> (дата обращения 18.03.2017).
10. Антинескул, О. Л. Гендер как параметр текстообразования [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.19 / Антинескул Ольга Леонидовна. – Пермь, 2000. – 257 с.
11. Антология концептов [Текст]. В 2 т. Т 1. / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма. – 2005. – 352 с.
12. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка : попытка системного описания [Текст] / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. В 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Языки русской культуры, 1995. – С. 348–388.
13. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
14. Асмолов, А. Г. Психология личности [Текст] : учебное пособие / А. Г. Асмолов. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 367 с.
15. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
16. Баженова, И. С. Экспрессия эмоций в контексте гендерных исследований [Текст] / И. С. Баженова // Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. Слово в тексте. – 2001. – Часть 4. – С. 99–104.
17. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. – М. : Изд. иностр. лит. – 1955. – 416 с.
18. Баллон, А. А. Психическое развитие ребенка [Текст] / А. А. Баллон. – М. : Академия педагогических наук СССР ; «Просвещение», 1967. – 194 с.

- 19.Белоглазова, Е. В. Лингвистические аспекты адресованности англоязычной детской литературы [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 04 / Белоглазова Елена Владимировна. – СПб., 2001. – 195 с.
- 20.Беляева, Е. И., Цейтлин, С. Н. Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности [Текст] / Л. И. Беляева, С. Н. Цейтлин // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1990. – С. 123–126.
- 21.Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
- 22.Бернгардт, О. В. Речь ребенка-билингва как предмет лексикографического описания (ситуация русско-немецкого двуязычия) [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 19 / Бернгардт Оксана Вячеславовна. – Ярославль, 2009. – 218 с.
- 23.Бабарыкина, Т. С. Концепт CHILD в произведения Дж. К. Роулинг [Текст] / Т. С. Бабарыкина // Studia Linguistica XXI. Антропоцентрическая лингвистика : проблемы и решения. – СПб. : Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. – 2012. – С. 55–61.
- 24.Богачёва, М. В. Специфика гендерной дифференциации языковых средств [Текст] / М. В. Богачёва // Вісник Дніпропетровського університету. – 2008. – Т. 16. – № 11. – С. 43–49.
- 25.Борискина, О. О. Теория языковой категоризации : национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса [Текст] / О. О. Борискина // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 2. – С. 115–117.
- 26.Брагина, Н. Г. Мифология стереотипа и обыденное знание [Текст] / Н. Г. Брагина // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре : Сб. статей. – М. : РГГУ, 2009. – С. 348–356.

27. Бревнова, Ю. С. Становление и развитие молодежного культа на основе литературного произведения : На примере серии книг Дж. К. Ролинг о Гарри Поттере [Текст] : дис. ... канд. культурологии : 24. 00. 01 / Бревнова Юлия Сергеевна. – Москва, 2005. – 155 с.
28. Бурич, И. Л. Философия современного естествознания [Текст] / И. Л. Бурич. – М. : Аспект, 2007. – 321 с.
29. Букина, Е. И. Гендерные стереотипы в языке и дискурсе [Текст] / Е. И. Букина // Ученые записки ЗабГГПУ. – 2013. – № 2 (49). – С. 61–65.
30. Буренина, Н. В. Психолингвистический аспект поведения мужчин и женщин во время интервью [Текст] / Н. В. Буренина // Материалы VI научной конференции молодых ученых / Морд. гос. ун-т. – Саранск : СВМО, 2001. – С. 101–105.
31. Буторина, Е. П. Стереотипы в описании черт характера при деловом общении [Текст] / Е. П. Буторина // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. – М. : РГГУ, 2009. – С. 378–394.
32. Вансяцкая, Е. А., Карташкова, Ф. И. Невербальные компоненты коммуникации в английском художественном тексте [Текст] / Е. А. Вансяцкая, Ф. И. Карташкова. – Иваново : Иванов. гос. ун-т, 2005. – 151 с.
33. Вансяцкая, Е. А. Эмоции в невербальном поведении детей. На материале англоязычных художественных текстов [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 04 / Вансяцкая Елена Александровна. – Иваново, 1999. – 161 с.
34. Васильева, Н. И. Фольклорные архетипы в современной массовой литературе: романы Дж. К. Роулинг и их интерпретация в молодежной субкультуре [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 01. 03, 10. 01. 09 / Васильева Наталья Игоревна. – Нижний Новгород, 2005. – 243 с.

35. Васильева, И. Б. Теоретические основы исследования гендера в языке [Текст] / И. Б. Васильева // Пелевинские чтения – 2007 : межвуз. сб. науч. тр. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 108 – 114.
36. Ваулина, С. С. Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования [Текст] / С. С. Ваулина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Вып. 8. Филологические науки. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. – С. 7 – 12.
37. Ваулина, С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.) [Текст] / С. С. Ваулина ; Калинингр. гос. ун-т. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. – 140 с.
38. Вахтин, Н. Б., Головкин, Е. В. Социолингвистика и социология языка [Текст] : учебное пособие / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия» ; Изд-во Европейского университета в Санкт Петербурге, 2004. – 336 с.
39. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
40. Виноградов, В. В. Исследования по русской грамматике [Текст] Избранные труды / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – 559 с.
41. Витт, Н. В. Эмоциональная регуляция речевого поведения при общении [Текст] / Н. В. Витт. – М. : Издательство МГПИИЯ им. М. Тореза, 1983. – 231 с.
42. Витт, Н. В. Личностно-эмоциональная опосредованность выражения эмоций [Текст] / Н. В. Витт // Вопросы психологии. – 1991. – №1. – С. 95–107.
43. Воинова, В. В. Реализация категории эмотивности в англоязычной детской литературе [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 04 / Воинова Виктория Владимировна. – СПб., 2006. – 230 с.

44. Войченко, В. М. Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре [Текст] / В. М. Войченко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета. – 2009. – С. 64–70.
45. Выготский, Л. С. Психология искусства [Текст] / общ. ред. В. В. Иванова ; коммент. Л. С. Выготского и В. В. Иванова ; вступит. ст. А. Н. Леонтьева. – 3-е изд. / Л. С. Выготский. – М. : Искусство, 1986. – 573 с.
46. Ганина, В. В. Невербальные компоненты коммуникации, отражающие эмоциональные реакции человека : гендерный аспект (на материале английских художественных текстов) [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 04, 10. 02. 19 / Ганина Вера Владимировна. – Иваново, 2005. – 199 с.
47. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе : опыт комплексного социологического исследования [Текст] / под ред. Н. М. Римашевской. – М. : ИЭП РАН, Наука, 2009. – 273 с.
48. Гиймен, А. Мой друг Гарри Поттер [Текст] / А. Гиймен. – М. : Астрель АСТ, 2003. – 319 с.
49. Городникова, М. Д. Гендер в коммуникативной интеракции [Текст] / М. Д. Городникова // Гендер : язык, культура, коммуникация : доклады Второй международной конференции. – М. : Рудомино, 2002. – С. 70–76.
50. Горошко, Е. И. Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ) [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 19 / Горошко Елена Игоревна. – М., 1996. – 179 с.
51. Горошко, Е. И. Пол, гендер, язык [Текст] // Женщина. Гендер. Культура / Е. И. Горошко. – М. : МЦГИ, 1999. – 368 с.
52. Горошко, Е. И. Особенности мужских и женских вербальных ассоциаций (Опыт качественной интерпретации) [Текст] / Е. И. Горошко

- // Гендер : язык, культура, коммуникация : доклады 2 между-
нар. конф. – М., 2002. – С. 77–86.
53. Горошко, Е. И. Языковое сознание : гендерная парадигма [Текст] :
монография / Е. И. Горошко. М. – Харьков : Издательский дом
«ИНЖЕК», 2003. – 440 с.
54. Григорян, А. А. Гендерные лингвистические исследования в США
(70-80-ые годы XX века) [Текст] / А. А. Григорян // Социальная
власть языка : сб. научн. тр. – Воронеж, 2001. – С. 96–101.
55. Григорян, А. А. О лимитирующей функции гендера в сфере частей
речи [Текст] / А. А. Григорян // Вестник ИвГУ. – Вып. 1. – Иваново,
2002. – С. 91–99.
56. Григорян, А. А. Гендерная маркированность имен существительных
в современном английском языке [Текст] / А. А. Григорян // Гендер :
язык, культура, коммуникация : доклады второй международной
конференции. – М., 2002. – С. 88–91.
57. Григорян, А. А. Состояние и перспективы гендерной лингвистики на
Западе в конце XX – начале XXI веков [Текст] : дис. ... д-ра фи-
лол. наук : 10. 02. 19 / Григорян Ашот Арамович. – Иваново, 2005. –
372 с.
58. Григорян, А. А. К вопросу о гендерной маркированности англий-
ского языка [Текст] / А. А. Григорян // Женщина в российском обще-
стве. – 2014. – № 1. – С. 81–86.
59. Григорян, А. А. Основные вопросы гендерной лингвистики конца
XX века [Текст] / А. А. Григорян // Лингвистические вызовы XXI ве-
ка : материалы всероссийской научной конференции. Иваново, 3
февраля 2017 г. / отв. редакторы : О. М. Карпова, К. Я. Авербух. –
М. : Азбуковник, 2017. – С. 196–202.
60. Григорян, А. А., Григорян, А. Ю., Четверикова, В. Н. О политкор-
ректности и сексизме в современном английском языке [Текст] /
А. А. Григорян, А. Ю. Григорян, В. Н. Четверикова // Коммуникатив-

- ное поведение человека. Вербальные и невербальные составляющие. – Иваново : Листос, 2017. – С. 36–43.
61. Гриценко, Е. С. Язык как средство конструирования гендера [Текст] : дис. ... д-ра. фил. наук : 10.02.19 / Гриценко Елена Сергеевна. – Нижний Новгород, 2005 – 405 с.
62. Гриценко, Е. С. Гендерные аспекты позиционирования читателя в предвыборном дискурсе [Текст] / Е. С. Гриценко // Филологические науки. – 2005(в). – № 4. – С. 70–76.
63. Гриценко, Е. С. Метафора и гендер в концептуализации выборов [Текст] / Е. С. Гриценко // Актуальные проблемы коммуникации и культуры : сб. науч. тр. российских и зарубежных ученых. – Москва ; Пятигорск : Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2005. – Вып. 2. – С. 193–197.
64. Гриценко, Е. С. Типология асимметричных отношений в гендерной категоризации [Текст] / Е. С. Гриценко // Вестник Нижегородского государственного лингвистического ун-та им. Н. А. Добролюбова. – Выпуск 1. – Н. Новгород : НГЛУ, 2005. – С. 62–70.
65. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.
66. Гумбольдт, В. фон Язык и философия культуры [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 452 с.
67. Гурко, Т. А. Социология пола и гендерных отношений [Текст] / Т. А. Гурко // Социология в России / отв. ред. В. А. Ядов. – М. : Институт социологии РАН, 1998. – С. 173–195.
68. Денисова, А. А. Словарь гендерных терминов [Текст] / под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М. : Информация XXI век, 2002. – 256 с.
69. Добровольский, Д. О., Кирилина, А. В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности [Текст] /

- Д. О. Добровольский, А. В. Кирилина // Гендер как интрига познания. – М., 2000. – С. 19–35.
70. Емельянова, О. В., Зеленщиков, А. В. A New University English Grammar = Грамматика современного английского языка [Текст] : учебник для высших учебных заведений / О. В. Емельянова, А. В. Зеленщиков – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Академия, 2003. – 640 с.
71. Ерёмкина А. А. Гендерные особенности перевода романа Джоан Роулинг «Harry Potter and the Philosopher`s Stone» на русский язык» [Электронный ресурс] / А. А. Ерёмкина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2 (4). – С. 161–166. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/gendernye-osobennosti-perevoda-romana-dzhoan-rouling-harry-potter-and-the-philosophers-stone-na-russkiy-yazyk> (дата обращения : 12. 03. 2017).
72. Жельвис, В. И. Поле брани : сквернословие как социальная проблема [Текст] / В. И. Жельвис. – М. : Ладомир, 1997. – 330 с.
73. Жигайкова, Е. А. Английская женская речь [Текст] : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 04 / Жигайкова Екатерина Александровна. – М., 2004. – 20 с.
74. Заблоцкая, В. С., Сорокина, Н. Е. Гендерные стереотипы [Текст] / В. С. Заблоцкая, Н. Е. Сорокина // Юный ученый. – 2016. – № 6. – С. 122–125.
75. Залесская, М. К. Феномен Гарри Поттера, или разоблачение черной магии [Текст] / М. К. Залесская. – М. : Вече, 2007. – 288 с.
76. Зелинский, С. А. Манипуляции массами и психоанализ. Манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методик / С. А. Зелинский. – СПб. : СКИФИЯ, 2008. – 248 с.

77. Земская, Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи [Текст] // Русский язык в его функционировании / под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. – М., 1993. – 139 с.
78. Зиновьева, Е. С. Языковые механизмы конструирования маскулинности и феминности в дискурсе глянцевого журнала (на материале английского и русского языков) [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 19 / Зиновьева Елена Сергеевна. – Ярославль, 2018. – 235 с.
79. Зубкова, Т. И. Преимущества когнитивного подхода в исследовании процесса становления речи и формирования языковой способности / Т. И. Зубкова [Текст] // Онтолингвистика – наука XXI века : материалы международной конференции, посвящённой 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. А. И. Герцена (СПб.). – СПб. : 2011. – С. 54–59.
80. Иванова, И. П., Бурлакова, В. В., Почепцов, Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка [Текст] : учебное пособие / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М. : Высшая школа, 1981. – 278 с.
81. Ильин, Е. П. Пол и гендер [Текст] / И. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2010. – 688 с.
82. Кабалевская, А. И. Представления о гендерных стереотипах в современной социальной психологии [Электронный ресурс] // Психологические исследования : электрон. науч. Журнал. – 2012. – No. 2(22), 4. Режим доступа : <http://psystudy.ru.0421200116/0016> (дата обращения : 10. 04. 17).
83. Кавинкина, И. Н. Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка [Электронный ресурс] / И. Н. Кавинкина. – Режим доступа : https://ebooks.grsu.by/kavinkina_gender/ (дата обращения 10. 02. 2016).
84. Кавинкина, И. Н. Психоллингвистика [Текст] : учебное пособие / И. Н. Кавинкина. – Гродно : ГрГУ, 2010. – 284 с.

85. Каменская, О. Л. Текст и коммуникации [Текст] : учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / О. Л. Каменская – М. : Высшая школа, 1990. – 152 с.
86. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования [Текст] / В. И. Карасик // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. – С. 75–80.
87. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
88. Карасик, В. И. Категориальные признаки в значении слова [Текст] : учеб. пособие / В. И. Карасик. – М. : МОПИ. 1988. – 112 с.
89. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс [Текст] : монография / В. И. Карасик. – 2-е изд. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
90. Карасик, В. И. Категориальные признаки : определение, типология, моделирование [Текст] / В. И. Карасик // Ментальность и язык : кол. моногр. – Кемерово : КемГУ. – 2006. – С. 76–103.
91. Карасик, В. И. Концепт как категория лингвокультурологии [Текст] / В. И. Карасик // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та : Серия Филологические науки. – 2002а. – № 1. – С. 14–23.
92. Каркищенко, Е.А. Гендерные стереотипы: дискурсные средства формирования и репрезентации в коммуникативном поведении подростков [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 19 / Каркищенко Елизавета Александровна. – М., 2013. – 272 с.
93. Карпова, О. М., Уткина, Н. С. Английская авторская лексикография : от Шекспира к Гарри Поттеру [Текст] / О. М. Карпова, Н. С. Уткина ; М-во образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Ивановский гос. ун-т». – Иваново, 2013. – 105 с.
94. Кауфова, Л. А. О грамматической категории залога в английском языке [Электронный ресурс] / Л. А. Кауфова. – Режим доступа :

https://www.pglu.ru/upload/iblock/11f/uch_2010_ii_00036.pdf (дата обращения : 20. 04. 2018).

95. Кесслер, Л.А. Средства актуализации гендерного аспекта в немецкоязычных текстах воспоминаний XIX - начала XX вв. [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 04 / Кесслер Любовь Андреевна. – Калининград, 2018. – 208 с.
96. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе [Текст] : дис. ... д-ра фил. наук : 10. 02. 19 / Андрей Александрович Кибрик. – М., 2003. – 90с.
97. Кирилина, А. В. Женский голос в русской паремиологии [Текст] / А. В. Кирилина // Женщина в российском обществе. – 1997. – № 3. – С. 23–26.
98. Кирилина, А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике [Текст] / А. В. Кирилина // Филологические науки. – 1998. – № 2. – С. 51–58.
99. Кирилина, А. В. Гендер : лингвистические аспекты [Текст] / А. В. Кирилина. – М. : Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.
100. Кирилина, А. В., Томская, М. В. Лингвистические гендерные исследования [Текст] / А. В. Кирилина, М. В. Томская // Отечественные записки. – М. . – 2005. – № 2 (23). – С. 3.
101. Кирилина, А. В. Гендер. Лингвистические аспекты [Текст] / А. В. Кирилина – М. : Изд-во Институт социологии РАН, 2000. – 155 с.
102. Кирилина, А. В. Гендерные исследования в отечественной лингвистике : проблемы, связанные с бурным развитием [Текст] / А. В. Кирилина // Гендер : язык, культура, коммуникация : докл. Второй международной конф. Москва 22 – 23 ноября 2001. – М., 2002. – С. 5–14.

103. Кирина, О.В. Гендерная специфика недосказа: когнитивно-дискурсивный аспект [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 19 / Кирина Ольга Викторовна. – Тамбов, 2018. – 160 с.
104. Козлова, С. А., Куликова Т. А. Дошкольная педагогика [Текст] : учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / С. А. Козлова, Т. А. Куликова. – М., 2001. – 416 с.
105. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов [Текст] / Н. Г. Комлев. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 669 с.
106. Коул, М., Скрибнер, С. Культура и мышление : психологический очерк [Текст] / М. Коул, С. Скрибнер. – М. : Прогресс, 1977. – 264 с.
107. Кранышева, Ю. А. Проблема индивидуального стиля переводчика (на материале сопоставительного анализа переводов романа «Гарри Поттер и философский камень» Дж. К. Роулинг) [Текст] / Ю. А. Кранышева // Вестник Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова. – 2015. – С. 48–55.
108. Краснова, О. В. Стереотипы и аттитюды к пожилым людям : опыт соц. -психол. исслед [Текст] / О. В. Краснова. – М. : Прометей, 2004. – 303 с.
109. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации [Текст] : курс лекций / В. В. Красных. – М., 2001. – С. 200–201.
110. Крейдлин, Г. Е. Национальное и универсальное в семантике жеста [Текст] / Г. Е. Крейдлин // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке; Ин-т языкознания РАН / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левотина. – М., 1999. – С. 170–185.
111. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика : Язык тела и естественный язык [Текст] / Г. Е. Крейдлин. – М. : НЛЮ. – 2002. – 582 с.
112. Крючкова, Т. Б. Некоторые исследования особенностей использования русского языка мужчинами и женщинами [Текст] /

- Т. Б. Крючкова // Проблемы психолингвистики. – М., 1975. – С. 186–199.
113. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. 4-е изд., стереотип. (2-е изд., доп. [Текст] / Л. П. Крысин. – М., – 2002. – 856 с.
114. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма : лингвистика – психология – когнитивная наука [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 1994. – № 4. – С. 34–47.
115. Кубрякова, Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус [Текст] / Е. С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1994. – Т. 53. – № 2. – С. 3–15.
116. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века [Текст] / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М. : Языки русской культуры, 1995. – С. 144 – 238.
117. Кубрякова, Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 520 с.
118. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [Текст] / под. общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
119. Кузнецова А. А., Смирнова Е. А. Способы и стратегии перевода авторских окказионализмов на примере Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и Дары Смерти» [Текст] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 3(21) : в 2-х ч. Ч. II. – С. 196–199.

120. Кукс, И. Ю. Категория модальности в речевой коммуникации [Текст]: сборник научных трудов / И. Ю. Кукс. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. – 249 с.
121. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387 – 415.
122. Лакофф, Дж. Женщина, огонь и опасные предметы: что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф / пер. с англ. И. Б. Шатуговского. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
123. Левко, Е. Н. Динамика волшебного мира Дж. К. Роулинг [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 04 / Левко Екатерина Николаевна. – СПб, 2010. – 189 с.
124. Липпман, У. Общественное мнение [Текст] / У. Липпман ; пер. с англ. Т. В. Барчуновой. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
125. Лисенкова, О. А. Синтаксическая транспозиция в мужской и женской аффективной речи (на материале англ. яз.) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 04 / Лисенкова Ольга Александровна. – Нижний Новгород, 2007. – 28 с.
126. Лурия, А. Р. Язык и сознание [Текст] / А. Р. Лурия. – М. : Изд-во Московского университета, 1998. – 336 с.
127. Лушникова, В. В. К вопросу о дефиниции модальности [Текст] / В. В. Лушникова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием (8 февраля 2013 г.). Ч. 1. – Екатеринбург : УрФУ, 2013. – С. 27–33.
128. Маали, Шади А.А. Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов русской лингвокультуры в рекламе [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 01 / Маали Шади А.А. – Тула, 2016. – 189 с.

129. Макарова, В. Н. Подготовка педагогов к речевому и лингвистическому развитию детей дошкольного возраста в системе непрерывного профессионального образования : теоретико-методологическое обоснование концепции [Текст] : дис. ... докт. пед. наук : 13. 00. 08 / Макарова Валентина Николаевна. – Орёл, 2010. – 398 с.
130. Макарова, В. Н. Формирование готовности студентов к работе по развитию речи детей дошкольного возраста [Текст] : дис. ... канд. пед. наук : 13. 00. 08 / Макарова Валентина Николаевна. – Москва, 1996. – 195 с.
131. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
132. Меренков, А. В. Социология стереотипов [Текст] / А. В. Меренков – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 161 с.
133. Методы изучения ребенка [Текст] / под ред. Н. А. Рыбникова. – Орел, 1923. – 144 с.
134. Мигранова, И.Х. Исследование гендерных особенностей восприятия текста: на материале научной литературы [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 19 / Мигранова Ирина Хамзиевна. – Уфа, 2017. – 189 с.
135. Мурашова, Л.П. Концептуально-фреймовое конструирование женской идентичности в английском языке [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 04 / Мурашова Людмила Павловна. – Пятигорск, 2018. – 189 с.
136. Нэпп М., Холл Дж. Невербальное общение [Текст] / М. Нэпп, Дж. Холл. – СПб., 2004. – 512 с.
137. Павлова, А.К. Особенности просодического оформления речи современных женщин с высоким профессиональным статусом: на материале британских интервью [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.04 / Павлова Александра Константиновна. – М., 2017. – 169 с.

138. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке . Семантика нарратива) [Текст] / Е. В. Падучева. – М., 1996. – 299 с.
139. Падучева, Е. В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики [Электронный ресурс] / Е. В. Падучева. На правах рукописи. – Режим доступа : <http://rusgram.ru>. – М., 2016 (дата обращения : 01. 05. 2018).
140. Панфилов, В. З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения [Текст] / В. З. Панфилов // Вопросы языкознания. – №4. – 1977. – С. 94–98.
141. Петровский, Б. В. Большая медицинская энциклопедия / гл. ред. Б. В. Петровский. – М. : Советская энциклопедия, 1976. – Т.4. – 576 с.
142. Перехвальская, Е. В. Гендер и грамматика [Текст] / Е. В. Перехвальская // Материалы международной научной конференции «Язык – гендер – традиция», 25–27 апреля 2002 г. – СПб, 2002. – С. 110–118.
143. Пиаже, Ж. Речь и мышление ребенка [Текст] / сост., новая ред., пер. с фр., коммент. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 526 с.
144. Пирогова, Л. И. Русский глагол. Грамматический словарь-справочник [Текст] / Л. И. Пирогова – М. : Школа-Пресс, 1999. – 512 с.
145. Полевая, И. В. Речевые гендерные стереотипы и их реализация в российском аналитическом телевизионном дискурсе [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 19 / Полевая Ирина Владимировна. – Иваново ; Москва, 2014. – 195 с.
146. Попова, Л. В. Гендерная социализация в детстве [Текст] / Л. В. Попова // Гендерным подход в дошкольной педагогике: теория

- и практика / под ред. Л. В. Штилевой. В 2 ч. Ч. 1. – Мурманск, 2001. – С. 44–45.
147. Потапов, В. В. Язык женщин и мужчин : фонетическая дифференциация [Текст] / В. В. Потапов // Известия АН. Серия литературы и языка. – Т. 56. – № 3. – М., 1997. – С. 52–62.
148. Проблемы онтолингвистики – 2016 [Текст] : материалы ежегодной международной научной конференции. 23–26 марта 2016, Санкт-Петербург / РГПУ им. А. И. Герцена, кафедра языкового и литературного образования ребенка, лаборатория детской речи ; редкол.: Т. А. Круглякова, М. А. Еливанова. — Иваново : ЛИСТОС, 2016. — 532 с.
149. Пронякина, М. В. Гендерные особенности англоязычного текста журнального интервью [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 04 / Пронякина Маргарита Владимировна. – Орехово-Зуево, 2016. – 168.
150. Просунцова, Н. П. Гендерные стереотипы в речи персонажей русских художественных фильмов [Текст] / Н. П. Просунцова // Вестник МГЛУ. – Выпуск 1 (580). – 2010. – С. 132–142.
151. Психология [Текст] / под ред. А.А. Крылова. – М. : Проспект. – 2005. – 300 с.
152. Пушкарёва, Н. Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье [Текст] / Н. Н. Пушкарёва // Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем / отв. ред. И. М. Семашко. – М. : ИЭА РАН, 2003. – С. 4–25.
153. Пушкарёва, Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук [Текст] / Н. Н. Пушкарёва // Женщина. Гендер. Культура. – М., 1999. – С. 76–86.
154. Пушкарёва, Н. Л. Гендерная лингвистика и исторические науки [Текст] / Н. Л. Пушкарёва // Этнографическое обозрение. – № 2. – 2001. – С. 31–40.

155. Репина, Т. А. Анализ теорий полоролевой социализации в современной западной психологии [Текст] / Т. А. Репина // Вопросы психологии. – № 2. – 1987. – С. 158–165.
156. Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и философский камень [Текст] : роман / пер. с англ. И. В. Оранского. – М. : РОСМЭН, 2002. – 432 с.
157. Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и тайная комната [Текст] / пер. с англ. М. Д. Литвинова. – М. : РОСМЭН, 2002. – 479 с.
158. Рябова, Т. Б. Пол власти : гендерные стереотипы в современной российской политике [Текст] / Т. Б. Рябова. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2008. – 246 с.
159. Рябова, Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований [Текст] / Т. Б. Рябова // Личность. Культура. Общество. – Т. V. – Вып. 1–2 (15–16). – 2003. – С. 120–139.
160. Савельев, Ю. Б. Либеральный гендерный порядок и гендерные стереотипы [Текст] / Ю. Б. Савельев // Гендерные стереотипы в современной России / сост. и общ. ред. И. Б. Назарова, Е. В. Лобза. – М. : Макс Пресс, 2007. – С. 39–48.
161. Саликова, Н. А. История создания и жанровые особенности гепталогии Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер» [Электронный ресурс] / Н. А. Саликова // ВЕСНИК МДПУ імя І. П. ШАМЯКІНА. – 2013. – № 2 (39). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-sozdaniya-i-zhanrovye-osobennosti-geptalogii-dzh-k-rouling-garri-potter> (дата обращения: 15. 04. 2018).
162. Селиванова, О. С. Гендерные стереотипы как способ репрезентации патриархатной культуры : социально-философский анализ [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 09. 00. 11 / Селиванова Ольга Сергеевна. – Екатеринбург, 2006 – 183 с.
163. Семантические категории в детской речи [Текст] / отв. ред. С. Н. Цейтлин. – СПб. : Нестор-История, 2007. – 436 с.

164. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.
165. Скулкин, О. В. Глянцевый журнальный дискурс в России XXI века : лингвориторические параметры функционирования гендер-идеала [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 09 / Скулкин Олег Владимирович. – Сочи, 2014. – 250.
166. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс] / под ред. А. А. Денисовой. – Режим доступа : <http://www.owl.ru/gender/index.htm> (дата обращения 08. 02. 2016).
167. Словарь иностранных слов. Новый словарь иностранных слов [Электронный ресурс] /by EdwART, 2009 .– Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords (дата обращения 25. 12. 2017).
168. Словарь лингвистических терминов. [Электронный ресурс] / сост. Т. В. Жеребило. – 2010. – Режим доступа : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-dictionary/index.htm> (дата обращения : 14. 03. 2018).
169. Социологический энциклопедический словарь: на рус., англ., нем., фр. и чеш. языках [Текст]. – М. : Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1998. – 488 с.
170. Смирницкий, А. И. Морфология английского языка [Текст] / А. И. Смирницкий. – М. : Издательство литературы на иностранных языках, 1959. – 440 с.
171. Смирнов, И.М. Образ успешного человека в русской и американской лингвокультурах: гендерный аспект. На материале текстов СМИ [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 20 / Смирнов Илья Михайлович. – Волгоград, 2018. – 229 с.
172. Смит, С. Постмодернизм и социальная история на западе : проблемы и перспективы [Текст] / С. Смит // Вопросы истории. – 1997. – № 8. – С. 154–161.

173. Сташкова, М.А. Функционирование пословиц и антипословиц с гендерным компонентом в современном английском языке [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 04 / Сташкова Мария Александровна. – М., 2015. – 231 с.
174. Степанов, Ю. С. Основы языкознания [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Просвещение, 1969. – 176 с.
175. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
176. Сюй Шаньшань Языковая репрезентация гендерных ценностей в современном русском языке [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.01 / Сюй Шаньшань. – Екатеринбург, 2018. – 204 с.
177. Тарасова, О. Н. Гендерная специфика поведения человека в аспекте взаимодействия вербальных и невербальных компонентов коммуникации (на материале англоязычных художественных текстов) [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 04 / Тарасова Олеся Николаевна. – Иваново, 2006 – 208 с.
178. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
179. Тимошенко, Е. К. К проблеме неомифологического содержания романов Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер» [Текст] / Тимошенко Е. К. // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. – Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2017. – С. 767–770.
180. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения [Текст] / под ред. Г. Н. Складневской. – СПб., 1998. – 700 с.
181. Томская, М. В. Воспроизводство гендерных стереотипов в дискурсивной практике (на материале текстов по этикету) [Текст] /

- М. В. Томская // Вестник МГЛУ. Вып. 18. – М. : МГЛУ, 2010. – С. 167–180.
182. Томская, М. В. Гендерная характеристика социальной рекламы (Вербальные и невербальные компоненты) [Текст] / М. В. Томская // Гендер : язык, культура, коммуникация : докл. второй международной конф. ; Москва 22–23 ноября 2001. г. – М., МГЛУ, 2002. – С. 294 – 300.
183. Тураева, З. Я. Лингвистика текста и категория модальности [Текст] / З. Я. Тураева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 105–114.
184. Уорф, Б. Л. Наука и языкознание [Текст] / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – М. : ИЛ, 1960. – Вып. I. – С. 169–182.
185. Уэст, К., Зиммерман, Д. Создание гендера [Текст] / К. Уэст, Д. Зиммерман // Гендерные тетради. Выпуск первый. – СПб. : СПб. фил. ин-та социол., 1997. – С. 94–124.
186. Фатыхова, Ф. Ф. Гендерный аспект возрастных категорий в башкирском языке [Текст] / Ф. Ф. Фатыхова // Гендер : Язык. Культура. Коммуникация : докл. первой международной конф. ; Москва 26–25 ноября 1999 г. – М., 2001. – С. 347–351.
187. Фельдштейн, Д. И. Психология современного подростка [Текст] / Д. И. Фельдштейн. – М. : Педагогика, 1987. – 240 с.
188. Холодович, А. А. Залог (Определение. Исчисление) [Текст] / А. А. Холодович // Категория залога : материалы конференции. – Л., 1970. – С. 13.
189. Цейтлин, С. Н. Язык и ребенок : Лингвистика детской речи [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. Н. Цейтлин. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
190. Чалдини, Р. Психология влияния [Текст] / Р. Чалдини. – М. : Ко-диКо, 2001. – 300 с.

191. Чепелова, Т. П. История возникновения понятия «языковая картина мира», его развитие [Электронный ресурс] / Т. П. Чеплова // Молодой ученый. – 2009. – № 5. — С. 119–122. – Режим доступа : <https://moluch.ru/archive/5/382/> (дата обращения : 28. 05. 2018).
192. Черных, О.Ю. Семиотические средства конструирования гендера в педагогическом дискурсе [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.04 / Олеся Юрьевна Черных. – М., 2012. – 182 с.
193. Чернышова, Е. А. Гендерная категоризация объектов в английском языке : на материале английской авторской сказки [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10. 02. 04 / Чернышова Евгения Александровна. – Тамбов, 2013 – 165 с.
194. Четверикова, В. Н. Гендерные особенности грамматической категории наклонение в романе Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» [Текст] / В. Н. Четверикова // Успехи современной науки и образования. – 2017. – №2. – С. 184–185.
195. Четверикова, В. Н. Гендерный аспект глагольной транзитивности в романе Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» [Текст] / В. Н. Четверикова // Известия вузов. Гуманитарные науки. – 2017. – №4. – С. 335–337.
196. Четверикова, В. Н. Специфика взаимодействия грамматической категории «залог» и гендера (на материале книг о Гарри Поттере) [Текст] / В. Н. Четверикова // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – №6 [73]. – С. 617–618.
197. Четверикова, В. Н. Языковые аспекты гендера в англоязычной детской литературе [Текст] / В. Н. Четверикова // Сборник статей по материалам VIII научно-методической конференции «Англистика XXI века», посвященной памяти профессора С. В. Воронина (Санкт-Петербург, 20-22 января 2016 года). – СПб. : Университетские Образовательные округа, 2016. – С. 136–139.

198. Четверикова, В. Н. Проявление гендерных особенностей грамматических категорий наклонение и модальность в романе Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» [Текст] / В. Н. Четверикова // Перевод в меняющемся мире : материалы II международного научного симпозиума (Иваново, 4-5 февраля 2016 года). – М. : Азбуковник, 2016. – С. 71–74.
199. Четверикова, В. Н. Гендерные особенности грамматической категории наклонение в романе Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» [Текст] / В. Н. Четверикова // Язык и общество : диалог культур и традиций – 2017 : сборник материалов международной научной конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : РИО ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2017. – С. 82–86.
200. Четверикова, В. Н. Гендерные особенности проявления грамматической категории модальность в романе Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» [Текст] / В. Н. Четверикова // Лингвистические вызовы XXI века : материалы всероссийской научной конференции ; Иваново, 3 февраля 2017 г. / отв. редакторы : О. М. Карпова, К. Я. Авербух. – М. : Азбуковник, 2017. – С. 225–229.
201. Чиршева, Г. Н. Грамматика детских кодовых переключений [Текст] / Г. Н. Чиршева // Проблемы детской речи – 1999 : материалы всероссийской конференции. Санкт-Петербург, 24–26 ноября 1999. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. – С. 196–197.
202. Чиршева, Г. Н. Основы онтобилингвологии : Русско-английский материал [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.04 / Чиршева Галина Николаевна. – СПб., 2000. – 246 с.
203. Шихирев, П. Н. Исследование стереотипа в американской социальной науке [Текст] / П. Н. Шихирев // Вопросы философии. – 1971. – № 5. – С. 168–175.
204. Шихирев, П. Н. Современная социальная психология [Текст] / П. Н. Шихирев. – М., 1999. – 448 с.

205. Шульга, О. С. Языковые средства выражения гендерных отношений (на материале «сетевой поэзии молодых авторов) [Электронный ресурс] / О. С. Шульга // Челябинск, 2017. – Режим доступа : <http://elib.cspu.ru/xmlui/> (дата обращения 01. 04. 2018).
206. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / под ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич ; Акад. наук СССР, отд-ние лит. и яз., комис. по истории филол. наук. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 427 с.
207. Юдина, Е. Г. Педагогическая диагностика в детском саду [Текст] : пособие для воспитателей дошкол. образоват. учреждений / Е. Г. Юдина, Г. Б. Степанова, Е. Н. Денисова. 3-е изд. – М. : Просвещение, 2006. – 144 с.
208. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
209. Allport G. W. The Nature of Prejudice [Текст] / G. W. Allport. – Reading, MA : Addison-Wesley, 1954. – 350 p.
210. Americana. English-Russian encyclopedic dictionary / Edited and supervised by Professor Ghelly V. Chernov, Dr of Phil. Англорусский лингвострановедческий словарь [Текст] / под ред. и общим рук. докт. филол. наук, проф. Г. В. Чернова. – Смоленск : Полиграмма, 1996. – 1185 с.
211. Aries, E. Close friendship in adulthood ; conversational content between same-sex friends [Текст] / E. Aries, Johnson F. // Sex Roles, 9. – 1983. – P. 1185–1196.
212. Aries, E. Interaction patterns and themes of male. Female and mixed groups [Текст] / E. Aries // Small Group Behavior. – 1976. – № 7. – P. 7 – 18.
213. Basow S. A. Gender Stereotypes and Roles / S. A. Basow. – Pacific Grove, CA : Brooks. – Cole, 1992 – 447 p.

214. Baxter, J. Women Leaders and Gender Stereotyping in the UK Press: A Poststructuralist Approach [Текст] / J. Baxter. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. – 157 p.
215. Boxer D. Social distance and speech behavior : The case of indirect complaints [Текст] / D. Boxer // Journal of Pragmatics. – 1993. – № 19. – P. 103–125.
216. Boulis, C., Ostendorf, M. Aquantitative analysis of lexical differences between genders in telephone conversations [Электронный ресурс] / C. Boulis, M. Ostendorf. – Режим доступа : <http://www.us.oup.com/us/catalog/general/subject/> (дата обращения : 09.10.2017).
217. Broverman, I., Vogel, S. R., Broverman, D. M., Clarkson, F. E., Rozenkrantz, P. S. Sex role stereotype : A current appraisal [Текст] / I. Broverman, S. R. Vogel, D. M. Broverman, F. E. Clarkson, P. S. Rozenkrantz // Journal of social issues, 1972. – 28(2). – P. 59–78.
218. Cambridge International Dictionary of English. [Текст]. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – 1792 p.
219. Cameron, D. Introduction : why is Language a Feminist issue? [Текст] / D. Cameron // The Feminist Critique of Language. 2nd ed. – L. : Routledge, 1999. – P. 1–21.
220. Cameron, D., McAlinden, F., O’Leary, K. Lakoff in Context : the Form and Function of tag Questions [Текст] / D. Cameron, F. McAlinden., K. O’Leary, // Coates Jenifer and Cameron Deborah (eds.). Women in their Speech Communities. – L. : Longman, 1998. – P. 74–93.
221. Coates, J. Epistemic Modality and spoken discourse [Текст] / J. Coates // Transactions of the Philological Society. – 1987. – P. 110–131.
222. Coates, J. Gossip revisited : Language in all-female groups [Текст] / J. Coates // Women in Their Speech Communities : New Perspectives on

- Language and Sex/ Coates J., Cameron D. – London and New York : Longman, 1988. – P. 94–121.
223. Coffey-Glover, L. Men in Women's Worlds: Constructions of Masculinity in Women's Magazines [Текст] / L. Coffey-Glover. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2019. – 272 p.
224. Deaux, K., Lewis, L. L. Structure of gender stereotypes : Interrelations among components and gender label [Текст] / K. Deaux, L. L. Lewis // Journal of Personality and Social Psychology. – 1984. – № 45(5). – P. 18–19.
225. Eckert, P. Communities of Practice : Where language, gender and power all live [Текст] / P. Eckert, S. McConnell-Ginet // Locating Power : Proceedings on the Second Berkeley Women and Language Conference / Hall K., Bucholtz M., Moonwomon B. – Berkeley : Berkeley Women and Language Group. – 1992(a). – P. 89–99.
226. Eckert, P. Think Practically and Look Locally : Language and Gender as Community-Based Practice [Текст] / P. Eckert, S. McConnell-Ginet // Annual Review of Anthropology. – 1992(b). – № 21. – P. 461–490.
227. Eckert, P., McConnell-Ginet, S. Language and Gender [Текст] / P. Eckert, S. McConnell-Ginet // Cambridge University Press : Cambridge, 2003. – 26 p.
228. Eckert, P., Rickford, J. (Eds.) Stylistic Variation in Language [Текст] / P. Eckert, J. Rickford // Cambridge University Press : Cambridge, 2001. – 359 p.
229. Edelsky, C. Question Intonation and Sex Roles [Текст] / C. Edelsky // Language in Society. – 1979. – № 8. – P. 15–32.
230. Fazio, R. H., Olson, M. A. Implicit measures in social cognition research : Their meaning and use [Текст] / R. H. Fazio, M. A. Olson// Annual Review of Psychology. – 2003. – Vol. 54(1). – P. 297–327.
231. Gritsenko, E., Boxer, D. What's in a (sur) name? : Women, marriage, identity and power across cultures [Текст] / Elena Gritsenko, Diana Boxer

- ер // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 2. – С. 32–47.
232. Halliday, M. A. K., and C. M. I. M. Matthiessen. An Introduction to Functional Grammar [Текст] / M. A. K. Halliday. 3d ed. – London : Arnold, 2004. – 700 p.
233. Holmes, J. Gendered Talk at Work : Constructing Gender Identity through Workplace Discourse [Текст] / J. Holmes. – Malden : Blackwell publishing, 2006. – 251 p.
234. Hyland, K. the Author in the text : Hedging Scientific writing [Текст] / K. Hyland // Hong Kong Papers in Linguistics and Language teaching. – 1995. – P. 33–42.
235. Jespersen, O. Language, its nature, development and origin [Текст] / O. Espersen. – L., 1922. – 460 p.
236. Jespersen, O. The Woman [Текст] / O. Espersen // The Feminist Critique of Language : A Reader / O. Jespersen. – Routledge : London, New York, 1998. – P. 225–241.
237. Johnson, F. L. Politikal and Pedagogikal Implikations of Attitudes Towards Women's Language [Текст] / F. L. Johnson // Communication Quarterly. Heft 2. – 1983. – P. 133–138.
238. Johnson, S., Meinhof, U. Language and Masculinity [Текст] / S. Johnson, U. Meinhof. – N. Y., 1996. – 244 p.
239. Jule, A. Speaking Up: Understanding Language and Gender [Текст] / A. Jule. Bristol : Multilingual Matters. London, 2018. – 144 p.
240. Key, M. R. Male/Female Language [Текст] / M. R. Key. – New Jersey, Metuchen : Scarecrow Press, 1975. – 195 p.
241. Lakoff R. Language and woman's place [Текст] / R. Lakoff. – N. Y. : Harper and Row, 1975. – 328 p.
242. Longman Dictionary of the English Language [Текст] / Ed. by B. O'Kill S. Engineer, H. Gay. – Harlow, 1991.

243. Longman Dictionary of Contemporary English for Advanced Learners [Текст]. – Harlow, 2009. – 1200 p.
244. Longman Dictionary of English Language and Culture [Текст] . – Harlow, 2005.
245. Maccoby, E. E., & Jacklin, C. N. The Psychology of Sex Differences [Текст] / E. E. Maccoby, C. N. Jacklin. – Stanford, CA : Stanford University Press, 1974. – 530 p.
246. Mackay, D., On the Goals, Principles and Procedures for Prescriptive Grammar [Текст] / D. Mackay // Language and Society. – 1980. – № 9. – P. 349–367.
247. Mauthner, F. Beitrage zu enier Kritik der Sprache. I Ffm [Текст] / F. Mauthner // Wien. – 1982. – P. 5–100.
248. Mauthner, F. Beitrage zu enier Kritik der Sprache. II. Ffm. [Текст] / F. Mauthner. – Wien, 1982. – 665 p.
249. Mauthner, F. Beitrage zu enier Kritik der Sprache. III. Ffm. [Текст] / F. Mauthner. – Wien, 1982. – 555 p.
250. McCabe, J., Fairchild, E., Grauerholz, L., Pescosolido, B., Tope, D. Gender in 20th Century Children's Books: Patterns of Disparity in Titles And Central Characters [Текст] / J. McCabe, E. Fairchild, L. Grauerholz, B. Pescosolido, D.Tope // Gender and Society. – 2011. № 25. – P. 197–226.
251. McCarthy, M., O'Dell, F. English Idioms in Use [Текст] / M. McCarthy, F. O'Dell. – Cambridge : CUP, 2002. – 190 p.
252. McConnel-Ginet, S. The sexual (re)production of meaning : A discourse based approach [Текст] / S. McConnel-Ginet // The Feminist Critique of Language : A Reader / Cameron D. – Routledge : London and New York. – 1998. – P. 198–210.
253. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition [Текст] . – Macmillan Publishers Ltd., 2007. – 1748 p.

254. Mckee, J. P., Sheriffs, A. C. The Differential Evaluation of Males and Females [Текст] / J. P. Mckee, A. C. Sheriffs // Journal of Pers. – 1957. – N 25. – P. 29–31.
255. Money, J. Hermaphroditism, Gender and Precocity in Hyperadrenocorticism : Psychologic Findings [Текст] / J. Money // Bulletin of the Johns Hopkins Hospital 96. – 1955. – P. 253–264.
256. Pusch, Luise F. Das Deutsche als Männersprache : Diagnose und Therapievorschlage / Luise F. Pusch, // Schonigh. – 1982. – P. 43–59.
257. Raguz, M. Masculinity and Femininity : An Empirical Definition [Текст] / M. Raguz. – Nijmegen, 1991. – 405 p.
258. Renzetty, Claire M., Curran, Daniel J. Women, Men and Society [Текст] / Claire M. Renzetty, Daniel J. Curran. – Boston, 1999. – 257 p.
259. Rowling, J. K. Harry Potter and the Philosopher’s Stone [Текст] / J. K. Rowling. – London : Bloomsbury Publishing Plc, 2004. – 397p.
260. Rowling, J. K. Harry Potter and the Chamber of Secrets [Текст] / J. K. Rowling. – London : Bloomsbury Publishing Plc, 2014. – 341p.
261. Rubin, J. Nonlanguage Factors Affecting Undergraduates’ Judgments of Nonnative English-Speaking Teaching Assistants [Текст] / J. Rubin // Journal of Higher Education. – 1992. – №33. – P. 1–34.
262. Schneider, D. J. The Psychology of Stereotyping [Текст] / D. J. Schneider. – New York : Guilford press, 2004. – 704 p.
263. Spender, D. Man made language [Текст] / D. Spender. – London : Routledge & Kegan Paul, 1980. – 264 p.
264. Stern, C. und Stern, W. Die Kindersprache [Текст] / C. Stern, W. Stern. – Leipzig : Barth, 1907. – 433 p.
265. Stoll, C. Male-Female : Socialization, Social Roles, and Social Structure [Текст] / C. Stoll. – Iowa : Paperback, 1974. – 218 p.
266. Strand, E. Uncovering the Role of Gender Stereotypes in Speech Perception [Текст] / E. Strand // Journal of Language and Social Psychology. – 1999. – №18. – P. 86–99.

267. Strand, E., Johnson K. Gradient and Visual speaker normalization in the perception of fricatives. In D. Gibbon (Ed.) [Текст] / E. Stand, K. Johnson // Natural language processing and speech technology : Results of the 3rd KONVENS conference. – Berlin. – 1996. – P. 232–243.
268. Tromel-Plotz, S., Frausprache, Sprache der Veränderung [Текст] / S. Tromel-Plotz. – Frankfurt-a-M : Taschenb. Verlag, 1995. – 283 p.
269. Wareing, Shan. What do we know about language and gender? [Текст] / S. Wareing // Paper presented at eleventh sociolinguistics symposium – Cardiff. – 1996. – P. 5–7.
270. Weatherall, A. Constituting and responding to domestic and sexual violence [Текст] / A. Weatherall // Gender and Language. – 2019. № 13. – P. 149–152.
271. Williams, J. E., Best, D. L. . Measuring sex stereotypes [Текст] / J. E. Williams, D. L. Best. – N. Y. -L. : A thirty-nation study. Beverly Hills, 1978. – 368 p.
272. Zimmerman D., West C. Sex Roles, interruptions and Silences in Conversations [Текст] / D. Zimmerman, C. West // Language and Sex : difference and dominance / ed. by B. thorn, N. Henley. Rowley, Massachusetts : Newbury House Publishers. – 1975. – P. 105–129.